

МГППУ

ФАКУЛЬТЕТ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Сборник тезисов участников

15 – 23 мая 2025
Москва

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**Сборник тезисов участников научно-практической
интернет-конференции по юридической психологии**

(15-23 мая 2025 года)

**Москва
2025**

УДК 159.9

ББК 88.47

C23

C23

«Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии». Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (15-23 мая 2025 года) / под ред. А.А. Марголиса, Н.В. Дворянчикова, Н.В. Богданович, О.Р. Бусаровой, М.Г. Дебольского, Е.Г. Дозорцевой, Л.М. Карнозовой, И.Н. Коноплевой, Е.Г. Пастуховой, Ф.С. Сафуанова; сост. О.Д. Гурина. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. – 311 с.

ISBN 978-5-94051-355-1

УДК 159.9

ББК 88.47

ISBN 978-5-94051-355-1

© ФГБУ ВО МГППУ, 2025

Оглавление

Дворянчиков Н.В. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	9
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ	
ПСИХОЛОГИИ	10
Курбатова Н.С. Психофизиологические исследования с применением	
полиграфа	10
Певзнер И.В. Эволюция представлений о личности корыстного и корыстно-	
насильственного преступника в дореволюционной России	14
СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ	
КОНТЕКСТЕ	17
Иванова М.С., Шевченко Н.В. О тенденции к психопатии. Скрытая	
психопатия	17
Карунин И.В., Лосева В.В., Сарксян С.Г., Дадаян С.А. Субклинический	
садизм в личности будущих хирургов как предиктор феномена клиницида .	20
Климова О.А. Психологическая экспертиза по делам о неприемлемых	
формах поведения, проявляющихся в любой форме домогательства к жертве	
(о харассменте): критерии для судебной оценки	24
Маслакова А.А. Психология лжи: как распознать обман в судебных	
разбирательствах	27
Никитина И.М. Негативные симптомы у лиц с шизофренией, являющихся	
получателями стационарных социальных услуг	29
Провоторова Н.Л. Нарушения саморегуляции у лиц с наркотической	
зависимостью как фактор криминализации поведения	32
Старкова М.Г. Возможности оценки риска антиобщественного поведения у	
людей с личностной аномалией.....	35
Тараканова И.А. Влияние тревожных расстройств на точность опознания	38
Трембовецкая Ю.П. Изучение внутриличностного конфликта у мужчин с	
травматическим жизненным опытом, злоупотребляющих ПАВ	40
Щербина В.А. Нейropsихологический подход к изучению связи между	
саморегуляцией и рефлексивностью у молодежи	43
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	
.....	46
Агапова Я.В. Особенности когнитивных искажений и принятия решений у	
молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению	46
Акимова Н.П. Выявление несовершеннолетних с девиантным поведением в	
образовательных организациях	48
Анисимова А.А. Апробация опросника “Шкала навязчивых грез (MDS-16)”	
на русскоязычной выборке.....	51

Анисимова Д.Д. Связь аутоагрессии и склонности к риску у лиц разных возрастов на примере беттинг-аддикции.....	54
Атаманова А.В. Аутоаггрессивное поведение подростков как девиация возрастного развития	57
Бажанова И.С. Бодимодификации в контексте девиантного поведения: обзор современных исследований	61
Бахрамеева М.П. Представления о возможной работе с кризисным психологом у пострадавших от насилия, имеющих различные акцентуации характера	64
Березянский А.М. Мотивационные факторы, влияющие выбор подростками способа табакокурения	68
Бойкин И.Р. Воспитанники сувузт: есть ли различия между девушками и юношами?.....	70
Бубель Н.П. Влияние сексуальной эксплуатации на самооценку женщин в разных культурных контекстах	73
Буркова Е.Ю. Связь эскапизма со склонностью к виктимному поведению у девушек, увлеченных фанфикшеном	77
Ведерникова П.О. Сочувствие к себе и эмоциональный интеллект у молодых взрослых со склонностью к думскроллингу	79
Вознесенская К.В. Психологические особенности киберпреступного поведения и его детерминанты	82
Голенкова Е.В. Связь алекситимии и склонности к созависимым отношениям в юношеском возрасте.....	85
Голова С.Р. Связь между склонностью к агрессии и мотивацией выбора геймерами игр в жанре «эро-гуро».....	87
Грузова Е.А. Социально-психологические особенности стигматизации молодых женщин.....	91
Дворянчикова К.Н. Исследование влияния уровня самоуправления на результаты полиграфологического тестирования	94
Деева А.Р. Роль личностных и ситуационных факторов в развитии криминального поведения у различных типов серийных убийц	96
Демина К.А. Особенности агрессивного поведения у молодёжи с компьютерной зависимостью	100
Деринг В.В. Киберсталкинг как форма девиантного поведения.....	102
Дядькин Г.А. К вопросу определения, содержания и профилактики кибербезопасности студентов высшего учебного заведения	105
Катренко Е. А. Проблема социализации молодых людей, вернувшихся с зон боевых действий.....	108
Королев Н.А. Связь перфекционизма с самооценкой у подростков	112

Кубахова Е.С. Психологические аспекты уязвимости лиц со склонностью к виктимному поведению в контексте кибермошенничества	114
Курбатова А.А. Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей.....	117
Романцова Д.А. Особенности мотивов выбора типа курительного поведения у лиц юношеского возраста.....	121
Маругаева Э.Э. Исследование диспозиций насильственного экстремизма и индивидуальной религиозности	124
Мхитарян М.В. Влияние авторской сюжетно-ролевой игры «Познаю себя – познаю мир» на развитие социально-коммуникативных навыков у детей 6-7 лет.....	128
Натурина Д.А. К вопросу о диагностике запойного просмотра видеоконтента	131
Неплюева А.С. Особенности саморегуляции подростков, проявляющих тенденцию к девиантному поведению.....	135
Пронина Ю.А. Связь агрессивного поведения подростков и их представления о родительском отношении.....	138
Романцова Д.А. Особенности мотивации при выборе типа курительного поведения в юношеском возрасте	140
Сакович А. А. Особенности восприятия городской среды мегаполиса у молодежи со склонностью к виктимному поведению	142
Самохин Г.С. Диспозиции насильственного экстремизма и стиль саморегуляции поведения у подростков, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа	145
Сборщик А.О. К вопросу о феноменологии скролл-шоппинга и проблеме диагностики онлайн-шоппинга в контексте нехимических аддикций	148
Смагина А.М. Профилактика буллинга и насилия в образовательной среде: роль и функции педагога-психолога	152
Ткачук Г.А. Факторы психологической уязвимости к фишингу как к способу социальной инженерии	155
Юнгман Д.М. Картина мира подростков, находящихся в воспитательных колониях	158
Ядрышникова У. М. Когнитивные искажения, авторитарность и представления о жертвах сексуального насилия у лиц разных возрастов	161
Якубович-Ясная М. А. Склонность к самоповреждающему поведению у молодых взрослых, состоящих в фандомах	165
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	167
Брядовая Е.Н. Влияние индивидуально-психологических особенностей подростков на воспроизведение информации о криминальной ситуации....	167

Верховникова Ю.Н. Роль ассертивности в снижении социальной тревожности и номофобии у подростков	171
Воронина А.В. Влияние авторского тренинга на мотивационную готовность к школьному обучению у старших дошкольников.....	174
Гамова Д. Д. Роль предустановок в представлениях о насилии и агрессии по отношению к ребенку	177
Даниска М.В. Эмоциональная зависимость в межличностных отношениях как предиктор социально-психологической дезадаптации подростков.....	181
Иванова В.Е. Связь субъектности, жизнестойкости и уровня правосознания у лиц юношеского возраста.....	184
Каримова В.Д. Проблема профессионального самоопределения подростков в контексте их личностных характеристик	187
Кириленко Е.А. Возрастные особенности участников буллинга.....	190
Князева Ю.П. Развитие наглядно-образного мышления у детей с расстройством аутистического спектра посредством игровой деятельности	192
Кузовкина В.Э. Связь самоотношения с уровнем одиночества и конфликтности у лиц подросткового возраста со склонностью к девиантному поведению	196
Остапенко К.В. Особенности психологического благополучия у старших дошкольников в ситуациях риска буллинга.....	198
Отрыванова Е.Л. Социальная адаптация и профориентация подростков с академической одаренностью	202
Павлова М.С. Методические основания исследования ценностно-смысловой сферы у подростков и молодых взрослых с химической зависимостью	205
Погорелова А.Н. Коммуникативный тренинг как метод психологической коррекции созависимых отношений в юношеском возрасте	208
Редька Я. Е. Склонность к интернет-зависимости и смысловая сфера старших школьников	210
Ротко М.Ю. Социально-психологический тренинг как способ работы с психологической суверенностью подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению	213
Свирина Е.П. Оценка внушаемости и склонности к фантазированию у детей младшего школьного возраста.....	217
Тарасенко Д.С. Индивидуально-психологические особенности и склонность к отклоняющемуся поведению у представителей субкультуры квадроберов	219
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	223

Давыдкина М.А. Особенности учебной мотивации и отношения к учению у студентов со склонностью к академическому киберлафингу	223
Плахтий Д.С. Отношение к смерти на разных этапах профессионализации студентов юридических психологов	226
Рудницкая А.И. Социо-психологические предикторы прокрастинации в студенческой среде	230
Шугай В.О. Академический киберлафинг, жизнеспособность и адаптация у студентов юридических психологов	233
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	237
Левин Л.М. Особенности восприятия жизненного пути несовершеннолетними осужденными в зависимости от их уровня жизнестойкости	237
Фролова П.С. Исследование акцентуированности характера осужденных, которым неотбытая часть уголовного наказания в исправительной колонии заменена принудительными работами.....	240
ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ. ЗАРУБЕЖНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	243
Налетова Д. А. Построение оценки риска радикализации в подростковой и молодёжной среде в рамках теории неопределенности-идентичности (М. Хогг).....	243
Семенченко Н.А. Апробация пятифакторного опросника личности FFICD и опросника межличностного функционирования SIFS на российской выборке мужчин и женщин	245
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	249
Ельмееева М.Б. Психологический портрет лиц молодого возраста, занимающихся общественно-политической деятельностью.....	249
Кириллова Е.А. Изменение самоэффективности психологов-практиков в процессе профессионального обучения.....	253
Киров Р.Н. «Образ войны» у участников боевых действий, переживших тяжелый стресс	256
Корнева С. В. Половые особенности профессионального выгорания, психологических защит и прокрастинации у сотрудников правоохранительных органов	260
Люсова Т. А. Критерии и показатели личностной организации времени и профессионального выгорания сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел.....	263
Медведева М.Д. Враждебность как инструмент воздействия в когнитивной войне	267

Пепина К.Д. Эмоциональное выгорание у сотрудниц финансово-экономической службы оборонного предприятия	270
Сипатова С.С. За гранью улик: психология расследования	273
Селина Е.П. Изменение представлений о профессиональной деятельности у курсантов и слушателей в процессе обучения в образовательных организациях МВД России.....	277
ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С КОНФЛИКТНЫМИ, КРИМИНАЛЬНЫМИ И ИНЫМИ СЛОЖНЫМИ СИТУАЦИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
	281
Афанасьев Е.П. Восстановительные практики в культуре школы	281
Иванов Е. П. Феномен прощения в восстановительных программах.....	283
Ипатьева Е.О. Психологические последствия боевого стресса у военнослужащих: анализ и пути реабилитации.....	287
Куливар И.С. Эффективность применения восстановительных программ в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа.	
Извинительные письма	290
Романова Н. Г. Восстановительная программа «Круг сообщества» как инструмент развития эмоционального интеллекта учащихся колледжа	294
Светозарова О.С. Восстановительный диалог классного руководителя и воспитанника как пространство рождения смыслов	298
Соболева Н.А. О работе со сложными (высококонфликтными) ситуациями бывших супружес по вопросам воспитания общих несовершеннолетних детей с использованием восстановительного подхода	301
Черных К.И. Обоснование программы «Школа юного медиатора» с целью развития эмоционального интеллекта подростков-сирот	305
Шестопалова В.В. Применение восстановительных программ в работе с осужденными женщинами в сфере семейных отношений, на этапе подготовки к освобождению	308

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 14-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом «Юридическая психология» Московского государственного психолого-педагогического университета.

В сборнике представлены тезисы научных и практических работ в сфере изучения различных форм интернет-зависимого поведения и проблемного использования интернета, личностных особенностей подростков с девиантным поведением, особенностей агрессивного и насилиственного поведения подростков и взрослых и его влияния на личностное развитие, проблем психофизиологических исследований с помощью полиграфа, судебной психологической экспертизы, подходов к психологической реабилитации военнослужащих и другие актуальные темы юридической психологии.

Всего в работе конференции приняли участие более 100 студентов и молодых ученых не только из МГППУ, но и таких вузов как Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Университет Мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский университет путей сообщения Императора Александра I, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Новосибирский государственный педагогический университет, Нижегородская академия МВД России, Уральский федеральный университет имени первого президента РФ им. Б.Н Ельцина, Херсонский технический университет. В конференции также приняли участие представители ФСИН, МВД России.

Материалы интернет-конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Декан факультета
юридической психологии МГППУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Психофизиологические исследования с применением полиграфа

Курбатова Н.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

Оценка достоверности информации, сообщаемой человеком, на основе тестиования с применением полиграфа или других методов является разделом прикладной психофизиологии – науки, ориентированной на решение многочисленных задач в самых различных областях жизнедеятельности. Несмотря на длительно существовавший скептицизм ученых и специалистов в области психофизиологии, почти вековой опыт использования проверок на «детекторе лжи» в разных странах мира, убедительно свидетельствует не только о его эффективности в расследовании сложных преступлений, но и о существенном прогрессе в технологиях «детекции лжи» (Пеленицын А.Б., Сошников А.П., 2021).

Известно большое количество теоретических обоснований взаимосвязи между мотивацией и физиологическими процессами после фиксации психофизиологических реакций, полученных в ходе ПФИ, в частности, следует упомянуть такие научные разработки: теория установки на достижение (Дэвид МакКлелланд), мотивация к достижению является важным двигателем поведения во многих сферах жизни; двухфакторная теория (Фредерик Герцберг), влияние материальных и нематериальных факторов на мотивацию человека; условно-рефлекторная теория И.П. Павлова, при сильном возбуждении одного участка коры мозга под действием безусловного раздражителя, другой участок, стимулируемый условным раздражителем, может связать свои реакции с первым.

Идея о том, что страх или возбуждение тесно связаны с обманом, обеспечивает широкое обоснование формата теста «контрольно-проверочных» вопросов. Предполагается, что тест на вопросы сравнения и связанные с ним форматы создают такой контекст, в котором испытуемый, невиновный в действиях, указанных в соответствующих вопросах, будет, по крайней мере, столь же обеспокоен и реагирует, если не больше, в отношении лжи на вопросах сравнения, как о даче правдивых ответов на соответствующие

вопросы. Напротив, предполагается, что испытуемый, виновный в некоторых запрещенных действиях, более напуган, обеспокоен или испытывает стресс из-за того, что его уличают во лжи, и, следовательно, более реагирует на соответствующие вопросы, чем на вопросы сравнения. В поддержку этих предположений было предложено несколько теоретических объяснений. Хотя существуют доказательства, подтверждающие некоторые положения, лежащие в основе некоторых из этих теорий, ни одна из них не подвергалась подробному исследованию в контексте полиграфа (Комиссарова С.В., 2017).

Теория психологических установок (теория угрозы наказания Р. Дэвис) утверждает, что, когда обследуемый боится наказания или ожидает серьезных последствий, такой страх или ожидание вызывает измеримую физиологическую реакцию (например, учащение пульса, дыхания, кровяное давление или электрической активности кожи), если человек отвечает обманчиво. Поскольку считается, что последствия лжи на сравнительные вопросы меньше, чем ложь на проверочные вопросы, теория состоит в том, что ложь на проверочные вопросы будет связана с более сильными физиологическими реакциями, чем ложь на контрольные вопросы. Эти теории предполагают, что обнаружение обмана будет более надежным в реальных ситуациях, связанных с сильными эмоциями и наказанием, чем в безобидных допросах или лабораторных симуляциях.

Таким образом, полиграф, основан на принципе физиологических реакций организма человека на эмоциональное возбуждение. Основные параметры, измеряемые полиграфом, включают изменения в сердечном ритме, дыхании, кожном сопротивлении и кровяном давлении. Указанные физиологические показатели предполагается, что изменяются в зависимости от психологического состояния человека, включая уровень стресса, тревожности и эмоционального возбуждения.

Однако влияние эмоций на физиологическую активность появляется только тогда и существует до тех пор, пока вызывающая информация находится во внимании тестируемого. Как только его внимание будет переключено в какую-либо другую область, вклад эмоционального компонента в физиологические изменения будут уменьшаться. Другими словами, эмоциональные эффекты оказываются вторичными по отношению к функции внимания.

Физиологические реакции могут быть вызваны не только обманом, но и другими эмоциональными состояниями, а также внешними факторами, такими как стресс, усталость или дискомфорт. Более того, психологический фактор играет важную роль в результатах полиграфического тестирования.

Таким образом, физиология является основой работой полиграфа, однако его эффективность и достоверность подвергаются сомнению из-за сложности интерпретации физиологических реакций и влияния психологических факторов.

В случае согласия заявителя (свидетеля) либо подозреваемого на проведение психофизиологического исследования с участием специалиста полиграфолога формируются определенные тесты, и при положительном результате на причастность лица к преступлению выясняется при расследовании убийства, например, где спрятан труп – в городе либо за городом. Вопросы могут задаваться с предъявлением рисунков, карт, схем, фотографий места либо местности предполагаемого захоронения. Цель исследования подтвердить причастность конкретного лица к преступлению, сузить район поиска захоронения и установить иные интересующие следствие вопросы.

Необходимо помнить, что в соответствии с пунктом 5.2.1 Обзора кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (далее ВС РФ) за второе полугодие 2012 г., утвержденного Президиумом ВС РФ 3 апреля 2013 г., «согласно уголовно-процессуальному закону психофизиологические исследования не являются доказательствами». Такие заключения не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, и такого рода исследования, имеющие целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно статье 74 УПК РФ (Кассационное определение от 4 октября 2012 г. № 34-О12-12).

В свете этих аспектов полиграфическое исследование не является исключительным и достоверным методом определения состояния человека и уровня достоверности его высказываний. Оно подвержено влиянию множества факторов, включая психологические, социокультурные и контекстуальные особенности. Таким образом, хотя полиграф может быть использован в качестве одного из инструментов для сбора информации, необходимо учитывать его ограничения и применять с осторожностью, основываясь на комплексном анализе данных и контекста.

Наиболее показательные положительные примеры проведения ПФИ полиграфологами Главного следственного управления по городу Москве можно привести по уголовному делу, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту безвестного исчезновения П., 1963 г.р. Следствием установлено, что последним кто видел пропавшую женщину является ранее судимый М., в отношении которого и было назначено проведение ПФИ. По результатам проведенного исследования, были выявлены психофизиологические реакции,

свидетельствующие о его информированности о способе лишения жизни П., о месте сокрытия ее тела, а также об иных значимых обстоятельствах. В результате организованных поисковых мероприятий, используя частные признаки, установленные полиграфологом, закопанный труп П. был обнаружен, после чего М. был задержан и дал признательные показания об обстоятельствах совершенного им убийства.

В ходе работы по преступлениям прошлых лет можно привести пример по уголовному делу 1976 года по факту убийства К. Установлено, что неизвестный, путем злоупотребления доверием, проник в квартиру К., где напал на нее, совершив ее убийство, а также похитил имущество последней. Спустя 48 лет, по результатам проведенных молекулярно-генетических экспертиз установлен предполагаемый преступник – К.А.М., 1948 г.р.

По результатам проведенного ПФИ в отношении К. выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что он информирован о способе лишения жизни потерпевшей К. и о пропавшем имуществе. В тот же день после ознакомления с результатами ПФИ подозреваемый К.А.М. признал свою вину в совершении убийства.

В настоящее время ПФИ остается надежным помощником следователя в расследовании преступлений, полиграф остается популярным инструментом в уголовном процессе, однако его применение в высокотехнологичную эпоху требует более тщательной оценки в совокупности с собранными по уголовному делу доказательствами.

Литература

1. Верховный Суд РФ [официальный сайт]. – URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/15120/> (дата обращения: 24.02.2025).
2. Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. – М.: Проспект, 2016. – С.88.
3. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Доказательная полиграфология. Подробное руководство для полиграфологов-практиков: В 4 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 169–175.

Эволюция представлений о личности корыстного и корыстно-насильственного преступника в дореволюционной России

Певзнер И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

В настоящей работе предпринимается опыт выделения и характеристики основных теоретико-методологических подходов к изучению корыстной и корыстно-насильственной преступности с середины XIX столетия по 1917 год в России. В ходе историко-генетического исследования воззрений на личность указанных типов преступника проводится сравнительный обзор динамики их развития в рамках трех направлений научной мысли. Ко второй половине XIX столетия нашей стране удается не только преодолеть некоторое отставание в развитии гуманитарного знания, но и в ряде случаев даже предвосхитить общемировые тенденции в области уголовно-правовой и криминологической наук.

«Последние 30 лет в истории уголовного права – период, едва ли не самый интересный за всё время существования этой науки, - справедливо отмечал еще в 1905 году М.Н.Гернет. – За такой сравнительно короткий промежуток времени, как три десятилетия, протекшие с половины семидесятых годов XIX века, возникают в области науки уголовного права одно за другим новые направления, антропологическое и социологическое, резко отличающиеся от старого, так называемого классического» (Гернет М.Н., 1974). В действительности за столь небольшой по историческим меркам временной период русские ученые смогли преодолеть нелегкий путь от дореволюционного уголовного права к советской криминологии, чем подготовили благодатную почву для дальнейшего изучения преступной личности. В непростых условиях исторического развития отечественного гуманитарного знания становление всех трех вышеназванных научных школ фактически идет параллельно друг другу, что обусловило возможность между ними многочисленных взаимных влияний. Эклектичность исследований русских «классиков», «социологов» и «антропологов» находит свое отражение в их воззрениях на личность преступника.

Динамика развития представлений о личности преступника неразрывно связана с существованием той исследовательской парадигмы, основы которой были заложены Ч.Беккариа во второй половине XVIII столетия. На

протяжении своей длительной истории она неоднократно демонстрирует свою высокую жизнеспособность. В первой половине XIX века её становление происходит в русле уголовно-правовой мысли, получившей широкое освещение в трудах представителей классической школы.

Тем не менее личности преступника так и не суждено было стать отдельным предметом изучения классической школы, приверженцы которой, следуя юридическим догмам, неизменно видели в уголовно-правовой науке «чистое» учение о преступлении и наказании. Отказ «классиков» от исследования преступной личности, вытесненной абстрактной моделью субъекта преступления, приводит к тому, что их представления о корыстном и корыстно-насильственном преступнике не выходят за рамки юридических конструкций составов соответствующих общественно опасных деяний.

Во второй половине XIX века неспособность «классиков» объективно подойти к решению проблемы роста преступности заставляет многих исследователей обратиться к новой позитivistской методологии, продемонстрировавшей свою эффективность в области естественных наук. В это время возникают социологическая и антропологическая научные школы, в рамках которых происходит зарождение криминологической науки.

Однако представления о личности корыстного и корыстно-насильственного преступника также не получают активного развития внутри социологической школы. Несмотря на открытые заявления «социологов» о необходимости научного исследования самого преступника, который должен был стать центральной фигурой в обновленном учении о преступлении и наказании, на практике он ускользает из их поля зрения, поскольку оказывается практически неразличимым за фасадом позитивистского исследования преступности.

Появление антропологической школы становится весьма прогрессивным шагом в развитии мировой науки, способствующим началу кристаллизации доселе разрозненных и фрагментарных представлений о преступной личности. Отказавшись от крайних положений ломброзианства, представители антропологической школы обращаются к постановке проблемы типизации личности преступника. Её возможное решение уже не представляется им столь жестко детерминированным биологическим фактором, но, напротив, конструируется в качестве синтеза природной и социальной среды, получившей отражение в организме человека и его жизнедеятельности. Ближайшая перспектива развития антропологического исследования преступной личности отныне заключается в детальной разработке научной типологии преступников для последующего изучения каждого преступного типа в отдельности.

В дореволюционной России научные представления о личности корыстного и корыстно-насильственного преступника в наиболее полном виде находят свое отражение в трудах П.Н. Тарновской. Её антропологические исследования женской преступности становятся первыми работами, в которых осуществляется рассмотрение указанных типов преступной личности.

В настоящей работе делается вывод о том, что на протяжении изученного исторического периода ни одной из вышеназванных научных школ в конечном счете не удается осуществить смену выявленной исследовательской парадигмы. В этом смысле новые позитивистские течения хоть и вытесняют старую классическую школу, однако, по образному замечанию В.Д. Спасовича, им оказывается не под силу «отставить от службы» прежнее учение Ч. Беккариа. Научные представления о личности преступника продолжают свой путь исторического развития в русле той исследовательской парадигмы, которая была основана этим великим итальянским гуманистом.

Литература

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.:Стелс, 1995. – 304 с.
2. Гернет М.Н. Избранные произведения. – М.: Юрлит, 1974. – 638 с.
3. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Сост. В.С. Овчинский. – М.: Инфра-М, 2010. – 770 с.
4. Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. – М.: Наука, 1991. – 208 с.
5. Ковальски Ш. Правонарушительницы. Женская преступность и криминология в России (1880-1930). – СПб.: Библиороссика, 2021. – 375 с.
6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
7. Ломброзо Ч. Преступный человек. – М.: Мидгард, 2005. – 876 с.
8. Тарновская П.Н. Воровки: антропологическое исследование: доклад I секции Русского общества охраны народного здоровья. – Казань: Познание, 2024. – 124 с.
9. Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование. – СПб.: Типография Сытина, 1902. – 513 с.

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

О тенденции к психопатии. Скрытая психопатия

Иванова М.С., Шевченко Н.В.

Университет Мировых Цивилизаций имени В. В. Жириновского
(г. Москва)

Научный руководитель - Шевченко Н.В.

В данном контексте психопатия – термин, обозначающий лиц с патологией эмпатии, проблемами с формированием привязанностей, явными антисоциальными чертами, а также врожденными свойствами, характеризующими первичную психопатию, когда указанные особенности являются не следствием травмы или заболевания, а результатом генетической предрасположенности или аномального развития мозга.

Цель исследования – разработка концептуальной модели, описывающую тенденции к психопатии, с акцентом на их скрытые проявления. Для достижения этой цели будут решены следующие задачи: (1) критический анализ существующих теоретических подходов к пониманию психопатии и ее субклинических форм; (2) выделение и систематизация ключевых характеристик, определяющие «скрытую» психопатию; (3) предложение концептуальной модели, интегрирующей аспекты «скрытой» психопатии (когнитивные, эмоциональные, поведенческие); (4) рассмотрение потенциальных последствий, связанных с проявлениями тенденций к психопатии на индивидуальном и социальном уровнях.

Изначально психопатия рассматривалась в контексте криминального поведения, что нашло отражение в классических работах Херви Клекли (Cleckley H., 1941) и Роберта Хаэра (Hare R. D., 1993), разработавший «Контрольный список психопатии» (PCL-R) – широко используемый инструмент для диагностики психопатии в криминальных популяциях. Модель Хаэра акцентирует внимание на аффективных и межличностных чертах (поверхностное обаяние, отсутствие эмпатии, манипулятивность, безжалостность). Минус модели в её ограниченной применимости к лицам, не совершившим правонарушения, и недостаточном внимании к когнитивным и нейробиологическим аспектам психопатии.

Альтернативный подход представляет триархическая модель (Patrick K. J., Fowles D. S., Krueger R. F., 2009), она выделяет три независимые компонента психопатии: смелость (boldness), бессердечность (meanness) и

расторможенность (disinhibition). Модель позволяет дифференцировать различные подтипы психопатических личностей и лучше объясняет вариативность проявлений психопатии в разных контекстах.

В последние годы активно исследуются субклинические проявления психопатии и концепция «темной триады», включающая нарциссизм, макиавелизм и психопатию (Paulhus D. L., Williams K. M., 2002). Эти черты характеризуются эгоизмом, манипулятивностью, отсутствием эмпатии и стремлением к доминированию. Исследования показывают, что «темная триада» связана с широким спектром антисоциального поведения, включая мошенничество, буллинг, эксплуатацию и обман (Jonasson, P.K., Lee, N.P., Webster, G.D., Schmitt, D.P., 2009).

Нейробиологические исследования показывают, что у лиц с психопатическими чертами наблюдаются аномалии в структуре и функционировании мозга, в частности, в префронтальной коре и амигдале, областях, отвечающих за эмоциональную регуляцию, принятие решений и моральные суждения (Blair J., 2013). Дефицит эмпатии, связывается с нарушением зеркальных нейронных систем и сниженной активностью в областях мозга, отвечающих за обработку эмоций других людей.

Первичная психопатия характеризуется врожденными чертами, такими как отсутствие эмпатии и безжалостность, в то время как вторичная психопатия связана с травматическим опытом и дезадаптивными стратегиями совладания.

Предложенная модель «скрытой» психопатии акцентирует внимание на следующих ключевых компонентах: (1) когнитивные искажения, включающие в себя циничное мировоззрение, склонность к рационализации аморальных поступков и завышенную самооценку; (2) эмоциональный дефицит, проявляющийся в сниженной эмпатии, поверхностных эмоциях и неспособности к искренним привязанностям; (3) межличностные стратегии, включающие в себя манипуляции, обман, эксплуатацию и очарование, направленные на достижение личных целей; (4) поведенческие проявления, характеризующиеся импульсивностью, безответственностью, склонностью к риску и поиску острых ощущений, проявляющиеся, однако, в формах, не противоречащих явно закону.

Интеграция аспектов позволяет объяснить, как лица со «скрытыми» психопатическими чертами успешно адаптируются в обществе, не совершая явных правонарушений, но при этом нанося ущерб окружающим посредством манипуляций, обмана и эксплуатации. В отличие от классической модели психопатии Хаэра, предложенная модель акцентирует внимание на когнитивных процессах, которые позволяют лицам со «скрытыми»

психопатическими чертами оправдывать свои действия и поддерживать позитивный образ себя.

Разработанная модель согласуется с триархической моделью психопатии (Patrick K. J., Fowles D. S., Krueger R. F., 2009), в частности, с компонентом «смелость», который может способствовать успешной социальной адаптации. Предложенная модель идет дальше, раскрывая детальное описание механизмов, посредством которых «смелость» в сочетании с другими психопатическими чертами приводит к манипулятивному и эксплуататорскому поведению.

Сравнение с концепцией «темной триады» Д. Паулхуса и К. Уильямса (Paulhus D. L., Williams K. M., 2002) также показывает, что разработанная модель интегрирует элементы нарциссизма и макиавеллизма, но фокусируется на специфических когнитивных и эмоциональных характеристиках, лежащих в основе «скрытой» психопатии. В отличие от «темной триады», предложенная модель акцентирует внимание на врожденных факторах, связанных с первичной психопатией, и подчеркивает важность когнитивных искажений в поддержании антисоциального поведения.

Проведенный анализ литературы позволил выявить ограничения существующих моделей психопатии и подчеркнул необходимость учитывать когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты этого феномена в их взаимосвязи. Разработанная модель «скрытой» психопатии акцентирует внимание на когнитивных искажениях, эмоциональном дефиците и специфических межличностных стратегиях, которые позволяют лицам с психопатическими чертами адаптироваться в обществе, сохраняя при этом манипулятивный и эксплуататорский стиль поведения.

Литература

1. Blair J. Neurobiology of psychopathic traits in youth. Nat Rev Neuroscience. – 2013.– Vol. 14 – P. 786–799.
2. Jonasson, P.K., Lee, N.P., Webster, G.D., Schmitt, D.P. The Dark Triad: Facilitating Short-Term Mating Strategy in Men // European Journal of Personality. – 2009. – Vol. 23 – No. 1 – P. 5–18.
3. Cleckley H. The Mask of Sanity. – 1941. – URL: <https://gwern.net/doc/psychology/personality/psychopathy/1941-cleckley-maskofsanity.pdf>
4. Patrick K. J., Fowles D. S., Krueger R. F. The triarchic concept of psychopathy: development, psychometric, and etiological aspects // Development and psychopathology. – 2009. - Vol. 21 - №. 3 - P. 913–938.

5. Paulhus D. L., Williams K. M. The dark triad of personality: narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Personality Research. – 2002. – Vol. 36. – №. 6. – P. 556–563.

6. Hare R. D. Without Conscience: The Terrifying World of Psychopaths. – 1993. – URL: <https://2020.pindorama.sp.gov.br/fetch.php/browse/4050178/WithoutConscienceTheDisturbingWorldOfThePsychopathsAmongUs.pdf>

Субклинический садизм в личности будущих хирургов как предиктор феномена клиницида

Карунин И.В., Лосева В.В., Сарксян С.Г., Дадаян С.А.
Российский национальный исследовательский медицинский
университет имени Н.И. Пирогова
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Москва)
Научный руководитель – Трубицына Л.В.

Садизм, как психологический феномен, представляет собой сложное и многогранное явление, имеющее глубокие корни в человеческой природе. В контексте криминальной и юридической психологии садизм рассматривается как фактор, предрасполагающий к насилию и преступлениям, что вызывает особый интерес к его проявлениям в профессиональной среде (Ениколопов С.Н. и др., 2021). Одной из таких областей является хирургия, где садистские наклонности могут быть сублимированы в профессиональную деятельность, одновременно создавая риск для пациентов и общества.

Изучение мортидо, лежащего в основе садизма, осложняется тем, что его удовлетворение в мирное время проявляется в основном в крайних формах, таких как убийство или самоубийство. В связи с осуждением насилия в современном обществе исследование этих влечений становится затруднительным и ограничивается узкими группами населения. Говоря об изучении данного феномена, нельзя не упомянуть «Темную триаду» – термин, предложенный канадскими исследователями Д.Л. Полхусом и К.М. Уильямсом в 2002 году. Они продемонстрировали, что макиавеллизм, субклиническая психопатия и нарциссизм могут быть объединены в единый симптомокомплекс (Paulhus D.L. et al., 2002). Позже к нему добавили субклинический садизм (Paulhus D.L. et al., 2020). В отечественной юридической психологии, судебной психиатрии и криминологии феномен

садизма рассматривается с точки зрения предикторов насильтственного поведения и характеристики личности преступников (Артемьева Ж.Г. и др., 2016). В отличие от либидо, которое может реализовываться в разнообразных видах деятельности, садизм, как проявление мортидо, имеет гораздо меньше возможностей для выражения. Подавленное мортидо, как и либидо, использует различные виды деятельности для облегчения психического напряжения. Одной из полезных сублимаций мортидо является хирургия (Берн Э., 2022), однако, представляется важным определить, насколько подобная реализация разрушительных тенденций является безопасной для пациентов, в отношении которых мортидо реализуется.

В то же время больницы представляют собой особую форму структуры, которая снижает вероятность обнаружения убийств пациентов и облегчает доступ к жертвам. Исследователи отмечают, что организационная культура больниц, характеризующаяся доверительным разделением труда и низким уровнем контроля, повышает вероятность убийств и препятствует распространению информации об этом (Bär S., 2022). Особенности системы здравоохранения могут способствовать росту случаев «клиницида» – смерти пациентов в результате действий врачей (Kaplan R.M., 2009). Серийные убийства в сфере здравоохранения остаются актуальной проблемой для систем здравоохранения по всему миру (Menshawey R. et al., 2022). В данной ситуации именно хирургия становится наибольшим источником риска для пациентов.

Исследования показывают, что хирурги демонстрируют высокие уровни агрессии, враждебности и жестокости по сравнению с врачами других специальностей (Barlow T. et al., 2012, Lazarus J.L. et al., 2016, Люкшина Д.С. и др., 2018). Однако большинство исследований сосредоточено на работающих специалистах и ординаторах, что ставит под сомнение вопрос о том, формируется ли садизм в процессе профессиональной деятельности или изначально присущ людям, выбравшим эту профессию.

Исследование субклинического садизма и его сублимации у студентов, выбравших хирургию, поможет понять не только индивидуальные психологические характеристики, но и более широкую социальную и профессиональную динамику, способствующую агрессивному поведению в медицинской среде.

Цель исследования заключается в анализе различий в проявлении субклинического садизма у студентов медицинского университета, выбравших своей будущей профессией хирургию, и у студентов, которые предпочли нехирургические специальности.

В ходе психометрического исследования было опрошено 75 студентов-медиков в возрасте от 18 до 25 лет. Выборка формировалась через рассылку в

студенческие научные кружки, а также через учебные группы. Каждый респондент предоставил информированное добровольное согласие перед участием в исследовании. Экспериментальная группа состояла из 44 респондентов (28 девушек и 16 юношей) со средним возрастом 21,1 год ($SD=1,7$, 95% ДИ: 20,6-21,6). Контрольная группа состояла из 31 респондента (23 девушки и 8 юношей), выбравших нехирургические специальности, средний возраст – 21 год ($SD=1,7$, 95% ДИ: 20,4-21,6). Для достижения целей исследования применялись следующие методики: Короткий опросник Тёмной тетрады (Short Dark Tetrad, SD4), авторы: Paulhus D.L. et al., (2020), адаптация: Д. С. Корниенко и др. (2022). Обработка первичных данных проводилась с помощью программы «IBM SPSS Statistics Version 23».

Применение U-критерия Манна-Уитни выявило статистически значимые различия между группами по следующим показателям «Тёмной тетрады»: более высокие значения садизма (20,5% респондентов с высоким уровнем против 0% у нехирургов, $U_{эмп} = 429$, $p = 0,043$) и нарциссизма (34,1% против 3,2% у группы нехирургов, $U_{эмп} = 284$, $p = 0,000$). Показатели субклинической психопатии и макиавеллизма не обнаружили статистически значимых различий, однако высокие значения психопатии были обнаружены у 13,6% против 3,2% у группы нехирургов, количество респондентов с высокими значениями макиавеллизма практически равнозначно в обеих группах – 22,7% против 22,6%. Данные результаты подчеркивают наличие значительных различий в уровнях субклинического садизма и нарциссизма между будущими хирургами и представителями других медицинских специальностей, а также демонстрируют специфику психологических защит, в частности, наличие более высокого уровня сублимации.

Дальнейшее исследование проявлений факторов «Тёмной тетрады» в личности будущих врачей может способствовать пониманию того, как агрессивные наклонности влияют на профессиональное поведение в медицинской среде. Результаты нашего исследования указывают на то, что высокие уровни садизма и нарциссизма среди будущих хирургов могут быть предикторами не только их карьерного выбора и профессиональной эффективности, но и потенциальных рисков, связанных с клиницизмом. Понимание механизмов сублимации агрессивных наклонностей в хирургической практике может помочь в создании более безопасной и этичной среды для пациентов, а дальнейшие исследования в этой области способствуют улучшению качества медицинского обслуживания и предотвращению случаев врачебных преступлений.

Литература

1. Артемьева Ж.Г., Классен М.А. Криминологический портрет серийного сексуального убийцы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - 2016. – Вып. 4. – С. 7–12.
2. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных: главная книга по транзактному анализу. М.: Эксмо : Бомбора, 2022. – 463 с.
3. Ениколопов С.Н., Атаджыкова Ю.А. Феномен обыденного садизма // Вестник Московского университета. - 2021. – Вып. 1. – С. 38–56.
4. Люкшина Д.С., Бартковская Н.С. Психологические характеристики студентов и ординаторов хирургических направлений подготовки // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2018. – Вып. 1. – С. 139–146.
5. Bär S. Patiententötungen und organisationales Schweigen im Krankenhaus: Patient Homicides and Organisational Silence in Hospitals // Kriminologie - Das Online-Journal. - 2022. – № 4. – Р. 413–427. <https://doi.org/10.18716/ojs/krimoj/2022.4.3>
6. Barlow T., Wight A., Barlow D. A cross-sectional study of aggression levels in physicians and orthopaedic surgeons: impact on specialty selection and training? // JRSM Short Reports. 2012. – № 3. – P. 1–4.
7. Kaplan R.M. Medical murder: disturbing cases of doctors who kill. // Allen and Unwin. 2009. - p. 256.
8. Lazarus J.L., Hosseini M., Kamangar F., Levien D.H., Rowland, P.A., Kowdley, G.C., Cunningham S.C. Verbal aggressiveness among physicians and trainees // Journal of Surgical Education. - 2016. – № 4. – P. 756–760.
9. Menshawey R., Menshawey E. Brave Clarice-healthcare serial killers, patterns, motives, and solutions // Forensic Science Medicine and Pathology. - 2022. – № 19. - URL: <https://doi.org/10.1007/s12024-022-00556-4>.
10. Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N. Screening for dark personalities // European Journal of Psychological Assessment. - 2020. – № 3.– P. 208–222.
11. Paulhus D.L., Williams K.M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. - 2002. – № 6. – P. 556–563.

**Психологическая экспертиза по делам о неприемлемых формах поведения,
проявляющихся в любой форме домогательства к жертве (о харассменте):
критерии для судебной оценки**

Климова О.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)
Научный руководитель – Пимонов В.А.

В данной работе рассмотрены основные критерии психологической экспертизы, значимые для судебной оценки в делах о харассменте. Проблема правового регулирования харассмента в России остается актуальной и является популярной темой исследовательских работ. Трудности в определении нормы об ответственности за харассмент возникают в результате множества факторов: отсутствие единого законодательного определения, сложность установления доказательств, культурные и социальные особенности страны и другие факторы. Среди них противоречие между юридическими требованиями к доказательствам и психологическими особенностями харассмента является еще одним фактором, влияющим на установление вины преступника. Именно определению критериев психологической экспертизы в делах о харассменте посвящена данная работа.

В последнее время тема харассмента является объектом пристального внимания не только в средствах массовой информации, но и в сфере деятельности правоохранительных органов, а также среди специалистов в области психологии. Рост общественного интереса к данной проблеме обусловлен увеличением прецедентов. Одной из ключевых проблем правоприменительной практики, связанной с харассментом, является субъективная природа данного явления. Это создает существенные сложности в процессе доказывания наличия противоправных действий ввиду отсутствия единых критериев оценки и стандартизованных методов регистрации инцидентов.

При рассмотрении психологической природы харассмента центральное место занимает анализ мотивационной сферы агрессора. Доминирующими мотивами выступают стремление к доминированию, унижению жертвы, а также проявление сексуализированной агрессии (Fitzgerald L., Gelfand M., Drasgow F., 1995). Однако ключевым признаком харассмента, отличающего его от более тяжких форм домогательств (таких как изнасилование) является косвенное принуждение, при которой агрессор склоняет жертву к аморальным действиям путем формального ее согласия, используя при этом психологическое давление и манипуляции. Эта неоднозначность составляет

основное противоречие харассмента: с одной стороны – отсутствие прямого физического насилия, с другой – наличие скрытого принуждения. Такая динамика формирует эмоциональные и когнитивные искажения у обеих сторон: у жертвы может развиваться виктимизация и симптоматика посттравматического расстройства (Littleton H., Axsom D., Grills-Tauechel A., 2009), в то время как агрессор часто прибегает к отрицанию и рационализации своих действий.

В условиях увеличения количества случаев харассмента особую актуальность приобретает необходимость объективизации процесса доказывания посредством проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Одной из задач такой экспертизы является выявление когнитивных и эмоциональных искажений, логических противоречий или признаков симуляции, а также применение диагностических методов с использованием критериев оценки правдоподобия, например, «Оценка валидности утверждений» (Глушков М.Р., 2024).

Помимо этого, должна проводиться диагностика психоэмоционального состояния сторон: оценка наличия симптомов посттравматического расстройства у потерпевшего, диагностика тревожных и депрессивных расстройств, анализ возможных виктимологических характеристик (склонность к виктимизации, наличие зависимых паттернов поведения). Для составления психологического профиля обвиняемого стоит исследовать его личностные расстройства, провести оценку склонности к агрессии и доминированию, а также проанализировать стратегии манипуляций в межличностных отношениях.

Кроме диагностики сторон процесса, должен проводиться контекстуальный анализ динамики отношений: анализ паттернов взаимодействия между сторонами, определение наличия форм психологического давления (например, шантаж или газлайтинг).

Результаты психолого-психиатрической экспертизы рассматриваются как значимый инструмент для судебной оценки в делах, связанных с психологическим воздействием, травмой или девиантным поведением. Однако их эффективность напрямую зависит от степени объективности представленных данных.

Объективными маркерами, которыми должен ориентироваться суд в делах о харассменте, должны выступать документированные изменения в поведении жертвы (например, увольнение, снижение работоспособности, обращение к психологу), а также электронные доказательства (аудио-, видеозаписи, переписки), требующие не только технической, но и

психолингвистической экспертизы для выявления признаков психологического давления, манипуляций, угроз (например, анализ речевых паттернов, частоты контактов, динамики общения).

При недостатке объективных данных судебная оценка опирается на субъективные факторы, среди которых ключевыми являются наличие у обвиняемого подобных инцидентов (предыдущие жалобы, судимости), устойчивость или наоборот противоречивость показаний жертвы в контексте травмы, когнитивные искажения, а также эмоциональная конгруэнтность (Люсин Д.В., Кожухова Ю.А., Сучкова Е.А, 2019), которая является важным критерием достоверности.

Для минимизации рисков ретравматизации жертв, уменьшения субъективности экспертных оценок, а также устранения влияния культурных стереотипов и иных ограничений, специалистам и экспертам необходимо учитывать психологические и процессуальные особенности работы с участниками процесса при проведении психологической экспертизы.

Ключевой рекомендацией является применение единого первичного допроса. Многократное воспроизведение травмирующего события способствует ретравматизации, в связи с чем правоохранительным органам целесообразно проводить развернутый первичный допрос при участии квалифицированного психолога, а также осуществлять аудио- и видеозапись процедуры для фиксации объективных данных и предотвращения искажений при последующих пересказах.

Литература

1. Глушков М.Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 3. Оценка валидности утверждений // КриминалистЪ. 2024. – №3 (48). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opryt-primeneniya-takticheskikh-priemov-doprosa-chast-3-otsenka-validnosti-utverzhdeniy> (дата обращения: 03.05.2025).
2. Еремеев С.Г. Харассмент: современный взгляд на проблему // Прикладная юридическая психология. – 2022. – №1 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harassment-sovremennyy-vzglyad-na-problemu> (дата обращения: 04.05.2025).
3. Люсин Д.В., Кожухова Ю.А., Сучкова Е.А. Эмоциональная конгруэнтность при восприятии неоднозначных выражений лица // Экспериментальная психология. – 2019. – Том 12. – № 1. – С. 27–39. DOI: 10.17759/exppsy.2019120103 (дата обращения 04.05.2025).
4. Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В. Проблемы организации экспертно-диагностического психологического исследования

при различных видах судебно-психиатрической экспертизы // Российский психиатрический журнал. — 2019. — №3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-ekspertno-diagnosticheskogo-psihologicheskogo-issledovaniya-pri-razlichnyh-vidah-sudebno-psihiatricheskoj> (дата обращения: 04.05.2025).

5. Fitzgerald L., Gelfand M., Drasgow F. Measuring Sexual Harassment: Theoretical and Psychometric Advances // ResearchGate : [сайт]. — 1995. — URL: https://www.researchgate.net/publication/247808644_Measuring_Sexual_Harassment_Theoretical_and_Psychometric_Advances (дата обращения: 30.04.2025).

6. Littleton H., Axsom D., Grills-Taquetel A. Sexual assault victims' acknowledgment status and revictimization risk// Wiley: [сайт]. — 2009 — 28 янв. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1471-6402.2008.01472.x> (дата обращения: 30.04.2025).

Психология лжи: как распознать обман в судебных разбирательствах

Маслакова А.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(г. Москва)

Научный руководитель - Сиворонова М.С.

В юридических процессах важно уметь различать обман, что исследует психология лжи. Эта наука изучает различные аспекты обмана и способы его выявления. Обман, как форма введения в заблуждение, тесно связан с человеческой природой и может проявляться в разнообразных проявлениях – от незначительных уловок до серьезных преступлений. Особенno важно умение распознавать ложь во время судебных процессов, поскольку это влияет не только на справедливость вынесенного приговора, но и на судьбы людей.

В судебном процессе все более важной становится психология лжи и способы ее выявления, необходимые для обеспечения объективности и надежности правосудия на основе фактов и доказательств. С увеличением числа дел, где решающую роль играют свидетельские показания и личные свидетельства, возрастаet потребность в эффективных методах выявления обмана. Практика показывает, что многие свидетельские показания могут быть искажены, что подрывает их достоверность. Поэтому разработка таких методов является актуальной задачей, связанной с растущей значимостью психологии в правосудии.

Важной задачей для тех, кто занимается судебными делами, становится изучение способов выявления лжи и механизмов обмана. Технологический прогресс повлиял на методы диагностики неправды. Полиграф, который известен как "детектор лжи", анализирует физиологические реакции, такие как скорость сердечных сокращений, дыхание и электрическая проводимость кожи. Возможность обмана со стороны испытуемого и влияние различных стилей общения на результаты вызывают сомнения в точности полиграфа.

Поэтому важно проводить комплексную оценку результатов, учитывая как объективные факты, так и субъективные наблюдения. Важную роль в обеспечении справедливости в судебных разбирательствах играют опытные профессионалы, способные распознавать истерику и ложь. Они применяют специальные приемы для выявления скрытых намерений, изменяя свои вопросы в зависимости от реакции собеседника. Важно, чтобы эффективные методы обсуждали не только факты, но и эмоциональные аспекты, что помогает создать атмосферу доверия и определить степень искренности.

Участие адвокатов, психологов, криминалистов и экспертов в оценке показаний свидетелей и обвиняемых очень важно в судебном процессе. Способность этих специалистов выявлять обман влияет на результаты дела. Адвокаты должны обладать навыками анализа неверbalных сигналов и текстового контекста для представления интересов клиентов. Понимание типичного поведения помогает выявлять отклонения.

Умение задавать эмоционально заряженные вопросы и распознавать противоречия в ответах позволяет адвокатам выявлять дезинформацию. Судебная практика демонстрирует, что некоторые индикаторы неправды, такие как избегание глазного контакта или чрезмерное выражение эмоций, способны оказывать значительное воздействие на мнение судей. Важность умения распознавать ложь становится ключевым фактором в рассмотрении дел. Примеры из разнообразных судебных процессов помогают прояснить, как особенности человеческой психологии проявляются в обманных ситуациях. Одним из ярких примеров служит судебное дело о финансовом мошенничестве, где главный свидетель, опытный бухгалтер, демонстрировал уверенность и детализацию в своих показаниях.

Заметим, что судьи должны учитывать возрастные, половые и иные особенности психики индивида, социальный статус, специфические характеристики профессиональной деятельности, коммуникативные особенности личности, возможные нарушения и обманы памяти (амнезия, контаминация, конфабуляция и др.), как и многие другие факторы. Кроме того, факторами, обуславливающими дачу ложных сведений, могут выступать запугивание, жалость, боязнь мести, нежелание огласки определенных

сведений, специфическое представление о шкале социальных и нравственных ценностей, негативное отношение к представителям власти, грубость со стороны судьи или иных лиц и др.

Выявление обмана играет важную роль в различных сферах жизни. Благодаря пониманию стереотипов речи, демонстрируемых обманщиками, исследователи достигли значительного прогресса в разработке неинвазивных методов обнаружения обмана. От лингвистического анализа до распознавания микровыражений и анализа голосового стресса - эти методы открывают перспективные возможности для выявления обмана без применения инвазивных методов. По мере развития технологий мы можем ожидать дальнейшего совершенствования этих методов, что в итоге повысит нашу способность отличать правду от обмана в различных контекстах.

Литература

1. Чечетин А. Е., Луговик В. Ф. Психологические особенности опроса заподозренных в совершении преступлений : лекция. Барнаул, 2003. – 26 с.
2. Жуков Ю.М., Хренов Д. В. Методический анализ исследований неискренности // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 219–230.
3. Ахъямова И. А. Основные подходы к исследованию невербального поведения: история и современность // Образование и наука. – 2009. – № 7. – С. 122–130.

Негативные симптомы у лиц с шизофренией, являющихся получателями стационарных социальных услуг

Никитина И.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Негативные симптомы при шизофрении (ангедония, волевые нарушения, социальная отгороженность, притупленный аффект и алогия) представляют собой относительно устойчивые психопатологические проявления, оказывающие существенное влияние на клиническую картину заболевания, качество жизни пациентов и в значительной степени определяющие функциональный прогноз больных шизофренией (Kirkpatrick

B. et al., 2011). Несмотря на распространенность данной группы симптомов у больных шизофренией в системе социальной защиты, в отечественной литературе сохраняется дефицит исследований, направленных на изучение выраженности и структуры негативных симптомов у проживающих в стационарных организациях социального обслуживания. Основное внимание традиционно уделяется пациентам, находящимся на стационарном или амбулаторном лечении, тогда как получатели социальных услуг редко становятся объектом анализа.

Целью данного пилотажного исследования является комплексная оценка негативных симптомов у лиц с шизофренией, являющихся получателями стационарных социальных услуг.

В исследования приняли участие 7 получателей социальных услуг с диагнозом «Параноидная шизофrenия» (F20.0), проживающих в стационарной организации социального обслуживания, из которых была 1 женщина и 6 мужчин. Возраст испытуемых от 37 до 60 лет (47 ± 8). Продолжительность заболевания у всех обследуемых составляет более 10 лет, все имеют вторую группу инвалидности. Продолжительность проживания в стационарной организации социального обслуживания в среднем 7 лет (± 4).

В исследовании были применены следующие методики:

- Стандартизованный протокол экспертного исследования (Харитонова Н.К., 2023);
- Montreal Cognitive Assessment (MoCA) — Монреальская шкала оценки когнитивных функций (Nasreddine Z.S. et al., 2005);
- Brief Negative Symptom Scale (BNSS) — Краткая шкала оценки негативных симптомов (Kirkpatrick B. et al., 2011);
- Apathy Evaluation Scale – Self-report (AES-S) — Шкала оценки апатии, самоопросник (Marin R.S., 1991);
- Self-evaluation of Negative Symptoms (SNS) — Самоопросник негативных симптомов (Dollfus S. et al., 2016).

Обследование получателей стационарных социальных услуг, длительное время страдающих шизофренией, с применением Краткой шкалы оценки негативных симптомов (BNSS), представляет определенные сложности в связи с высокой утомляемостью и снижением мотивации.

В ходе исследования негативные симптомы оценивались по степени выраженности нарушений: отсутствие нарушений – норма (0), сомнительная степень (1), легкая степень (2), умеренная степень (3), выраженная степень (4), тяжелая степень (5) и крайняя тяжелая степень (6).

Выявлена вариативность структуры негативных расстройств. У обследуемых преобладали такие симптомы, как ангедония, социальная

отгороженность и волевые нарушения. Ангедония наблюдалась у 57% (4 человека) в выраженной и более степени нарушений, у 43% (3 человека) — в легкой степени; социальная отгороженность — у 57% (4 человека) в выраженной и более степени, у 43% (3 человека) — в легкой; волевые нарушения отмечались у 29% (2 человека) в тяжелой и крайне тяжелой степени, у 57% (4 человека) — в умеренной, у 14% (1 человек) — в сомнительной степени. В то время как притупленный аффект проявлялся в меньшей степени: у 29% (2 человека) — в выраженной, у 57% (4 человека) — в легкой и умеренной, у 14% (1 человек) — нарушения отсутствовали. Аналогичная тенденция наблюдалась и в отношении алогии: у 29% (2 человека) выявлена выраженная и крайне тяжелая степень, у 14% (1 человек) — легкая, а у 57% (4 человека) — нарушений не выявлено.

В связи с тем, что в BNSS вышеуказанные домены представлены двумя или тремя оценочными пунктами, для анализа преобладающих симптомов использовалось среднее арифметическое значение, выставленное по соответствующим критериям.

Кроме того, было выявлено, что получатели социальных услуг с преобладанием апато-абулических нарушений в большей степени преуменьшали выраженность негативных симптомов, по субъективной оценке, чем лица с преобладанием экспрессивного дефицита.

Полученные данные указывают на необходимость интегративного подхода к диагностике, при котором вербальные ответы анализируются в совокупности с невербальными признаками, анамнестическими данными и динамикой контакта, а также на важность разработки индивидуализированных программ реабилитации, направленных на повышение вовлеченности и уровня автономии лиц с психическими расстройствами (Montvidas J., Adomaitiene V., 2023).

Применение психометрических шкал позволяет не только более дифференцированно оценить актуальное психическое состояние подэкспертного, но и более подробно проанализировать причины социальной дезадаптации, что имеет значение при проведении судебно-психиатрических экспертиз по делам об изменении гражданского-правового статуса.

Литература

1. Харитонова Н.К., Русаковская О.А., Васянина В.И. Применение стандартизированного протокола экспертного исследования в делах по заявлениям об изменении гражданского-правового статуса: практическое пособие. – М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2023. – 53 с.

2. Dollfus S., Mach C., Morello R. Self-evaluation of Negative Symptoms: A novel tool to assess negative symptoms // Schizophrenia Bulletin. – 2016. – Vol. 42, № 3. – P. 571–578. – DOI: 10.1093/schbul/sbv161
3. Kirkpatrick B., Strauss G. P., Nguyen L., et al. The Brief Negative Symptom Scale: Psychometric properties // Schizophrenia Bulletin. – 2011. – Vol. 37, № 2. – P. 300–305. – DOI: 10.1093/schbul/sbq059.
4. Marin R. S. Apathy: A neuropsychiatric syndrome // Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. – 1991. – Vol. 3, № 3. – P. 243–254. – DOI: 10.1176/jnp.3.3.243
5. Montvidas J., Adomaitienė V. Correlation of Health-Related Quality of Life with Negative Symptoms Assessed with the Self-Evaluation of Negative Symptoms Scale (SNS) and Cognitive Deficits in Schizophrenia: A Cross-Sectional Study in Routine Psychiatric Care // Journal of Clinical Medicine. – 2023. – Vol. 12, № 3. – P. 901. – DOI: 10.3390/jcm12030901
6. Nasreddine Z. S., Phillips N. A., Bedirian V., Charbonneau S., Whitehead V., Collin I., Cummings J. L., Chertkow H. The Montreal Cognitive Assessment, MoCA: A brief screening tool for mild cognitive impairment // Journal of the American Geriatrics Society. – 2005. – Vol. 53, № 4. – P. 695–699. – DOI: 10.1111/j.1532-5415.2005.53221.x

Нарушения саморегуляции у лиц с наркотической зависимостью как фактор криминализации поведения

Провоторова Н.Л.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бовина И.Б.

Современные научные исследования в области юридической психологии (Сафуанов Ф.С., 2018; Дозорцева Е.Г., 2020) демонстрируют устойчивую взаимосвязь между нарушениями саморегуляции и криминальным поведением у лиц с наркотической зависимостью. По данным ФСИН (2023) свидетельствует, что около 61% преступлений в состоянии наркотического опьянения совершаются импульсивно, что коррелирует с выводами нейропсихологических исследований (Бехтерева В.М., 2019) о повреждении префронтальной коры при длительном употреблении ПАВ.

Аддикция сама по себе, и поведение личности при ее наличии, представляет собой серьезную социальную проблему, так как несет за собой отрицательные последствия: значительная тенденция снижения работоспособности, трудности в построении межличностных отношений и коммуникации с другими людьми, а также совершение преступлений.

Если обратиться к статистике, то можно отметить выраженное увеличение незаконного оборота наркотиков. В нашей стране на январь 2023 года было зарегистрировано около 16 тысяч преступлений, в соотношении с процентами прошлого года – рост на 20 процентов.

Статистика людей с наркотической зависимостью также показывает, что число таких людей только растет. За последние 10 лет этот показатель вырос на 23 процента, что делает изучение проблемы наркотической зависимости очень актуальной.

Теоретический анализ (Конопкин О.А., 2004; Моросанова В.И., 2015) позволяет выделить три ключевых аспекта нарушений саморегуляции у лиц с наркотической зависимостью:

1. Дефицит когнитивного контроля (Личко А.Е., 1991), который проявляется в нарушении процессов планирования, прогнозирования действий и оценке значимости правовых норм. Так, исследования (Ратинов А.Р., 2001) доказывают, что у около 75% наркозависимых с криминальным анамнезом отмечаются значительные трудности в анализе правовых ситуаций.

2. Эмоциональная лабильность (эмоционально-волевой компонент) (Ильин Е.П., 2009) характеризуется снижением контроля над аффективными реакциями. По данным (Шнейдер Л.Б., 2023), у 65% обследованных наркозависимых наблюдается склонность к импульсивным агрессивным реакциям.

3. Нарушения поведенческого регулирования (поведенческий компонент) (Ратинов А.Р., 2001) выражаются в неспособности сдерживать противоправные импульсы. Лонгитюдное исследование (Поздняков В.М., 2005) выявило, что лица с нарушениями саморегуляции в 3,2 раза чаще совершают повторные противоправные деяния.

Эмпирические исследования (Шнейдер Л.Б., 2023; Гилинский Я., 2007) подтверждают взаимосвязь между уровнем развития саморегуляции и склонностью к противоправному поведению.

Так, в исследовании (Шпагина Е.М., 2023) с выборкой 500 испытуемых было установлено, что у 83% наркозависимых с криминальным анамнезом отмечается низкий уровень развития регуляторных функций (по шкалам «планирование» и «гибкость» (методика Моросановой В.И., 2015).

При этом, как показало лонгитюдное исследование (Поздняков В.М., 2005), целенаправленное развитие навыков саморегуляции снижает вероятность рецидива на 28-35%.

В контексте практического применения особый интерес представляют работы (Осницкий А.К., 2007; Прохоров А.О., 2005), предлагающие конкретные методы коррекции: когнитивно-поведенческие тренинги; методы биологической обратной связи; специализированные программы правового просвещения.

Перспективным направлением (Марьин М.И., 2023; Ульянина О.А., 2022) представляется разработка комплексных реабилитационных программ, сочетающих психокоррекцию регуляторных функций, юридическое консультирование и социальную адаптацию.

Проведенный анализ подтверждает, что нарушения саморегуляции у лиц с наркотической зависимостью представляет собой фактор криминализации поведения. Перспективным направлением является разработка комплексных реабилитационных программ, сочетающих психокоррекцию регуляторных функций с правовым просвещением и социальной адаптацией в дальнейшем. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение эффективности конкретных методик коррекции.

Литература

1. Бехтерева В.М. Нейропсихология аддикций. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2019. – 318 с.
2. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб: Юридический центр Пресс, 2007. – 528 с.
3. Дозорцева Е.Г. Психология девиантного поведения. – М.: Юрайт, 2020. – 412 с.
4. Ильин Е.П. Психология воли. 2-е изд. – СПб: Питер, 2009. – 368 с.
5. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: Смысл, 2004. – 295 с.
6. Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология: руководство для врачей. – Ленинград: Медицина, 1991. – 304 с.
7. Марьин М.И. Реабилитация наркозависимых: теория и практика. – М.: МГППУ, 2023. – 276 с.
8. Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения: диагностика и коррекция. – М.: Когито-Центр, 2015. – 332 с.
9. Осницкий А.К. Регуляция деятельности и направленность личности. – Москва: Московский экономико-лингвистический институт, 2007. – 231 с.

10. Поздняков В.М. Психология оптимизации взаимоотношений сотрудников и осужденных в исправительных учреждениях // Уголовное наказание в России и за рубежом: теория и практика: Сборник материалов международной научно-практической конференции: в 3 ч. – Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2005. – Ч. 1. – С. 132-133.
11. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 352 с.
12. Ратинов А.Р. Правосознание и преступное поведение. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 415 с.
13. Сафуанов Ф.С. Судебная психология: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2018. – 387 с.
14. Ульянина О.А. Пенитенциарная психология: учебное пособие. — Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2022. — 294 с.
15. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков: учебник для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 219 с.
16. Шпагина Е.М. Коррекция саморегуляции в пенитенциарной практике. – М.: Юрайт, 2023. – 185 с.

Возможности оценки риска антиобщественного поведения у людей с личностной аномалией

Старкова М.Г.

Московский государственный психолого – педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Дворянчиков Н.В.

Вопросы прогнозирования и предупреждения риска антиобщественного поведения имеют исключительно высокий уровень актуальности и значимости. Более того, обращение к данной проблеме у лиц с личностными аномалиями обуславливается не вполне благоприятным статусом профессиональной психиатрической и психологической помощи. Отдельные личностные аномалии, например, антисоциальное расстройство личности само по себе является фактором, повышающим уровень вероятности совершения правонарушений.

Эффективные и адекватные методы оценки риска антиобщественного поведения позволяют не только своевременно выявить и предупредить антиобщественное поведение, но также позволяют разработать эффективные

индивидуальные программы психологической интервенции, которые могли бы снизить риски антиобщественного поведения.

Цель эмпирического исследования заключается в определение возможностей оценки риска антиобщественного поведения у людей с личностной аномалией.

Гипотеза исследования: предполагается, что лица с личностной аномалией имеют более высокий уровень риска антиобщественного поведения по сравнению с людьми без личностной аномалии.

Участники исследования: 50 человек в возрасте от 18 до 60 лет. Выборку исследования составляли 25 лиц с выраженным личностными аномалиями, соответствующими диагнозу, без других психических аномалий, не имеющих зависимости от психоактивных веществ, но имеющих выраженные нарушения поведения в форме прогулов, опасной езды, хулиганских и иных действий. Группу сравнения составляло 25 участников, которые не имеют личностных аномалий.

Для определения характеристик участников исследования были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Методика исследования ценностных ориентаций (Ш. Шварц, 2001).
2. Методика исследования смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев, 1988).
3. Методика оценки уровня развития морального сознания (Л. Колберг, 2002).

Статистический анализ был выполнен с применением статистического критерия Манна-Уитни. Расчеты были выполнены в программах Statistica и Excel. Результаты проведенного исследования указывают на наличие выраженных особенностей в проявлении отдельных психологических переменных у лиц с личностными аномалиями в сравнении с лицами, которые не имеют такого рода нарушений. Выявленный более низкий уровень сформированности морального сознания ($p<0,01$) может указывать на наличие нарушений в системе этических ценностей и норм, что может прямым образом сказываться на процессе принятия решений, основанных на моральных принципах. Полученные в ходе исследования данные позволяют говорить о более низких значениях сформированности системы жизненных целей и благоприятности оценки процесса жизни как такового при наличии более высоких значений локуса контроля-Я и оценки результативности жизни в сравнении с участниками исследования без личностных аномалий ($p<0,01$). Данные тенденции можно объяснить деформацией личностного восприятия собственной жизни у испытуемых с личностными аномалиями и убежденность в том, что жизненные достижения – являются результатом

собственных усилий, которые приводят к достаточно высоким субъективно оцениваемым результатам.

Для участников исследования с личностными аномалиями характерен меньший уровень значимости ценности достижения и более высокий уровень значимости ценности гедонизма ($p<0,01$), что отражает стремление получить от жизни удовольствие в текущем моменте времени, что, вполне возможно, может рассматриваться как способ избегания экзистенциального вакуума или же страха перед будущим.

Таким образом, существуют возможности оценки риска антиобщественного поведения у лиц с личностной аномалией, в частности, для лиц с личностной аномалией характерны особенности ценностных ориентаций, смысложизненных ориентаций, а также особенности сформированности морального сравнения, которые могут рассматриваться как маркеры риска антиобщественного поведения.

Значительное внимание в предстоящих исследованиях может бытьделено разработке комплексных инструментов оценки рисков антиобщественного поведения.

Литература

1. Антонян Ю.М Психические аномалии и их роль в преступности. – М.: Прогресс, 2007. – 402 с.
2. Дубровин А.К. Антиобщественное поведение и антиобщественные действия: теоретико-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 1. – С. 217-221.
3. Лукьяненко Ю.В. Правовой нигилизм как одна из причин антиобщественного поведения // Территория науки. – 2014. – № 6. – С. 100-107.
4. Лунин Д.Н. Детерминанты отрицательного (противоправного) поведения личности // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 2(37). – С. 146-151.
5. Пирогова Е.А., Колесник А.О., Грачева А.Д. Антиобщественное поведение как основание применения мер профилактического воздействия // Colloquium-Journal. – 2018. – № 10-3(21). – С. 23-24.
6. Телешева К.Ю., Сторожева З.И., Мяmlin В.В., Киренская А.В., Сафуанов Ф.С. Психофизиологические корреляты личностных факторов импульсивной агрессивности у лиц с расстройствами личности и у психически здоровых // Экспериментальная психология. - 2020. - Том 13. - № 1. - С. 107–121. DOI: 10.17759/exppsy.2020130108

Влияние тревожных расстройств на точность опознания

Тараканова И.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Калашникова А.С.

В современном мире наблюдается устойчивый рост тревожных расстройств среди населения, при этом значительная часть случаев остается недиагностированной. В юридической практике, где точность опознания играет ключевую роль, вопрос влияния тревожных расстройств на этот процесс изучен недостаточно. Как отмечают М. В. Савельева и соавторы (Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В., 2020), когнитивные искажения в процессе опознания могут существенно влиять на достоверность свидетельских показаний. А при тревожных расстройствах нередко наблюдаются нарушения памяти и внимания (Волель Б. А., Петелин Д. С., Ахапкин Р. В., Малютина А. А., 2018).

Для изучения проблемы опознания было проведено исследование, целью которого стало выявление особенностей процесса опознания у лиц с тревожными расстройствами.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что особенности и точность опознания будут отличаться у лиц с установленными диагнозами тревожных расстройств и у лиц без диагнозов, а именно:

1. Лица с тревожными расстройствами демонстрируют более высокую точность и скорость опознания «угрожающих» стимулов независимо от степени четкости и скорости предъявления, при этом большее число ошибок и более низкую скорость при опознании нейтральных стимулов.

2. Точность отсроченного опознания предметов и лиц ниже в экспериментальной группе.

3. Лица с тревожными расстройствами чаще полагаются на эмоциональные признаки при опознании лиц.

4. Лица с тревожными расстройствами демонстрируют сниженную уверенность в правильности своего ответа.

Основным методом исследования выступил эксперимент, для реализации которого была создана специализированная платформа на базе библиотеки PsycoPy (Python), размещенная на сайте psyrec.ru. В исследовании приняли участие 47 человек в возрасте от 18 до 35 лет, разделенных на две группы: 23 человека с диагностированными тревожными расстройствами (ГТР – 13, паническое расстройство – 4, тревожно-депрессивное расстройство – 3,

ОКР – 1, тревожные расстройства, коморбидные БАР – 2) - экспериментальная группа и 24 человека без психиатрических диагнозов - контрольная группа. Отбор участников осуществлялся с использованием шкалы личностной тревожности Спилберга-Ханина (Ханин Ю.Л., 1976), а также задания на узнавание известных личностей.

Экспериментальная процедура включала: 1. Предъявление стимулов с варьированием четкости изображения (3 уровня), скорости предъявления (0.9-4 сек), эмоциональной валентности (нейтральные/угрожающие). 2. Отсроченное опознание лиц и предметов с пояснениями выбора критериев для опознания и оценкой уверенности в ответах по 10-балльной шкале.

Для статистической обработки данных использовался U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок. Результаты показали отсутствие статистически значимых различий между группами по всем исследуемым параметрам:

- Точность опознания нейтральных ($p=0.401$) и угрожающих ($p=0.315$) стимулов;
- Скорость опознания ($p=0.551$ для нейтральных, $p=0.097$ для угрожающих);
- Точность отсроченного опознания лиц ($p=0.963$) и предметов ($p=0.332$);
- Использование эмоциональных критериев ($p=0.132$);
- Уверенность в ответах ($p=0.388$).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что когнитивные особенности при тревожных расстройствах носят не универсальный, а контекстно-зависимый характер. Вероятно, они проявляются в естественных условиях повышенной неопределенности, тогда как в контролируемой экспериментальной ситуации могут компенсироваться за счет сознательных усилий испытуемых, что будет объяснять расхождение между теоретическими предпосылками и экспериментальными данными.

Несмотря на это, результаты могут свидетельствовать о том, что в четко заданных условиях лица с повышенной тревожностью смогут продемонстрировать успешность выполнения процедуры предъявления для опознания, что важно учесть и при следственной работе, и при разработке коррекционных моделей. Для дальнейших исследований целесообразно уделить большее внимание подбору стимульного материала, который будет как раз включать личностно значимые стимулы, и реконструкции условий, приближенных к реальным ситуациям неопределенности, а также перспективным направлением представляется изучение индивидуальных

различий в когнитивных стратегиях у лиц с разными типами тревожных расстройств.

Литература

1. Волель Б.А., Петелин Д.С., Ахапкин Р.В., Малютина А.А. Когнитивные нарушения при тревожных расстройствах [Электронный ресурс] // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2018. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-narusheniya-pri-trevozhnyh-rasstroystvah> (дата обращения: 06.04.2025).
2. Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В. Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные методы производства // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 212-222.
3. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Ленинград: ЛНИИФК. – 1976. – 40 с.

Изучение внутриличностного конфликта у мужчин с травматическим жизненным опытом, злоупотребляющих ПАВ

Трембовецкая Ю.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

В современном обществе проблема злоупотребления психоактивными веществами (ПАВ) остаётся актуальной и требует глубокого изучения. Среди факторов, способствующих развитию зависимости, особое место занимает травматический жизненный опыт, который может привести к серьезным психологическим последствиям. Травматический опыт может быть связан с психологическим, физическим, сексуальным насилием, пенитенциарным или боевым стрессом, чрезвычайными ситуациями природного или техногенного характера, потерей близкого человека, серьезной физической травмой и т.д. Психотравмирующее воздействие может носить пролонгированный или сочетанный характер. Переживание травмы может иметь настолько высокую личностную значимость, что потребует дальнейшей перестройки ценностной системы человека и приведет к формированию внутриличностного конфликта. Внутриличностный конфликт — это состояние, при котором происходит диссоциация между потребностью в достижении внутренне значимых ценностей и возможностью такого достижения в реальности (Е.Б. Фанталова,

2001). Такой конфликт может, кроме того, уже сформироваться на момент травматизации в силу каких-либо отдельных причин, и тогда он усугубит тяжесть последствий перенесенной травмы, например, приведя к соматизации или аддиктивному поведению. Совокупные литературные данные позволяют предположить, что у мужчин, переживших травматические события и злоупотребляющих ПАВ, внутриличностный конфликт может проявляться особенно остро и иметь свои особенности. Основой исследования стало предположение о преобладании высокого уровня расхождения между важностью тех или иных ценностей и доступностью их реализации у мужчин, подвергшихся травматическому стрессовому воздействию и имеющих аддиктивное поведение. Кроме этого, выявлялись различия в уровне внутреннего напряжения в ценностной сфере у аддиктов, переживших насилие и иные виды травматизации, а также у обладателей травматического жизненного опыта, злоупотребляющих только алкоголем и несколькими психоактивными веществами.

Были использованы методы полуструктурированного интервью и формализованной диагностики. Последний метод реализовывался с помощью методик «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступности» в разных жизненных сферах» (УСЦД, Е.Б. Фанталова, 1996), «Незаконченные предложения» (J. Sacks, S. Levy, 1950).

В исследовании приняли участие 32 пациента мужского пола, находящиеся на лечении в клинике Национального научного центра наркологии — филиала ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, в возрасте от 18 до 51 года (средний возраст составил 35 лет).

Согласно результатам полуструктурированного интервью, в травматическом жизненном опыте обследованных преобладали психологическое и физическое насилие, перенесенные в детско-подростковом периоде. Субъектами психологического насилия чаще всего выступали матери, а физическое насилие в основном совершили отцы.

При обработке данных формализованной диагностики с использованием биномиального *m*-критерия было установлено, что у мужчин, подвергшихся травматическому стрессовому воздействию и имеющих аддиктивное поведение, уровень внутреннего напряжения не превышает уровня статистической значимости, что не позволяет подтвердить первоначальное предположение о преобладании высокого уровня расхождения между важностью и доступностью тех или иных ценностей. Обнаружены, однако, заслуживающие дальнейшего изучения тенденции к повышению уровня

внутреннего напряжения в сферах ценностей «здоровье», «любовь», «свобода как независимость в поступках и действиях» и «счастливая семейная жизнь».

У аддиктов мужского пола, имеющих опыт переживания физического, психологического, сексуального насилия и/или неглекта (пренебрежения основными нуждами), внутриличностное напряжение достоверно более выражено, чем у пациентов с иным травматическим опытом ($U_{\text{эмп.}}=52,5$ при $p<0,01$). Значимые различия определяются и при сравнении пациентов с травматическим жизненным опытом, злоупотребляющих только алкоголем и сразу несколькими психоактивными веществами ($U_{\text{эмп.}}=79$ при $p<0,05$): в первой группе уровень внутриличностного напряжения оказался выше.

Эти данные заслуживают сравнения с картиной внутриличностного конфликта у мужчин, имеющих сопоставимые виды травматического опыта, но не злоупотребляющими психоактивными веществами. Планируется также детализированная оценка особенностей внутриличностного конфликта в сравниваемых группах с учетом структуры посттравматических проявлений. Полученные данные будут полезны для разработки эффективных методов профилактики и преодоления зависимостей у психически травмированных лиц с использованием подходов, предполагающих воздействие на ценностно-смысловую сферу личности.

Литература

1. Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
2. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001. – 272 с.
3. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Бахрах-М, 2001. – 128 с.

Нейропсихологический подход к изучению связи между саморегуляцией и рефлексивностью у молодежи

Щербина В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Актуальность темы данного сообщения обусловлена запросами повседневной психологической практики, предполагающими диагностику и коррекцию саморегуляции и рефлексивности у молодежи. Названные механизмы играют ключевую роль в осуществлении внутреннего контроля на разных уровнях жизнедеятельности, участвуют в процессах принятия решений, организуют поведение человека в стрессовых ситуациях, определяют качество социальной адаптации (Моросанова В.И., 2014; Веракса А.Н., 2015; Прохоров А.О., 2014). Накопление научных данных в обозначенной области имеет и психолого-правовую значимость, ведь без понимания сути саморегуляции и рефлексивности, а также связи между ними невозможна, например, оценка способности подэкспертного к критическому осознанию и прогнозированию последствий своих поступков (Прохоров А.О., 2014).

Нейропсихологический подход обеспечивает объективную основу для экспертной оценки, позволяя через диагностику функционирования префронтальной коры выявлять когнитивные и эмоциональные дефициты, связанные с нарушением регуляции поведения (Моросанова В.И., 2014; Веракса А.Н., 2015).

В данном материале мы представим результаты эмпирического исследования, направленного на проверку следующих гипотез: 1) Уровни когнитивных и эмоциональных компонентов рефлексивности имеют значимую корреляцию с операциональными и волевыми компонентами саморегуляции у лиц 18–25 лет (Карпов А.В., 2003; Моросанова В.И., 2014); 2) Уровни коллективности и планирования целей у лиц 18–25 лет являются статистически независимыми (Баумайстер Р.Ф., 2019; Прохоров А.О., 2014); 3) Уровни саморегуляции и рефлексивности у девушек 18–25 лет достоверно превышают соответствующие показатели, обнаруживаемые у юношей того же возраста (Моросанова В.И., 2014).

В исследовании нашли применение психометрические и нейропсихологические методики (тест Струпа, опросники Карпова и Моросановой, проба «кулак–ребро–ладонь» и др.) (Карпов А.В., 2003;

Моросанова В.И., 2014; Веракса А.Н., 2015). Математико-статистический аппарат исследования был представлен корреляционным анализом по Спирмену и оценкой изучаемых различий по Манну–Уитни (Веракса А.Н., 2015).

Первая гипотеза подтвердилась, что объясняется общностью мозговых механизмов когнитивных и эмоциональных компонентов рефлексивности с одной стороны и операциональных компонентов саморегуляции — с другой (субстрат — префронтальная кора) (Моросанова В.И., 2014). Вторая гипотеза подтвердила в части, касающейся показателей коллективности. Значит, коллективность и целеполагание имеют различные мозговые механизмы, будучи связанными, соответственно, с функционированием лимбической системы и префронтальной коры (Баумайстер Р.Ф., 2019; Моросанова В.И., 2014). Третья гипотеза также подтвердила частично — статистическую значимость показали различия (в пользу девушек) лишь по гибкости, надежности и настойчивости (Моросанова В.И., 2014; Веракса А.Н., 2015; Прохоров А.О., 2014). Это говорит о большей зрелости у девушек префронтальной коры и, вероятно, лобно-лимбических связей. Однако юноши показали достоверное преобладание в показателях эмоциональной стабильности и мотивации, что позволяет думать о функционально более активной лимбической системе (Баумайстер Р.Ф., 2019).

В обследованной выборке условно здоровых юношей и девушек в возрасте 18–25 лет преобладали средние уровни саморегуляции и рефлексивности, что подтверждается результатами нейропсихологического анализа (Моросанова В.И., 2014; Веракса А.Н., 2015). Лишь в редких случаях фиксировались признаки функциональных ограничений в некоторых мозговых структурах, таких как префронтальная кора и париетальные области мозга, отвечающие за моторную координацию и экзекутивные функции (Моросанова В.И., 2014).

Итак, основным результатом исследования стало то, что юноши и девушки с более высоким уровнем рефлексивности демонстрируют лучшую саморегуляцию (и это подтверждается нейропсихологически) (Карпов А.В., 2003; Моросанова В.И., 2014; Веракса А.Н., 2015), что позволяет прогнозировать их способность к конструктивному поведению и социальной адаптации. Научная новизна исследования состоит в интеграции подходов нейропсихологии и юридической психологии для выявления функциональных взаимосвязей между саморегуляцией и рефлексивностью как психических процессов, критичных для юридической ответственности (Прохоров А.О., 2014).

Полученные результаты могут заинтересовать практикующих психологов, работающих в коррекционно-профилактическом, психотерапевтическом и экспертом направлениях с изученной возрастной когортой (Прохоров А.О., 2014).

Литература

1. Баумайстер Р.Ф. Самоконтроль: как развить и укрепить. — М.: Альпина, 2019. — 317 с. — С. 48–117.
2. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 5. — С. 45–57.
3. Моросанова В.И. Саморегуляция в человеческой жизни. — М.: Институт психологии РАН, 2014. — 248 с. — С. 33-115.
4. Прохоров А.О. Психология саморегуляции: теория и практика. — Казань: Казанский университет, 2019. — 320 с. — С. 89–219.
5. Веракса А.Н. Развитие регуляторных функций дошкольников в образовательном процессе // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2015. — № 3. — С. 65–73. — DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2015.03.65>.

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Особенности когнитивных искажений и принятия решений у молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению

Агапова Я.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Молодые взрослые, склонные к самоповреждающему поведению, часто демонстрируют специфические когнитивные искажения и особенности принятия решений, которые отличают их от тех, кто не склонен к такому поведению. Эти особенности связаны с эмоциональной регуляцией, восприятием себя и окружающего мира, а также с обработкой информации в стрессовых ситуациях.

Целью исследования является описание и выявление когнитивных искажений и стилей принятия решения у молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению.

Гипотеза исследования молодые взрослые со склонностью к самоповреждающему поведению, в отличие от тех, у кого ее нет, наиболее подвержены когнитивным искажениям и дезадаптивным стилям принятия решений, а именно:

1. У лиц со склонностью к самоповреждающему поведению будут более выражены такие искажения, как: персонализация, катастрофизация и выученная беспомощность, а также наличие спонтанного и зависимого стилей принятия решений.

2. У лиц со склонностью к самоповреждающему поведению ведущий тип самоповреждения - соматический, а не инструментальный.

3. У лиц со склонностью к самоповреждающему поведению ключевая стратегия – избавление от напряжения.

Характеристика материала исследования. В исследовании приняло участие 55 респондентов. После предварительного анализа результатов выборку экспериментальной части исследования составили 51 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Из них респондентов мужского пола 16 человек, респондентов женского пола 35 человек. Выборка была разделена на 2 группы:

- Контрольная группа сравнения («КС») – молодые взрослые без склонности к самоповреждающему поведению – 26 человек. Из них

респондентов мужского пола – 9 чел., респондентов женского пола - 17 чел.

- Эмпирическая группа («Э») – молодые взрослые со склонностью к самоповреждающему поведению – 25 человек. Респондентов мужского пола – 7 чел., респондентов женского пола - 18 чел.

Анкетирование проводилось с помощью системы Google-формы, размещенной на платформе «Вконтакте» и лично рассылались в мессенджер «Telegram».

Методики исследования включали в себя: авторскую демографическую анкету, где уточнялись данные по теме самоповреждающего поведения; Опросник «Общие стили принятия решений» (GDMS) в апробации Т.В. Корниловой (Т.В. Корнилова, 2024); Опросник когнитивных ошибок (Фриман А., Девульф Р.) в адаптации А. Е. Боброва, Е. В. Файзрахмановой (А.Е. Бобров, Е.В. Файзрахманова, 2017); Шкала причин самоповреждающего поведения (Н.А. Польская, 2014). Методами исследования являются описательная статистика и корреляционный анализ.

Результаты исследования позволили выявить, что молодые взрослые со склонностью к самоповреждающему поведению имеют интуитивный стиль принятия решения, менее рациональны, нуждаются в помощи, но в то же время могут избегать ответственности, а также склонны к импульсивным действиям.

Средние значения позволили сделать вывод о предпочтении лиц, склонных к селфхарму, к обкусыванию губ, щек, расчесыванию кожи и ударами по своему телу, то есть к соматическому виду самоповреждениям, а ключевой стратегией - избавления от напряжения.

Также были выявлены наиболее выраженные когнитивные искажения такие, как: персонализация, катастрофизация, выученная беспомощность, которые коррелируют со стратегиями «изменение себя, поиск нового опыта» и «воздействие на других».

Спонтанный стиль принятия решений и катастрофизация имеют $p=0,663$, то есть преувеличением значимости события в отрицательном ключе. Это проявление дисрегуляции эмоций и контроля импульсов. Сначала индивида посещают негативные мысли, поэтому начинает импульсивно предпринимать действия с целью избавления от напряжения и тревоги, что может заканчиваться актами селфхарма.

Таким образом, молодые взрослые со склонностью к самоповреждающему поведению в процессе принятия решений опираются на свои чувства и импульсы, отличаются выраженными когнитивными искажениями в виде катастрофизации, персонализации и выученной беспомощности, отдают предпочтение соматическим видам самоповреждений

и используют их для избавления от напряжения.

В дальнейшем стоит изучать все три феномена: самоповреждающее поведение, когнитивные искажения и принятие решений. Они помогут понять механизмы этих явлений в постоянно меняющемся мире. Исследования помогут раскрыть понимание с разных сторон селфхарма и найти новую точку зрения. Также это важно для психопрофилактики и помочь тем, кто пытается разобраться в себе, опираясь на феномены.

Литература

1. Бобров А.Е. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Доктор.Ру. – 2017. – № 8 (137). – С. 59–65.
2. Корнилова Т.В. Общие стили принятия решений: апробация русскоязычной модификации опросника GDMS // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2024. – 47(3). – С. 11-30.
3. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии : специальность 19.00.04 «Медицинская психология (психологические науки)»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Польская Наталия Анатольевна. – Москва, 2017. – 422 с.

Выявление несовершеннолетних с девиантным поведением в образовательных организациях

Акимова Н.П.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(г.Москва)

Научный руководитель – Сиворонова М.С.

В последние годы проблема девиантного поведения среди несовершеннолетних в образовательных организациях становится все более актуальной. Социальные изменения, такие как новый социум несовершеннолетнего, зачастую становятся фактором деструктивного поведения. Девиантное поведение может проявляться в различных формах, включая агрессию, различные правонарушения и другие социально неприемлемые действия. Актуальность статьи заключается не только растущим числом случаев девиантного поведения среди несовершеннолетних,

но и необходимостью создания безопасной и поддерживающей образовательной среды.

Различные проявления форм отклоняющего поведения у несовершеннолетнего могут сказаться на атмосфере в учебных заведениях, так на самих обучающихся, так и для педагогического состава. Главным аспектом понимание того, что девиантное поведение не возникает отдельно от окружений несовершеннолетнего. Такие факторы как сложные социальные условия, проблемы в семье, а также влияние сверстников могут способствовать развитию негативных привычек и образ поведения. Поэтому важно создать выявление потенциально девиантных подростков в образовательных учреждениях как учителям, так и социальным-педагогам, психологам (Иванов А.С., 2020).

Необходимо создать внутри образовательных учреждений наблюдения и мониторинг за несовершеннолетними, которые нуждаются в психологической помощи. Данные мероприятия могут проводиться в форме беседы с социальным педагогом, психологом, а также проводить анкетирование среди обучающихся для выявлений различных факторов, которые мешают учиться и создают некомфортную атмосферу для нахождения в коллективе. Еще один способ выявление отклоняющегося поведения — это наблюдение за несовершеннолетними. Социальные педагоги используют такой способ, чтобы внимательно изучить поведение несовершеннолетних в повседневной жизни в образовательных учреждениях, позволяет выявить не только негативные действия, но и обратить внимание на положительные изменения несовершеннолетнего, что может способствовать дальнейшей работе с подростком.

Анкетирование также является важным инструментом для выявление деструктивного поведения. Важно учитывать специфику проведения опроса, например, если проводить, то нужно делать анонимные опросы, чтобы снизить уровень давления на несовершеннолетних и повысить честность ответов. Существуют различные виды опросников и анкет, которые могут собрать информацию о психоэмоциональном состоянии несовершеннолетнего, его интересах, предпочтениях и возможных трудностях в общении со сверстниками.

Методы выявления девиантного поведения, такие как социометрическое исследование, которое предложил психолог-практик Я. Морено, позволяет выявить и различать межличностные отношения в классах и выявить потенциальные проблемы, с которыми зачастую сталкиваются несовершеннолетние. Социометрию можно использовать не только в

диагностике выявления девиантного поведения, но и для создания гармоничной обстановки в образовательном процессе.

Необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого подростка и природу его девиантного поведения. Социальным педагогам и психологам необходимо знать представления о типах девиаций. Данные знания смогут выявить причины отклоняющегося поведения несовершеннолетнего и адаптировать подходы к обучению и воспитанию. Важно отметить, что создание обстановки доверия и поддержки позволяет подросткам почувствовать себя в безопасности и готовыми открыться.

В образовательных организациях психологи могут применять групповые занятия, которые будут направлены на сплочения коллектива, смогут обсуждать свои переживания, формировать навыки коммуникации и учиться выражать свои эмоции здоровым образом. В результате такого взаимодействия психолога с несовершеннолетними формируется положительная динамика взаимопонимания, что становится важным для дальнейшей работы.

В заключении необходимо сказать, что ранняя диагностика девиантного поведения несовершеннолетних, это залог положительной динамики у подростков. Профилактика девиантного поведения требует активного участия всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Иванов А.С. Современные подходы к выявлению девиантного поведения у подростков // Психология и педагогика. – 2020. – № 3. – С. 45–52.
2. Смирнова Т.В. Роль образовательных организаций в предотвращении девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник образования. – 2019. – № 4. – С. 22–35.
3. Петрова Л.Н. Психологические аспекты выявления и коррекции девиантного поведения подростков // Журнал практической психологии. – 2021. – № 2. – С. 7–18.
4. Кузнецов И.В. Проблемы подростковой агрессии и пути их решения в образовательном контексте // Образовательные технологии. – 2018. – № 6. – С. 10–15.
5. Васильев А.П. Инновационные методы работы с несовершеннолетними с девиантным поведением в школах // Образование и воспитание. – 2017. – № 5. – С. 30–40.

Апробация опросника “Шкала навязчивых грез (MDS-16)” на русскоязычной выборке

Анисимова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Несмотря на то, что научных исследований на эту тему не так много, тысячи пользователей Интернета уже активно используют термин “навязчивые грезы” и сообщают, что наконец-то нашли подходящее описание того, что с ними происходит. Навязчивые грезы – это сложный психологический феномен, характеризующийся чрезмерным погружением в интенсивные выдуманные сюжеты, которое часто сопровождается жестикуляцией, вокализацией и прослушиванием музыки (Soffer-Dudek N., Theodor-Katz N., 2022). Они характеризуются как создание достаточно сложных фантастических сюжетов с широким эмоциональным диапазоном, часто далеких от реальной жизни мечтателя. Эти сюжеты, как правило, развиваются человеком в течение длительного времени, напоминая сериал, что отличает их от случайного и непостоянного содержания обычных фантазий. Люди с навязчивыми грезами чувствуют потребность продолжать свои фантазии, подобно тому, как люди следят за любимым телешоу, и часто начинают эпизоды фантазирования осознанно и намеренно (Somer E., 2016). Подобное погружение в грезы наяву является дезадаптивным, поскольку отнимает много часов в день, порождает стыд или вину, препятствует достижению краткосрочных и долгосрочных целей или задач и в целом вызывает клинически значимый стресс и/или мешает функционированию в социальной или профессиональной сферах. Как само наличие, так и тематика мечтаний наяву могут отражать личностные черты и неудовлетворенные потребности людей (Brener R., Somer E., Abu-Rayya, H.M., 2022).

Авторство термина “навязчивые грезы” (“maladaptive daydreaming”) принадлежит Эли Сомеру, который впервые использовал его в своей работе 2002 года (Somer E., 2002). Он же в 2016 разработал опросник “Maladaptive daydreaming scale (MDS)”, который на данный момент является единственным существующим психологическим инструментом для оценки вероятности наличия навязчивых грез у индивида (Somer E., 2016). Первый вариант шкалы был разработан как 14-пунктовая шкала для выявления потенциальной выраженности навязчивых грез. Пункты опросника были разработаны после тщательного анализа информации о зафиксированных случаях навязчивых

грез, собранных разными исследователями, и изучения ряда веб-сайтов и форумов, посвященных навязчивым грезам. На основании этого обширного анализа были выделены пять факторов, по которым навязчивые грезы отличаются от обычного фантазирования. Итоговый инструмент включал 14 пунктов, оценивающих эти пять ключевых характеристик: содержание навязчивых грез, компульсивность, дистресс, связанный с навязчивыми грезами, выгода навязчивых грез и влияние навязчивых грез на функционирование в повседневной жизни. Оригинальная шкала не содержала никаких вопросов о роли музыки в навязчивых грезах, однако позже авторы пересмотрели список, поэтому новый утвержденный MDS из 16 пунктов содержит два пункта, связанных с музыкой (Somer E., 2024). Респондентам предлагается ответить на каждый из вопросов по шкале от 0% до 100% с интервалом в 10% (0% = Никогда; 100% = Постоянно). Достижение порогового значения в 40 баллов по шкале указывает на значительную вероятность наличия у респондента навязчивых грез. Следует отметить, что существует дефицит исследований навязчивых грез в отечественной научной литературе, что контрастирует с активным изучением данного феномена за рубежом. Особенно остро стоит вопрос диагностики навязчивых грез среди русскоязычных людей. В нашем исследовании мы предприняли шаги по адаптации и первичной апробации уже упомянутого ранее зарубежного опросника "Maladaptive daydreaming scale (MDS-16)". Для перевода шкалы на русский язык нами была применена стандартная процедура двойного перевода. Три переводчика независимо выполнили прямой перевод, после чего их версии были объединены. Полученный русский текст был затем переведен обратно на английский язык еще одним экспертом и искусственным интеллектом. Сравнение этого обратного перевода с оригиналом позволило выявить и устранить неточности в изначальном прямом переводе. Итоговая русскоязычная версия опросника была использована в исследовании наряду с другими методиками.

В исследовании приняло участие 182 человека в возрасте от 18 до 25 лет ($M=21$; $SD=2,1$; $Me=21$): 34% – мужчины, 66% – женщины. Респонденты набирались онлайн посредством различных тематических сообществ и социальных сетей. На основании полученных результатов осуществлялась проверка внутренней согласованности опросника в переводе на русский язык. Для этого в программе IBM SPSS Statistics 26.0 был рассчитан коэффициент а-Кронбаха, который равнялся 0,93, что свидетельствует о высоком уровне внутренней согласованности. Зафиксированное значение практически совпадает со значением 0,95, которое было получено авторами при создании оригинальной методики.

Анализ результатов по методике показал, что среднее значение по опроснику "Шкала Навязчивых Грёз" (M) по исследуемой выборке составило 32,63 при стандартном отклонении (SD) 20,55. Величина стандартного отклонения превышает половину среднего значения, что свидетельствуют о значительном разбросе индивидуальных значений выраженности навязчивых грез в выборке. Медиана распределения ниже среднего ($Me=28,5$), что может указывать на некоторое смещение распределения в сторону более низких значений. У значительного большинства респондентов (79,2%) навязчивые грезы не выражены. При этом, доля участников с выраженным навязчивыми грезами составила 20,8%, что означает, что данный феномен наблюдается у каждого пятого испытуемого. Вместе с тем осведомленность о понятии "навязчивые грезы", которая определялась при помощи дополнительных вопросов, среди выборки неоднородна: значительная часть респондентов знакома с термином, но существенная доля либо не знает его значения, либо впервые с ним сталкивается. Таким образом, результаты нашего исследования являются важным шагом в направлении валидизации средств оценки наличия и выраженности навязчивых грез на русском языке, а выявленная распространенность указывает на необходимость их дальнейшего исследования среди русскоязычного населения.

Литература

1. Brenner R., Somer E., Abu-Rayya H.M. Personality traits and maladaptive daydreaming: Fantasy functions and themes in a multi-country sample // Personality and Individual Differences. – 2022. – Vol. 184. – A. 111194. doi:10.1016/j.paid.2021.111194.
2. Soffer-Dudek N., Theodor-Katz N. Maladaptive daydreaming: Epidemiological data on a newly identified syndrome // Frontiers in Psychiatry. – 2022. – Vol. 13. doi:10.3389/fpsyg.2022.871041
3. Somer E. Maladaptive Daydreaming: A Qualitative Inquiry // Journal of Contemporary Psychotherapy: On the Cutting Edge of Modern Developments in Psychotherapy. – 2002. – № 32. –P. 197-212.
4. Somer E. Calling the tune in maladaptive daydreaming: The impact of music on the experience of compulsive fantasizing // Psychology of Music. – 2022. – № 52(6). – P. 611–627. doi:10.1177/03057356231222290
5. Somer E. Development and validation of the Maladaptive Daydreaming Scale (MDS) // Consciousness and Cognition. – 2016. – Vol. 39. – P. 77–91. doi:10.1016/j.concog.2015.12.001.

Связь аутоагрессии и склонности к риску у лиц разных возрастов на примере беттинг-аддикции

Анисимова Д.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибальт В.В.

Для понимания актуальности данного исследования мы сделали в электронной версии eLIBRARY.ru запрос на следующие темы, а именно: «Суицидальное поведение», «Самоповреждающее поведение», «Беттинг», «Автоагрессия», также изучили ресурсы, которые были, рассмотрели и проанализировали динамику их публикаций с 2015 года. Наблюдая за динамикой публикации различных ресурсов, можно сделать вывод, что тема является актуальной, так как с каждым годом происходит рост публикаций на заданные темы, а также некоторые темы имеют маленькое количество статей, что может быть показателем их малоизученности.

Автоагрессия – это преднамеренная активность, которые имеет направленность на нанесение себе разнообразных повреждений, которые могут носить, как физический, так и ментальный план. Опираясь на подход Э. Дюркгейма, «суицидальное поведение» носит неоконченный характер, выражающийся различными действиями, которые сопровождаются разнообразным нанесением себеувечий с желанием собственной смерти индивида, который их наносит.

Опираясь на определение Н.А. Польской, самоповреждающее поведение – это термин, который связан с умышленным нанесением себеувечий различного плана и содержащий в себе разнообразный спектр действий. Среди таких действий могут быть следующие варианты: самобичевание, порезы различными окружающими индивида предметами, проколы своего тела иголками, а также многое другое.

Азартные игры (гэмбллинг/гемблинг) – это игры, в процессе которых на кон ставятся денежные средства, а также исход игры (выигрыш или проигрыш) зависит не от навыков, опыта или профессионализма игроков, а от случайности/случаю (например, случайная комбинация на игровом автомате). Беттинг – это заключение денежного пари на спортивные события с онлайн или онлайн букмекерской конторой, целью которого является увеличение финансов, и исход которого не зависит от человека, который заключал данное пари.

Мы провели исследование, цель которого заключается в выявлении и описании связи аутоагрессии и склонности к риску у лиц разных возрастов на примере беттинг-аддикции.

Гипотезой исследования является суждение о том, что существует связь между аутоагрессией, склонностью к риску и азартным играм на примере беттинг-аддикции, а именно:

1. Лицам, склонным к азартным играм и имеющим признаки беттинг-аддикции, свойственны более выраженные показатели проявления аутоагрессии в виде склонности к суициdalному поведению.

2. Лицам, склонным к азартным играм и имеющим признаки беттинг-аддикции, свойственны более выраженные показатели проявления аутоагрессии в виде склонности к самоповреждающему поведению.

3. У лиц, склонных к азартным играм и имеющим признаки беттинг-аддикции, более выражены показатели склонности к риску.

Характеристика материала исследования. Выборку эмпирической части исследования составили 130 человек в возрасте от 18 до 53 лет.

Выборка была разделена на 2 группы: контрольная группа «К» - лица, не склонные к азартным играм и не имеющие признаки беттинг-аддикции, группа сравнения «С» – лица, склонные к азартным играм и имеющие признаки беттинг-аддикции.

В исследовании применялась авторская анкета для сбора социально-демографической информации о респондентах, которая также включала в себя тематические вопросы, а также следующие методики: «Массачусетский опросник увлечения азартными играми (MAGS)» (адаптация А.А. Карпов, В.В. Козловым., 2011), «Исследование склонности к риску» (А.Г. Шмелев., 1984), «Опросник суициdalного риска» (Разуваева Т.Н., 1993), «Шкала причин самоповреждающего поведения» (Польская Н.А., 2022). Для математического анализа данных мы использовали программу IBM SPSS Statistics 20. Критерием был выбран критерий Манна-Уитни для независимых выборок и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

По результатам исследования были выявлена и описана связь аутоагрессии и склонности к риску у лиц разных возрастов на примере беттинг-аддикции.

По методике «Исследование склонности к риску» (А.Г. Шмелев., 1984) было выявлено, что респонденты из группы сравнения имеют более высокие показатели, нежели контрольная группа. Это может означать, что респонденты из группы сравнения могут быть более склонны к риску. Это может выражаться в более резких и смелых поступках и действиях, которые не всегда безопасны, как для человека со склонностью к риску, так и для окружающих

его людей. У них может наблюдаться стремление и желание в достижении острых и ярких ощущений благодаря различным действиям. Им могут свойственны такие черты, как импульсивность, резкость, дерзость, самостоятельность и агрессивность.

По методике «Опросник суициального риска» (Разуваева Т.Н., 1993) было выявлено, что средние баллы по шкалам: «Демонстративность», «Аффективность», «Уникальность», - выше у группы сравнения, что может свидетельствовать о желании привлечения внимания, желании добиться сочувствия, понимания и сострадания, также возможно, что у людей из группы сравнения эмоции доминируют над интеллектуальным контролем в ситуации, им могут свойственный порывы в словах, действиях, мыслях только после выплеска или совершения действия следует обдумывание и анализирование ситуации произошедшей ранее. Людям в данной группе может быть свойственно ощущение уникальности и непохожести на остальных их ситуаций и проблемы в различных сферах жизни. Также средние значения по шкалам: «Слом культурных барьеров», «Временная перспектива», - выше у респондентов группы сравнения, что может говорить о следующем: лицам, склонным к азартным играм и имеющим признаки беттинг-аддикции может быть более свойственно сложное планирование своего будущего, также может наблюдаться поиск нормативов или культурных ценностей, которые могут оправдывать суициальное поведение или акт суицида, или же вовсе выдвигать данное поведение, как привлекательное или пропагандировать его.

По методике «Шкала причин самоповреждающего поведения» (Польская Н.А., 2022), было выявлено следующее: по всем шкалам более высокие значения имеются у контрольной группы, что может означать следующее: лицам, не склонным к азартным играм и не имеющим признаки беттинг-аддикции, нанесение себе самоповреждений может наблюдаться чаще, чем у лиц, склонных к азартным играм и имеющим беттинг-аддикцию. Также мы можем видеть, что преобладающей формой самоповреждения в контрольной группе является соматическое, что может означать следующее: лицам, не склонным к азартным играм и не имеющим беттинг-аддикцию, более свойственно нанесение себе самоповреждений без помощи посторонних предметов, то есть в их акт самоповреждения могут входить следующие действия: прикусывание языка и щек, удары по собственному телу, вырывание волос и другое.

Таким образом, основная гипотеза: «Существует связь между аутоагрессией и склонностью к риску у лиц разных возрастов на примере беттинг-аддикции», - была частично подтверждена. Частная гипотеза №2 была опровергнута. Частные гипотезы №1 и №3, а именно: «Лицам, склонным к

азартным играм и имеющим признаки беттинг-аддикции, свойственны более выраженные показатели проявления аутоагрессии в виде склонности к суициdalному поведению», «У лиц, склонных к азартным играм и имеющим признаки беттинг-аддикции, более выражены показатели склонности к риску», - были подтверждены.

Литература

1. Карпов А.А., Козлов В.В. Психология игровой зависимости // М.:ИИП. – 2011.
2. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений : Учебное пособие. – Москва : Аспект пресс, 2003. – 286 с.
3. Польская Н.А. Психология самоповреждающего поведения // М.: Ленанд, 2017. – 320 с.
4. Разуваева Т.Н. Диагностика личности. – Шадринск: Исеть, 1993. – 26 с.
5. Руженков В.А., Руженкова В.В. Некоторые аспекты терминологии и классификации аутоагрессивного поведения // Суицидология. – 2014. – Т. 5. – № 1(14). – С. 41-51.

Аутоагрессивное поведение подростков как девиация возрастного развития

Атаманова А.В.

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(г. Москва)

Научный руководитель – Голубкина А. М.

В статье рассматривается проблема аутоагрессивного поведения подростков как формы девиантного развития в пубертатный период. Анализируются психологические, социальные и биологические факторы, способствующие формированию самоповреждающего поведения. Особое внимание уделяется роли семейного воспитания, социума и цифровой среды в генезисе аутоагрессии.

Аутоагрессия – это поведение, направленное на причинение вреда самому себе, которое в той или иной форме проявляется практически у каждого человека. Однако в некоторых случаях оно закрепляется как устойчивая личностная черта, перерастающая в аутоагрессивность, которая может серьезно нарушать качество жизни и психическое благополучие личности.

Современные исследования рассматривают аутоагgression как сложный психологический феномен, связанный с механизмами психологической защиты, нарушениями эмоциональной регуляции и социальной дезадаптацией. Особую актуальность эта проблема приобретает в подростковом возрасте, характеризующемся повышенной эмоциональной уязвимостью, когда аутоагgressive проявления (самоповреждение, суицидальные мысли, деструктивное поведение) могут выступать способом совладания с внутренним напряжением или привлечения внимания.

В научной литературе выделяются различные концептуальные подходы к пониманию аутоагgressии. В.А. Руженков рассматривает особую категорию аутодеструктивного поведения, отличающуюся преднамеренностью действий при отсутствии осознания возможного летального исхода, что приводит к физическому или психическому истощению без суицидального намерения. Психосоматический подход (Л.В. Ромасенко) трактует аутоагgression через призму бессознательных механизмов формирования психосоматических расстройств. А.П. Ховрачев и Л.Н. Юрченко расширяют это понятие, включая в него различные формы аддиктивного поведения, интерпретируя химические зависимости как проявление аутоагgressии.

Исследования подростковой аутоагgressии (Г.Я. Пилягина, Н.В. Агадзе) выявляют сложную мотивационную структуру такого поведения, где факторы варьируются от протестных реакций до крика о помощи (А.Г. Амбрумова, А.Л. Венгер, А.И. Захаров). В научной среде продолжается дискуссия о соотношении аутоагgressiveного и суицидального поведения: некоторые авторы (А.Е. Двирский, Д.М. Менделевич) рассматривают их как единый континuum самодеструкции (Рудина А. В., Лакреева А. В., 2018).

Такое концептуальное разнообразие отражает сложность и многогранность феномена аутоагgressии, требующего междисциплинарного подхода. Различия в трактовках подчеркивают необходимость дальнейшей теоретической разработки проблемы, что имеет принципиальное значение для совершенствования методов профилактики и психологической коррекции, особенно в работе с подростками.

Этиология аутоагgressии представляет системную картину, в которой биологические предрасположенности, психологические особенности и социальных факторов оказывают взаимодополняющее значение. Дисрегуляция эмоций, характеризующееся неспособностью адаптивноправляться с сильными негативными эмоциями (такими как гнев, тревога и стыд), является центральным звеном в патогенезе этого состояния, приводящим к формированию дезадаптивных механизмов преодоления. Клинически значимая корреляция наблюдается между аутоагgressией и

аффективными расстройствами (депрессией, биполярным расстройством), пограничным расстройством личности и посттравматическим стрессовым расстройством, а также с когнитивными искажениями в виде перфекционизма, гиперкритичности и низкой самоэффективности.

Социальные детерминанты аутоагgressии включают как микросоциальные (семейные), так и макросоциальные факторы. Семейный контекст, характеризующийся эмоциональной депривацией, гиперконтролем или открытым насилием, создает предпосылки для усвоения деструктивных паттернов поведения. На макросоциальном уровне значимое влияние оказывают нормативные стандарты, пропагандирующие завышенные требования к успешности и внешности, а также феномен стигматизации психических расстройств. Особую роль в современном контексте играет цифровая среда, где алгоритмическая селекция контента формирует "эхокамеры", способствующие нормализации самоповреждающего поведения. Дополнительным рискогенным фактором выступает кибербуллинг, повышающий вероятность развития дезадаптивных поведенческих паттернов через механизмы социального подражания.

Биологические основы аутоагgressии складываются из нескольких ключевых факторов. Во-первых, генетика играет роль: выявлены связи аутоагgressии с генами, регулирующими уровень серотонина, что может приводить к импульсивности и эмоциональной нестабильности. Во-вторых, самоповреждение может быть способом активировать систему "внутренних обезболивающих" — эндорфинов, принося временное облегчение и эйфорию. В-третьих, длительный стресс влияет на гормональную систему, повышая уровень кортизола и усугубляя эмоциональные проблемы. Наконец, гормоны, особенно эстроген, влияют на работу серотонина, что может объяснить, почему аутоагgressия чаще встречается у женщин.

Современные психологи и неврологи классифицируют подростковую аутоагgressию на три основных типа, каждый из которых имеет характерные проявления и последствия:

- Вербальная аутоагgressия выражается в склонности к самоуничижению, постоянном самобичевании и негативных высказываниях в свой адрес. Такое поведение постепенно формирует заниженную самооценку, создает барьеры в общении как со сверстниками, так и со взрослыми, а также значительно осложняет конструктивное разрешение конфликтных ситуаций.
- Физическая (невербальная) аутоагgressия включает прямые действия, причиняющие телесные повреждения. К ним относятся нанесение порезов, ушибов, вырывание волос, откусывание ногтей до появления крови,

прокалывание кожи острыми предметами и другие формы целенаправленного самоповреждения.

- Скрытая аутоагressия сложна в обнаружении, поскольку она проявляется в поведении, которое может казаться нормальным или даже популярным. Например, чрезмерный интерес к татуировкам и пирсингу, рискованным видам спорта, а также вредным привычкам, таким как курение и злоупотребление алкоголем. У девочек это часто проявляется в соблюдении строгих диет или отказе от еды, что может привести к расстройствам пищевого поведения (Дириянкина О.В., 2022).

Ключевыми факторами риска выступают: социальная дезадаптация и определенные личностные особенности, такие как импульсивность, перфекционизм и низкая самооценка. Важную роль в разрешении играет создание поддерживающей образовательной среды через профилактику буллинга и организацию внеучебной активности, а также работа с семьями, направленная на улучшение детско-родительских отношений и коммуникаций. В случаях выраженных проявлений аутоагressии применяется сочетание психотерапевтических методов с возможной медикаментозной поддержкой.

Своевременная и системная помощь не только снижает проявления аутоагрессивного поведения, но и создает условия для гармоничного психосоциального развития. Важно понимать, что аутоагressия — это не просто отклонение в поведении, а серьезный сигнал о глубинных проблемах, требующих внимания и профессионального вмешательства со стороны семьи, образовательных учреждений и специалистов.

Литература

1. Аутоагressия у подростков: причины аутоагрессивного поведения [Электронный ресурс]. – Портал о саморазвитии, личностном росте и позитивном отношении к жизни. – URL: <https://lifemotivation.online/razvitielichnosti/samopoznanie/autoagressiya-u-podrostkov> (дата обращения: 22.04.2025).
2. Дириянкина О.В. Психолого-педагогические подходы к профилактике и коррекции самоповреждающего поведения подростков // Педагогический вестник. – 2022. – №24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-podhody-k-profilaktike-i-korrektssi-samopovrezhdayuscheego-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 22.04.2025).
3. Рудина А. В., Лакреева А. В. Аутоагрессивное поведение: подходы к определению феномена // Вестник СМУС74. – 2018. – №1 (20). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/autoagressivnoe-povedenie-podhody-k-opredeleniyu-fenomena> (дата обращения: 02.04.2025).

4. Свинарева О.В. Особенности интерпретации понятия "педагогическое сопровождение" в современной отечественной педагогике // НАУ. – 2015. – № 2-6 (7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-interpretatsii-ponyatiya-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-v-sovremennoy-otechestvennoy-pedagogike> (дата обращения: 02.04.2025).

Бодимодификации в контексте девиантного поведения: обзор современных исследований

Бажанова И.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Практики телесной модификации, подразумевающие татуирование, пирсинг и шрамирование, имеют глубокие исторические корни и сохраняют актуальность в современном мире, – научный интерес к этому феномену сосредоточен на изучении его социального и психологического контекста. Ранние антропологические исследования племенных ритуалов и магических практик, связанных с нанесением нательных изображений, проведённые, в частности, Hambly W. D., сыграли важную роль в формировании гипотезы о «культурных миграциях», объясняющей распространение подобных ритуалов и табу в различных культурах (Hambly W. D., 1925).

Говоря о причинах и содержательном аспекте наличия бодимодификаций у лиц с неординарной внешностью, важно обратить внимание на исследования, посвящённые поиску этих контекстов. Так, Цыганкова П. В. и Цамерян Л. Р. в рамках работы, посвящённой анализу мотивации нанесения татуировок среди женщин, сформулировали ряд выводов на основах проведённого исследования: «Женщины без телесных модификаций обладают значимо более высоким уровнем перфекционизма; большей ориентированностью на социальные требования, на ожидания и оценку окружающих, редко упоминают мотив самовыражения. Женщины, практикующие телесные модификации, переживают значимые для себя ценности как недостаточно осуществленные, что может подталкивать к поиску дополнительных способов преодоления этого несоответствия, в том числе с помощью искусственного модифицирования своего тела» (Цыганкова

П. В., Цамерян Л. Р., 2019).

Работа Wohlrab S., Stahl J., Rammsayer Th., Kappeler P. M. о различиях в характеристиках личности между лицами с измененным и неизмененным телом первыми предложениями затрагивает контекст стигматизации бодимодификаций (Wohlrab S., Stahl J., Rammsayer Th., Kappeler P. M., 2009). Среднестатистическому человеку с татуировками и/или пирсингом, по мнению авторов, будет присущ авантюризм, сексуальная раскрепощённость и открытость к экспериментам, наличие большего количества сексуальных партнеров в краткосрочных отношениях в сравнении с лицами, не обладающими такими атрибутами бодимодификаций. Данный вывод подтверждает, что авторы относят лица с бодимодификациями к группе риска или рассматривают опыт реализации татуировок и пирсинга в качестве эквивалента рискованному поведению: это же подтверждает исследование Фесенко С. Н. и Марковой И. И. В своей работе авторы проводят анализ литературы на тему психологических особенностей лиц с бодимодификациями (Фесенко С. Н., Маркова И. И., 2023).

Так, Собкин В. С. в рамках проведения исследования обнаружил среди школьников 7-11 классов с телесными модификациями более высокую распространённость употребления нецензурной лексики, курения, употребления психоактивных веществ и агрессивного поведения (Собкин В.С., 2021). Бабин Ю. М. экспериментально подтвердил связь между бодимодификациями и склонностью к аддиктивному поведению у подростков 16-18 лет, отмечая у этой группы повышенный риск и сниженный самоконтроль; Дегтярев А. В. и Галкина Е. А. выявили у подростков с татуировками или пирсингом проявления высокого уровня аутодеструктивного поведения, склонность к риску и девиантному поведению (Дегтярев А.В., 2019). Важно отметить, что многие исследования основаны на теоретическом анализе умозаключений коллег-предшественников, а также нередко рассматривают психоэмоциональное состояние лиц с бодимодификациями исключительно в контексте риска деструктивного, аутодеструктивного, рискованного поведения, а также форм девиантного поведения.

Польская Н. А., специализирующаяся на вопросах самоповреждающего поведения, в работе об эмоционально-личностных особенностях лиц с модификацией тела пишет следующее: «взаимосвязь между телесными модификациями и самоповреждающим поведением подтверждается, причём модификации тела представляют собой особый тип поведения, связанный с формированием идентичности. В этом контексте самоповреждение приобретает культурное значение, становится ритуалом и символическим

актом, определяющим новую самоидентификацию» (Польская Н.А., 2014). Эмоционально-личностные факторы, коррелирующие с телесными модификациями, тесно связаны с социальным взаимодействием и идентификацией, а также аспектами эмоционального интеллекта, такими как способность понимать эмоции других людей и готовность выражать собственные негативные эмоции. Телесные модификации, как социально допустимые формы самоповреждения, с одной стороны, связаны с негативными эмоциональными качествами (агрессивность, враждебность, цинизм), а с другой – с эффективностью в социальном взаимодействии и понимании эмоций окружающих. Таким образом, они представляют собой парадоксальное сочетание самодеструктивных тенденций и стремления к социальной интеграции через формирование уникального образа «Я».

Говоря об исследованиях о самоповреждающем поведении и бодимодификациях, Stirn, A., Hinz, A., в рамках своей работы резюмировали, что 34% участников с модификациями тела (пирсинг, татуаж) проявляли паттерны самоповреждающего поведения в детстве: при этом, 13% из них полностью прекратили самоповреждающее поведение, а у других наблюдалось его снижение после модификации тела (Stirn, A., Hinz, A., 2008). Люди с самоповреждающим поведением в анамнезе чаще имели большее количество пирсингов, чем лица без такого опыта: авторы предполагают, что модификации тела могли выступать в качестве альтернативы самоповреждению.

В заключение следует подчеркнуть необходимость многогранного рассмотрения психоэмоционального состояния и характерных переживаний лиц с бодимодификациями, учитывая их связь с девиантным поведением и роль в формировании и самовыражении личности.

Литература

1. Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела // Психология и право. – 2015. – Т. 5. – № 1. – С. 90–107. – EDN TSKPBV.
2. Кутузова Е.В., Зудилина Н.В. Эстетические модификации тела как фактор нового аксиологического сдвига // Научное сообщество студентов XXI столетия. – URL: [https://sibac.info/archive/social/1\(48\).pdf](https://sibac.info/archive/social/1(48).pdf) (дата обращения: 01.04.2025).
3. Польская Н.А. Эмоционально-личностные корреляты модификаций тела // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2014. — Т. 14. — № 2-1. — С. 76–82.
4. Собкин В.С. Распространенность татуировок среди учащихся

общеобразовательных школ: социально-психологические аспекты // Психологическая наука и образование. — 2021. — Т. 26. — № 5. — С. 101–115.

5. Фесенко С. Н., Маркова И. И. Искусственная модификация тела, как разновидность самоповреждающего поведения // Universum: психология и образование. — 2023. — №2 (104). — С. 1-6.

6. Цыганкова П. В., Цамерян Л. Р. Самовыражение или эпатаж? Какая мотивация стоит за телесными модификациями, с точки зрения женщин с наличием и отсутствием татуировок // Вестник ВятГУ. — 2019. — № 4. — С. 112–120.

7. Hambly W.D. The History of tattooing and its significance. — NY.: Dover publications, 1925. — 346 p.

8. Stirn, A. and Hinz, A. Tattoos, Body Piercings, and Self-Injury: Is There a Connection? Investigations on a Core Group of Participants Practicing Body Modification // Psychotherapy Research. — 2008. — Vol. 18. — № 3. — P. 326–333.

9. Wohlrab S., Fink B., Kappeler P. M., Brewer G., Differences in Personality Attributions Toward Tattooed and Nontattooed Virtual Human Characters // Journal of Individual Differences. — 2009. — Vol. 30. — № 1. — P. 1–5.

Представления о возможной работе с кризисным психологом у пострадавших от насилия, имеющих различные акцентуации характера

Бахрамеева М.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Как отмечают исследователи, реальное количество жертв насилия может многократно превышать официальные статистические данные (Старович З., 1991). Среди переживаний пострадавших выделяют стыд, тревогу, гнев, многочисленные амбивалентные чувства. Нередко формируются аутоаггрессивное или аддиктивное поведение, ПТСР. Пострадавшие часто сталкиваются со стигматизацией и общественным осуждением, которые также обладают психотравмирующим воздействием. Тяжесть наблюдаемых психологических последствий зависит от многих факторов – например, от индивидуально-психологических особенностей пострадавших, включая характерологические свойства, копинг-стратегии и

психологические защиты, наличия моральной поддержки со стороны близкого окружения и т. д.

С учетом этого профессиональное сообщество работает над расширением спектра эффективных методов оказания помощи лицам, столкнувшимся с насилием, и основную роль в этом играют кризисные психологи (Калшед Д., 2001). Однако сколь угодно современные инструменты работы с деструктивными посттравматическими переживаниями не будут действенными без учета изначальных представлений клиентов о взаимодействии с психологом. В обыденном сознании сформировались модели психологической помощи, которые различаются по общим представлениям о работе с психологом, ожиданиям потенциальных клиентов и их готовности брать на себя контроль и ответственность в процессе получения помощи (Сартори С.А., 2018). Практикующим психологам важно учитывать эти модели для более эффективного выстраивания процесса психотерапии, особенно в кризисных ситуациях, когда оказание помощи носит экстренный характер.

В поисковом эмпирическом исследовании, о котором здесь будет рассказано, проверялись два предположения:

1. Вне зависимости от выраженности акцентуаций характера представления пострадавших от насилия о возможной кризисной психологической помощи характеризуются поверхностью и недостаточной детализированностью.

2. Содержание представлений пострадавших от насилия о возможной кризисной психологической помощи соответствует типу акцентуации характера.

В исследовании приняли участие 27 пострадавших от физического, психологического и сексуального насилия возрастом от 18 до 41 года. Средняя давность насилия по выборке составила 9 лет, при этом большинство испытуемых столкнулось с ним до 18 лет. 26 испытуемых были женщинами, также в исследовании принял участие один мужчина.

Сведения о характере пережитого насилия, а также представлений испытуемых о его последствиях и возможной психологической помощи были собраны посредством полуструктурированного интервью. Посттравматические переживания испытуемых оценивались с помощью Шкалы оценки влияния травматического события (ШОВТС), а характерологические особенности - с помощью Опросника Шмишека.

22% обследованных никогда не обращались за психологической помощью. Остальные разделились поровну: на оценивающих свой опыт работы с психологом как негативный/неэффективный и тех, чей запрос при

обращении за психологической помощью не был связан с темой насилия. Среди обладателей опыта работы с психологом - 23% отметили, что их изначальные представления о такой работе совпали с действительностью, в 15% произошло частичное совпадение, в 39% совпадения не было, а 23% сообщили, что не имели никаких представлений до встречи с психологом.

Результаты оценки посттравматических переживаний испытуемых (ШОВТС) показали следующее. У 52% испытуемых наблюдается тяжелая степень травматизации, у 30% - умеренная и 15% - легкая, отсутствие же посттравматических переживаний отмечено у 3% испытуемых. Наиболее часто встречались симптомы "избегания", тогда как интенсивность проявлений "вторжения" и "физиологического возбуждения" оказалась примерно равной и более низкой в сравнении с первой группой симптомов.

Среди акцентуаций характера преобладали смешанные (63% испытуемых), включающие гипертические, эмотивные или экзальтированные черты. Испытуемых с дистимической акцентуацией обнаружено не было. Среди "чистых" типов, составивших 37% от выборки обнаружились только гипертический, экзальтированный, педантичный, эмотивный тип.

Для изучения содержания представлений испытуемых о возможной психологической работе применялся контент-анализ материалов полуструктурированного интервью. В основном испытуемые описывали инструментарий психолога (под которым в 63% понималась беседа, в остальных случаях – проективные методики и иные "упражнения", причем только 45% испытуемых упоминали методы, действительно применяемые в кризисном консультировании и психотерапии). Также в ответах обследованных часто встречались описания "психологических сессий", носившие обобщенный, не имеющий достаточной детализации характер. Реже встречались описания запроса, желаемого результата работы, образа психолога и его кабинета, подхода психолога (КБТ, арт-терапия и психоанализ), упоминания о недопустимых поступках психолога и характеристики личностного отношения к психологической работе в целом.

Первая гипотеза нашла свое подтверждение. Несмотря на высокий образовательный уровень испытуемых, их представления о психологической помощи в большинстве случаев оказались чрезмерно обобщенными, не учитывающими специфику работы с проблематикой насилия. Испытуемые описывают процесс оказания психологической работы в целом или перечисляют отдельные методы её осуществления.

При проверке второй гипотезы не удалось выявить связь между типом акцентуации характера пострадавших от насилия и их представлениями о возможной работе с психологом. Мы связываем это с малым количеством

испытуемых с “чистой” акцентуацией характера или с преобладанием в нашей выборке тенденции к обобщенному представлению о работе с психологом.

Литература

1. Зубрицкая А. С. Особенности психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия [Электронный ресурс] // Вестник ТГЭУ. - 2009. - №3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskoy-pomoschi-zhenschinam-postradavshim-ot-domashnego-nasiliya> (дата обращения: 19.02.2025).
2. Калшед Д. Внутренний мир травмы. Архетипические защиты личностного духа. - М.: Академический проект, 2001. - 368 с.
3. Лефтеров В.А., Вакулич Т.М. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуациях домашнего насилия [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2013. - Том 3. - № 2. - URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n2/61022 (дата обращения: 17.02.2025).
4. Сартори С.А. Возможности использования представлений о психологической помощи в практике // Безопасность социума: стратегические ресурсы обеспечения психологического благополучия и здоровья нации : материалы Всероссийской междисциплинарной научно-практической конференции, Москва, 28 февраля 2018 года / Центр исследования проблем безопасности РАН; Российская академия естественных наук; Профессиональное сообщество практик «Превентивная медицина». – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 404-412.
5. Старович З. Судебная сексология. – М.: Юридическая литература, 1991. – 336 с.
6. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. – М.: Когито-центр, 2009. – 304 с.

Мотивационные факторы, влияющие выбор подростками способа табакокурения

Березянский А.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Актуальность исследования обусловлена тем, что табакокурение является одной из наиболее распространённых вредных привычек среди подростков. Курение причиняет колossalный вред не только здоровью потребителей и окружающих их людей, но и формирует психологическую зависимость, которая не дает возможности молодым людям развивать адаптационные механизмы и способы совладания со стрессом.

В настоящее время отмечается не только увлечение традиционным курением, но и ростом популярности электронных альтернатив для доставки никотина в организм, известных как ЭСДН. Маркетинговые кампании успешно формируют мнение о меньшем вреде электронных сигарет по сравнению с обычными, что особенно привлекает подростков (Рыжкова О.Б., 2019). Многие подростки начинают их пробовать из любопытства к разнообразию вкусов, некоторые желают соответствовать статусу своего социального круга, часто направляющегося на перекуры. Есть те, кто решает перейти на ЭСДН из стремления отказаться от сигарет, в то время как другие видят в этом способ подчеркнуть свою независимость, современность и зрелость (Яблонский П.К., Суховская О.А., 2015).

Понимание мотивации подростков, влияющей на выбор способа табакокурения, поможет лучше понять предикты формирования зависимого поведения и разработать стратегии по предотвращению его негативных последствий.

Цель исследования: выявить особенности мотивации у подростков к употреблению способа табакокурения. Изучение использования электронных сигарет среди подростков 13–15 лет в 22 странах позволило выявить, что процент молодых людей, регулярно прибегающих к электронным системам доставки никотина (ЭСДН), оказался значительно выше по сравнению с более взрослыми возрастными группами. В период с 2019 по 2024 годы показатели среди молодежи колебались от минимальных 0,7 % в Японии до максимальных 18,4 % в Украине (Асеева А.Д., 2014). Анализируя современные исследования, можно обозначить обобщенные факторы, побуждающие подростков прибегать к использованию ЭСДН.

1. Наблюдение за курением родственников с малых лет способствует формированию у детей желания имитировать это поведение. Осознавая вред от сигарет, подросток склонен искать альтернативу, которая на первый взгляд кажется менее опасной. Так, наличие курящего члена семьи или родственника значительно повышает вероятность того, что подросток обратит внимание на ЭСДН (Рыжкова О.Б., 2019). 2. Среди подростков, испытывающих стресс, связанный с неуспешностью обучения, распространено мнение, что электронные сигареты являются более безопасным способом его снятия. 3. Важную роль играет социальное окружение подростка. Так, если группа авторитетных сверстников использует электронные сигареты, это может побудить даже тех, кто ранее не склонялся к курению, присоединиться к ним, чтобы не чувствовать себя отвергнутыми (Асеева А.Д., 2014). 4. Вейпинг, курение электронных сигарет и использование других ЭСДН может быть воспринято как модный тренд или способ самовыражения. Некоторые люди выбирают электронные сигареты из-за их стильного дизайна и разнообразия вкусов. 5. Одним из мотивов предпочтения электронных сигарет традиционному способу курения у подростков является желание снизить вредное воздействие на окружающих через пассивное курение.

Таким образом, можно констатировать, что мотивационные факторы, влияющие на выбор способа курения у подростков, различаются. Установление более точной иерархии мотивационных факторов употребления подростками ЭСДН требует углубленного анализа значимости различий между группами, использующими разные способы курения, что является направлением в перспективе изучения данной темы.

Литература

1. Асеева А.Д. Психологические особенности личности, способствующие развитию зависимого поведения // Научный журнал КубГАУ. - 2014. - №101. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-lichnosti-sposobstvuyuschie-razvitiyu-zavisimogo-povedeniya> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Рыжкова О.Б. Причины возникновения психологической зависимости от курения в подростково-юношеском возрасте // Вестник науки. - 2019. - Т. 1. - № 3 (12). - С. 24–26.
3. Яблонский П.К., Суховская О.А. Электронные сигареты – «способ курения» или средство отказа от курения? Комментарий к статье В.Д. Менделевича // Вестник современной клинической медицины. - 2015. - Т. 8 (3). - С. 72–74.

Воспитанники сувузт: есть ли различия между девушками и юношами?

Бойкин И.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

На данный момент, согласно статистическим данным Министерства Просвещения РФ, в чью юрисдикцию входят все специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (далее – сувузт), в нашей стране функционируют 15 таких учреждений в различных регионах, от Калининграда до Абакана. В данных учреждениях находятся около 700 несовершеннолетних обоих полов, преимущественно юноши - это подростки с девиантным и делинквентным поведением в возрасте от 11 до 18 лет, помещенные в учреждения по постановлению судьи, решению суда, приговору суда. Основной целью деятельности сувузт является психологическая, медицинская и социальная реабилитация детей и подростков с девиантным поведением. В учреждениях реализуются программы общеобразовательной и профессиональной подготовки.

В последние годы в сувузт, в соответствии с требованиями постоянно актуализируемого законодательства РФ в сфере профилактики рисков детства, реализуются обновленные программы социопсихологической поддержки и воспитания. Специалисты данных учреждений стараются применять не только классические методы и техники работы, но находятся в постоянном поиске новых методов с доказанной эффективностью. Однако, как показывает анализ теоретических источников по темам, затрагивающим различные психологические аспекты воспитания, коррекции деструктивного поведения воспитанников таких учреждений, в представленных отечественными исследователями научных работах, не затрагивается вопрос диверсификации направленности воспитательных, коррекционных, (ре)социализирующих программ в сувузт в зависимости от пола воспитанников. Иными словами, рекомендации, предлагаемые для внедрения в социо-психологическую и воспитательную работу сувузт носят общий, гендерно недифференцированный подход.

В исследовании нами было принято решение о компенсации именно этого дефицита, а именно, исследовать гипотезу о наличии значимых различий в структуре жизненной позиции у девушек и юношей, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа. Таким

образом была сформулирована его цель – комплексное изучение взаимообусловленных компонентов структуры жизненной позиции воспитанниц специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа. На основе теоретического анализа в области объекта исследования (феномена жизненной позиции) нами была определена методологическая основа эмпирического исследования, а именно шестикомпонентная модель жизненной позиции делинквентного подростка (С.В. Бонкало, 2012). Для каждого компонента (аксиологический, экзистенциональный, поведенческий, когнитивный, акмеологический, эмоциональный) была подобрана определенная психодиагностическая методика (8 методик, 58 субшкал).

В соответствии с целью, задачами и гипотезами исследования общая выборка была разделена на 2 группы сравнения:

Девушки- воспитанники (Ишимбайское СУВУ, Куртамышское СУВУ) – 60 чел., средний возраст – 15,25;

Юноши-воспитанники (Омское СУВУ, Орловское СУВУ) – 75 чел., средний возраст – 15,2.

Исследование проводилось посредством заполнения испытуемыми онлайн-формы на ресурсе anketka.mgrpp.ru.

На основе сравнения групп юношей и девушек с применением критерия Манна-Уитни в подгруппе «Девушки» более выражены следующие показатели: «гибкость», «поиск социальной поддержки», «осторожные действия», «самоинтерес», «самопринятие», «самоинтерес_суб.».

Данные результаты представляют возможность дать описательный портрет воспитанницы сувузт:

- 1) девушки с большей легкостью способны изменять свое поведение в зависимости от изменившихся условий, в отличие от юношей;
- 2) девушки чаще ищут поддержку со стороны окружающих в стрессовых ситуациях;
- 3) девушки более склонны избегать риска неудач и к перестраховке;
- 4) девушки показывают большую склонность в заинтересованности своими мыслями и чувствами.

Корреляционный анализ в группе девушек показал несколько иные результаты в сравнении с группой юношей. К показателям с большим количеством связей относятся не только «общий показатель осмысленности жизни» и «жизнестойкость», но и «глобальное самоотношение». Иными словами, у девушек существует не два (как у юношей), а три корреляционных ядра, притягивающих к себе наибольшее количество периферийных признаков.

Более того наблюдаются две отрицательные связи: между «потребностью в самоуважении» (нарушение данной потребности) и «самоуважением» (-0,739) и между «аутосимпатией» и «самообвинением» (-0,878). Это означает, что чем сильнее нарушается потребность в самоуважении, тем ниже сам уровень самоуважения; и чем выше аутосимпатия, тем ниже самообвинение и наоборот. Важно отметить, что в отличие от группы юношей, в группе девушек больше сильных корреляций, связанных с опросником «Самоотношения», в частности шкалы «глобальное самоотношение», «самоуважение», «аутосимпатия», «самопринятие», «самообвинение». У девушек зафиксированы значимые характеристики в модели их жизненной позиции, отличные от юношей.

В отличие от юношей, девушки, находящиеся в сувузт, более приспособлены, более вариативны при поиске выходов из сложных ситуаций, придерживаются позиции о том, что не все вопросы решаются силой, умеют рассуждать, не столь значимо конформны и склонны к внешнему влиянию, способны обращаться за помощью, менее импульсивны и более осторожны, чаще ощущают свою беспомощность и сомневаются в том, что могут что-то решать, у девушек хорошо развита саморефлексия.

Исходя из полученных данных можно выделить основные риски, которые могут стать мишениям профилактической и коррекционной работы психологов сувузт: 1. Центрированность на себе (зацикленность на своих интересах, привлечении внимания к собственной персоне и т.д.) и 2. Фruстрация потребности в контроле (восприятие себя как «невидимки», не способной к принятию решений и к изменению окружающей действительности).

Примечание: Исследование проводилось в рамках научно-исследовательского проекта ФГБОУ ВО МГППУ «Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков, применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» по государственному заданию Министерства просвещения № 073-00037-24-01 от 09.02.2024 г.

Литература

1. Бонкало С.В. Социально-психологические технологии формирования конструктивной жизненной позиции делинквентных подростков (на примере воспитанников специальных образовательных учреждений закрытого типа) : Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012. – 26 с.

Влияние сексуальной эксплуатации на самооценку женщин в разных культурных контекстах

Бубель Н.П.

Санкт-Петербургский государственный университет

(г. Санкт-Петербург)

Научный руководитель – Великодворская Е.В.

Сексуальная эксплуатация, принимающая различные формы, включая сексуальное принуждение в партнерских отношениях и вовлечение в занятия проституцией представляет собой серьезную угрозу здоровью и благополучию женщин. Данная работа направлена на обзор исследований влияния сексуальной эксплуатации на самооценку женщин, проживающих в разных социокультурных контекстах.

Культурный контекст является важным аспектом исследования сексуальной эксплуатации, поскольку восприятие собственной ценности может зависеть от культурных стандартов и стереотипов, существующих в обществе. Нормы и ценности, характерные для различных обществ, не только влияют на восприятие сексуальной эксплуатации, но и определяют способы оказания помощи пострадавшим, а также методы профилактики.

Для начала рассмотрим сексуальное принуждение в партнерских отношениях, которое можно отнести к альтернативно-вариативному способу сексуальной эксплуатации (Шруб М.П., 2024).

Анализ статистических данных демонстрирует, что Южно-Африканская Республика в настоящее время характеризуется наиболее высокой частотой инцидентов домашнего насилия, включая сексуальное. Культурные особенности социального восприятия в данном регионе характеризуются выраженной патриархальной направленностью: мужская агрессия не подлежит осуждению, в то время как женская субъектность минимизируется (Валиева Р.Ф., 2024).

В условиях сексуальной эксплуатации формируется система виктимблейминга — приписывание ответственности за совершенное насилие пострадавшей. Подобная практика, основанная на оценке поведения, внешности или другом социальном факторе, способствует интернализации вины: внешние обвинения трансформируются во внутреннее самоосуждение. Это усиливает чувство стыда, снижает самооценку и затрудняет восстановление психоэмоционального состояния и социальную реинтеграцию пострадавших.

Исследование, проведенное Я.С. Служивой и И.М. Осипенко на российской выборке женщин, переживших домашнее сексуальное насилие, выявило статистически значимую дифференциацию уровней самооценки: преобладающий процент респондентов (59,3%) демонстрирует сниженный уровень самооценки, значимая часть выборки (29,6%) характеризуется средними показателями самооценки, а меньшинство опрошенных (11,1%) демонстрирует высокий уровень самооценки. Полученные данные свидетельствуют о превалировании сниженного уровня самооценки среди жертв сексуального насилия в семейных отношениях (Служивая Я.С., Осипенко И. М., 2021).

Теперь перейдем к описанию исследований, в которых в качестве жертв сексуальной эксплуатации рассматривались женщины, вовлеченные в проституцию.

Результаты американского исследования, основанного на выборке 119 женщин, занимающихся проституцией (как в эскорт-агентствах, так и на улице), продемонстрировали, что 75% респондентов отметили значительное снижение уровня самооценки после начала сексуальной эксплуатации. Психоэмоциональный профиль данной группы характеризовался преобладанием негативных аффективных состояний, включающих: депрессивные проявления, чувство собственной бесполезности, тревожные расстройства, проявления стыдливости. При этом позитивные эмоциональные состояния, такие как чувство собственной привлекательности и желанности, встречались значительно реже (Kramer, L., 2003).

Из-за значительной социальной стигматизации женщин, занимающихся сексом по телефону, респонденты предпочитают не раскрывать свою деятельность и ищут способы поддержания своей самооценки и улучшения собственного восприятия. К таким стратегиям относятся: формирование профессиональной идентичности через дистанцирование от других форм коммерческого секса, которые включают непосредственное участие в половом акте, четкое разделение «дома» и «работы», а также профессионализация своей работы. Их взаимодействие с клиентами может быть как негативным, связанным с реальным или символическим насилием, так и позитивным, способствующим росту самооценки (Панкратова Л.С., 2012).

Выводы Л.С. Панкратовой подкрепляются результатами исследования М.М. Русаковой, в котором женщины, вовлеченные в проституцию, также предпочитали разделять работу и личную жизнь. Таким образом, вовлечение в проституцию не обязательно приводит к полной смене идентичности и ролевого репертуара (Русакова М.М., 2019).

Стоит добавить, что исследование Т.С. Шевцовой и А.Е. Давыдовой выявило прямую корреляцию между уровнем дохода и самооценкой женщин, занимающихся проституцией: чем выше материальная компенсация за услуги, тем выше показатели самооценки (Шевцова Т.С., Давыдова А.Е., 2020).

Эмпирическое исследование S.E. Romans и его соавторов продемонстрировало, что 90% женщин, вовлеченных в проституцию, в Новой Зеландии, осуществляющих деятельность через эскорт-агентства (в отличие от уличной проституции), демонстрируют высокий уровень психоэмоционального благополучия и устойчивые показатели самооценки. Две трети участников этого исследования сообщили, что на момент опроса у них были близкие отношения с партнерами, некоторые из них были в браке. Половина выборки имела детей, и также было отмечено, что респонденты тратят значительную часть своего дохода на семью. В исследовании подчеркивается, что девушки, работающие в сфере эскорт-услуг, уверены в поддержке со стороны семьи, друзей и общества в целом, которые не осуждают их за этот вид деятельности. (Romans S.E., Potter K., Martin J. and Herbison P., 2001).

В настоящее время в России и других странах женщины, вовлеченные в проституцию, лишены возможности воспользоваться психологической поддержкой, что подчеркивает необходимость разработки программы, которая обеспечит системную и долгосрочную помощь женщинам, принявшим решение выйти из проституции. В качестве примера успешной модели можно привести шведскую организацию «Talita», которая оказывает всестороннюю помощь женщинам, выходящим из проституции, включая поддержку в трудоустройстве и длительный курс психотерапии.

В заключение следует отметить, что женщинам, пострадавшим от сексуальной эксплуатации, необходимо обеспечить дестигматизацию и декриминализацию для обеспечения доступа к социальной и психологической поддержке. Процессы накопления негативных последствий проституции демонстрируют обратимый характер при условии мобилизации ресурсов государственных систем социальной защиты, направленных на превенцию вовлечения в проституцию девушек и оказания помощи женщинам в проституции (Русакова М.М., 2018).

Литература

1. Валиева Р.Ф. Психологический портрет насильника // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. - 2024. - № 3. - Т. 58. - С. 17-20.
2. Панкратова Л.С. Сексуальная культура США: трансформация сферы коммерческого секса // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2012. - №2. - Т. 15. - С. 207-214.
3. Русакова М.М. Адаптация и погружение в жизненных траекториях женщин, вовлеченных в проституцию // Вестник РУДН. Серия: Социология. - 2019. - №1. - Т.19. - С. 71-80.
4. Русакова М.М. Опыт "накопленных неудач" женщин, вовлеченных в проституцию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. - 2018. - №4. - Т. 11. - С. 439-454.
5. Служивая Я.С., Оsipенко И.М. Клинико-психологические особенности женщин с виктимным поведением в ситуации домашнего насилия // Смоленский медицинский альманах. - 2021. - №4. - С.204-206.
6. Шевцова Т.С., Давыдова А.Е. Мотивы вовлечения молодых людей в webcam-бизнес // Проблемы современного педагогического образования. - 2020. - №68-1. - С. 364-367.
7. Шруб М. П. Понятие и классификация способов сексуальной эксплуатации // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2024. - №3 (69). - С. 48-55.
8. Kramer L.A. Emotional Experiences of Performing Prostitution. // Journal of Trauma Practice. - 2003. - № 2. - URL: https://www.researchgate.net/publication/241749820_Emotiona_Experience_of_Performing_Prostitution
9. Romans S.E., Potter K., Martin J., Herbison P. The mental and physical health of female sex workers: A comparative study // Journal of Psychiatry. - 2001. - 35. - P. 75-80.

**Связь эскапизма со склонностью к виктимному поведению у девушек,
увлеченных фанфикшеном**

Буркова Е.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В данной работе рассмотрена связь эскапизма, склонности к виктимному поведению и увлеченности фанфикшеном у девушек. Фанфикшен стал одной из ключевых форм самовыражения для молодежи, особенно среди девушек, которые активно взаимодействуют с этим жанром литературы. Само же сообщество является активно развивающимся, вовлеченным в процесс чтения и написания фанфикшена, что является здоровой формой эскапизма, так как направлено на расслабление, получение нового опыта и саморефлексию. При этом девушки, увлеченные фанфикшеном, могут также формировать нездоровую форму эскапизма. Понимание психоэмоциональных процессов, происходящих у этой группы, является важным для психологов и социологов, изучающих молодежную культуру. Эскапизм - стремление уйти от реальности, чтобы избежать негативных эмоций или стрессовых ситуаций. Эскапизм подразделяется на мягкий и жесткий, исходя из его интенсивности и глубине проявления. К мягкому относят такие занятия человека, как чтение книг, просмотр фильмов и сериалов, путешествия, то есть хобби человека, к жесткому - полный уход от собственного “Я”, избегание реальности, изменяющие психику человека (Труфанова Е.О., 2014).

Виктимное поведение, или тенденция становиться жертвой, является сложным социальным явлением, часто имеющим свои корни в психологическом состоянии индивидов. У девушек, увлеченных фанфикшеном, может возникать схожее поведение, обусловленное особенностями восприятия себя и окружающего мира. Для некоторых девушек фанфикшен может служить формой побега от реальных трудностей, что может негативно сказаться на их способности справляться с проблемами в реальной жизни и, в свою очередь, увеличить уязвимость к виктимному поведению.

Значимость данной работы заключается в расширении существующих теорий эскапизма и виктимного поведения. А также связано с анализом влияния субкультурных увлечений. Исследование фокусируется на специфической группе — девушках, увлеченных фанфикшеном, что позволяет выявить особенности их психоэмоционального состояния и поведения в

контексте их интересов. Исследование углубляет понимание психологических механизмов: позволяет более детально изучить, как стремление к эскапизму (желание уйти от реальности) может влиять на склонность к виктимному поведению (поведение, связанное с риском стать жертвой).

Результаты данного исследования показали, что существует значимая связь между эскапизмом, склонностью к виктимному поведению и увлеченностью фанфикшеном у девушек. Связь частичная и зависит от исследуемых параметров. Девушки, увлеченные фанфикшеном, показывают чрезмерный уровень эскапизма. Девушки, не увлеченные фанфикшеном, показывают средний уровень эскапизма. По результатам опросника «Склонность к виктимному поведению» девушки, увлеченные и не увлеченные фанфикшеном, демонстрируют склонность к зависимому и беспомощному поведению и склонность к агрессивному виктимному поведению выше нормы. Реализованная виктимность же у обеих групп находится в норме. При этом существуют значимые различия между группами в показателе реализованная виктимность. Показатель увлеченности фанфикшеном находится на умеренном уровне.

Таким образом, можно сказать, что чем выше увлеченность фанфикшеном у девушек, тем выше эскапизм и склонность к виктимному поведению. Данная связь подтверждена, но зависит от исследуемых параметров. Показатели эскапизма значимо связаны с реализованной виктимностью. Увлеченность фанфикшеном имеет значимые связи с некоторыми параметрами эскапизма и склонности к виктимному поведению. Также полученные результаты говорят о том, что чтение фанфикшена является для исследуемой группы интересным занятием, в которое они умеренно погружены и активны, при этом не “уходят с головой”, то есть их увлеченность фанфикшеном находится на умеренном уровне. То есть данное исследование имеет значимые результаты, которые в дальнейшем могут быть углублены. Перспективой исследования является дальнейшее и более глубокое изучение представленной темы, например, изучение склонности к виктимному поведению у девушек, предпочитающих фанфикшен с метками “насилие”, “нездоровые отношения”.

Литература

1. Труфанова Е. О. Эскапизм: бегство в поисках смысла // Психология и психотехника. - 2014. - № 6. - С. 597-608.

Сочувствие к себе и эмоциональный интеллект у молодых взрослых со склонностью к думскроллингу

Ведерникова П.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном мире технологии являются неотъемлемой частью человеческой жизни. Развитие технологий и сети Интернет предполагает открытый доступ к информации, что сопряжено с определенными рисками в условиях стремительных изменений.

В 2020 году термин «думскроллинг» получил широкую известность в связи с пандемией Covid-19 и всеобщей самоизоляцией. Думскроллинг рассматривается в качестве аддиктивного онлайн-поведения и предполагает замкнутый круг, в котором люди все больше погружаются в поиск негативных новостей, не обращая внимания на степень тяжести потребляемого контента. Подобное поведение оказывает негативное воздействие на физическое и психоэмоциональное состояние человека.

Исследование сочувственного отношения к себе и эмоционального интеллекта является перспективным направлением в контексте думскроллинга, как разновидности аддиктивного поведения.

Согласно К. Нефф: «Сочувствие к себе (самосострадание) – это проявление доброты по отношению к самому себе в моменты переживания боли или неудачи, умение воспринимать свой опыт, как часть общечеловеческого опыта и осознанно обходиться с негативными чувствами» (Янченко А., 2020).

Самосострадание рассматривается как двуполюсный континуум, который может проявляться в разных формах, от нетерпимого отношения к себе до сострадательного. Ряд отечественных ученых Е.Н. Осин, С.Н. Ениколов и др. в контексте сочувственного отношения к себе придерживаются позиции К. Нефф и разделяют самоотношение на два вида: требовательное и позитивное. В основе сочувственного самосострадания лежит стремление заботиться о собственном благополучии и хорошем самочувствии, что достигается путем осознания и переработки субъективного опыта (Чистопольская К.А., 2020).

Цель нашего исследования заключалась в выявлении и описании особенностей проявления сочувствия к себе и эмоционального интеллекта у молодых взрослых со склонностью к думскроллингу.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что у молодых взрослых со склонностью к думскроллингу и без склонности существуют различия в показателях сочувствия к себе и эмоционального интеллекта, а именно:

1. У молодых взрослых со склонностью к думскроллингу показатели по шкале «позитивное самоотношение» и субшкалам «доброта к себе», «внимательность», ниже, чем у лиц без выраженной склонности к думскроллингу.

2. У молодых взрослых со склонностью к думскроллингу показатели по шкалам «внутриличностный эмоциональный интеллект», «управление своими эмоциями» ниже, чем у лиц без выраженной склонности к думскроллингу.

3. Чем выше склонность к думскроллингу у молодых взрослых, тем выше показатели по шкале «требовательное самоотношение».

4. Чем выше склонность к думскроллингу у молодых взрослых, тем ниже общий уровень эмоционального интеллекта.

В исследовании приняли участие 114 респондентов. После первичной обработки данных выборку эмпирической части исследования составило 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 21 год). Из них респондентов мужского пола 30 чел. (в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст – 20,7 лет), респондентов женского пола 70 чел. (в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст – 20,8 лет).

На основании результатов по шкале думскроллинга (Автор Sharma et al., 2022) выборка была разделена на 2 группы:

Контрольная группа («К») – молодые взрослые без выраженной склонности к думскроллингу – 50 человек. Респондентов мужского пола – 13 чел. (в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст – 20,9 лет), респондентов женского пола – 37 чел. (в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст – 21,2 года).

Эмпирическая группа («Э») - молодые взрослые с выраженной склонностью к думскроллингу – 50 человек. Респондентов мужского пола – 17 чел. (в возрасте от 18 до 24 лет, средний возраст – 20,6 лет), респондентов женского пола – 33 чел. (в возрасте от 18 до 23 лет, средний возраст – 20,4 лет).

Методики исследования: авторская анкета, направленная на сбор социально-демографической информации о респондентах, шкала думскроллинга (Автор Sharma et al., 2022), методика «Сочувствие к себе», (Автор K. Neff, 2003, перевод и адаптация: К.А. Чистопольская, Е.Н. Осин и др., 2020), тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина. В качестве математических методов для выявления различий между исследуемыми

феноменами использовался критерий Манна-Уитни, для определения характера взаимосвязей применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Математическая обработка данных производилась в программе IBM SPSS Statistics 27.

Исследование проводилось в онлайн-формате с применением сервиса Google-Forms, мотивационное обращение к респондентам и ссылка для участия были размещены в сообществах социальной сети «Вконтакте» и каналах мессенджера Telegram.

По результатам исследования было выявлено, что у молодых взрослых со склонностью к думскроллингу и без склонности существуют различия в показателях сочувствия к себе и эмоционального интеллекта.

Люди, склонные к думскроллингу, в трудных ситуациях отличаются требовательным самоотношением, излишней самокритикой и низкой внимательностью к собственным переживаниям, что подразумевает избегание сложных чувств. Люди без таковой склонности, напротив, в контексте ситуаций неуспеха выражают позитивное самоотношение, относясь к себе с большей добротой, внимательностью и меньше самокритикой. Такие различия могут быть обусловлены тем, что люди, склонные к думскроллингу, чувствительны к негативной информации, что усиливает тревогу и беспокойство, а неумение применять адаптивные копинг стратегии, побуждает человека продолжать погружаться в новости, с целью удовлетворения потребности в безопасности. В то же время, такие люди склонны игнорировать или подавлять свои эмоции, вследствие чего тревога и страх не становятся преградой для прекращения прокручивания ленты.

Чем выше склонность к думскроллингу у молодых взрослых, тем ниже общий уровень эмоционального интеллекта, внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект. Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что люди, которые испытывают сложности с идентификацией и управлением своих чувств более подвержены их игнорированию, а, следовательно, и думскроллингу.

Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, позволили нам описать особенности сочувствия к себе и эмоционального интеллекта у молодых взрослых со склонностью к думскроллингу. В дальнейшем выявленные данные могут быть использованы для разработки психокоррекционных и профилактических программ, направленных на предупреждение развития думскроллинга и выработки стратегии сочувственного отношения к себе в сложных жизненных обстоятельствах.

Литература

1. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3-22.
2. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. – 2020. – Том 16, № 4. – С. 35-48.
3. Янченко А., Нартова-Бочавер С. Сострадание к себе как адаптивное свойство личности // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2020. – Вып. 13, № 71. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/192> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Sharma B., Lee S, Johnson B.K. The dark at the end of the tunnel : Doomsscrolling on social media newsfeeds [Электронный ресурс] // Technology, Mind, and Behavior. – 2022. – Vol. 3, № 1. – URL: <https://doi.org/10.1037/tmb0000059> (дата обращения: 18.02.2025).

Психологические особенности киберпреступного поведения и его детерминанты

Вознесенская К.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Новая эпоха цифровизации, также известная как информационная эра, привела к значительным изменениям в обществе. Произошла стремительная трансформация всех сфер общественной жизни, обусловленная мгновенным доступом к информации и знаниям. Информационная эра кардинально изменила криминальный мир, приведя к появлению качественно новых форм преступного поведения.

Актуальность данной темы заключается в том, что цифровизация общества создает качественно новую среду, влияющую на формирование преступных паттернов, приводит к появлению новых форм преступного поведения и требует переосмыслиния традиционных подходов в юридической психологии. Исследование психологических особенностей лиц, совершающих преступления в сфере информационных технологий, требует комплексного подхода к анализу их поведенческих паттернов и мотивационных факторов.

К социальным детерминантам, способствующим киберпреступному поведению, относятся:

1. Дефекты правового воспитания в образовательных учреждениях.

2. Влияние криминальной субкультуры в онлайн-среде (форумы, чаты, закрытые сообщества).

3. Доступность технологий и инструментов для совершения преступлений.

4. Недостаточная цифровая грамотность населения, создающая уязвимости.

5. Слабость механизмов социальной защиты и контроля.

6. Низкая эффективность существующих систем противодействия киберпреступлениям.

Социальная среда всегда проявляется в преступности во взаимодействии с личностью, преобладая через её характеристики, либо меняя и подавляя ранее сформировавшиеся характеристики и формируя новые, обеспечивающие достижение целей в новых ситуациях, уже существующих или прогнозируемых. Иногда понять истоки новых явлений в преступности можно только путём выяснения того, на что в будущем ориентируется человек, какого развития социальной среды он ожидает (Долгова А.И., 2025). На образование противоправного умысла влияет и тип нервной системы, и темперамент и характер (Васильев В.Л., 2005). Изучение криминолого-криминалистической литературы позволило сформировать следующий собирательный портрет типичного киберпреступника, который показывает, что большинство киберпреступников обладают высоким уровнем технического мышления и интеллектуальными способностями (Поляков В. В., Попов Л. А., 2018).

Характерными чертами являются:

1. Повышенная склонность к риску.
2. Способность к длительной концентрации внимания.
3. Развитые аналитические способности.
4. Часто – заниженная самооценка в реальной жизни.
5. Повышенная тревожность.
6. Замкнутость и интроверсия.
7. Способность к быстрому переключению между задачами.

В условиях развития цифровых технологий особую актуальность приобретает изучение психологических мотивов киберпреступников. Помимо материальной мотивации, основной движущей силой противоправных действий в информационном поле выступает стремление к власти и контролю над другими людьми.

Ключевым психологическим фактором выступает потребность преступников в повышении самооценки через доминирование над жертвой. Для достижения своих целей злоумышленники активно используют чувство стыда и социальный страх, как инструмент психологического давления.

Характерными методами воздействия являются (Штрекер Н.В., 2024):

1. Хищение персональных (цифровых) данных.
2. Хищение фото- и видеоматериалов интимного характера.
3. Последующее использование полученной информации для шантажа и манипуляции жертвой.

Подобные действия позволяют преступникам не только получать материальную выгоду, но и удовлетворять свои психологические потребности в доминировании и контроле над другими людьми. Особую опасность представляет то, что жертвы, испытывая чувство стыда и тревогу перед санкциями со стороны социума и властных структур, часто не обращаются за помощью, что позволяет преступникам оставаться безнаказанными.

Таким образом новые паттерны преступного поведения проявляются в следующих формах (Штрекер Н.В., 2024):

1. Киберпреступления как отдельный класс противоправных действий.
2. Манипулятивные техники в социальных сетях.
3. Цифровая дезинформация и манипуляции массовым сознанием.
4. Преступления, связанные с кражей цифровой идентичности.

В 2024 году 40% всех преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. При этом таких преступлений зарегистрировано на 13,1% больше по сравнению с 2023 годом. Особенно заметно увеличение тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с применением ИТ-технологий - их стало больше на 7,8%. Этот фактор существенно повлиял на общий рост тяжких и особо тяжких преступлений, который составил 4,8% за год (МВД России, 2024).

Эффективная работа с киберпреступным поведением требует:

1. Развития системы раннего выявления потенциально опасных лиц через мониторинг онлайн-активности.
2. Создания специализированных программ реабилитации с учетом психологических особенностей.
3. Усиления правового просвещения в образовательной среде.
4. Развития психологической компетентности специалистов в сфере информационной безопасности.
5. Внедрения программ профессиональной ориентации и трудоустройства.
6. Создания системы психологической поддержки для лиц с высоким риском девиантного поведения.
7. Развития механизмов социальной адаптации и интеграции в общество.

Комплексный подход к изучению психологических особенностей киберпреступного поведения позволяет выработать эффективные меры профилактики и противодействия. Особое внимание следует уделять развитию системы превентивных мер и психологической коррекции лиц с повышенным риском совершения киберпреступлений.

Литература

1. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. – 5-е изд. – СПб: Питер, 2005. – 655 с.
2. Долгова А. И. Кriminология: краткий учебный курс. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма; ИНФРА-М, 2025. – 368 с.
3. МВД России. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года. – М.: МВД России, 2024. – 120 с. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 22.04.2025).
4. Поляков В. В., Попов Л. А. Особенности личности компьютерных преступников // Известия Алтайского государственного университета: научный журнал. – 2018. – № 6 (104). – С. 256-259. – URL: <https://izvestiya.asu.ru/article/view/%282018%296-49/> (дата обращения: 22.04.2025).
5. Штрекер. Н. В. Трансформация преступности в эпоху цифровых технологий // Молодой ученый: международный научный журнал. – 2024. – № 48 (547). – С. 488-491. – URL: <https://moluch.ru/archive/547/119763/> (дата обращения: 22.04.2025).

Связь алекситимии и склонности к созависимым отношениям в юношеском возрасте

Голенкова Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

В обществе становится более распространенным явление созависимости, которое обусловлено различными факторами. По данным статистики 60-80% людей, состоящих в длительных романтических взаимоотношениях, обнаруживаются признаки созависимости, серьезно влияющей на качество жизни. Дети, которые воспитываются в семье аддиктивных отношений, более склонны к проявлениям зависимого и самоповреждающего поведения, агрессии и насилию (Балыкина Г.Е., 2023).

В настоящее время созависимость рассматривают в контексте деструктивных партнерских (романтических) отношений. Они характеризуются размытыми личностными границами, преобладанием стремления удовлетворить потребности и желания партнера, утратой собственной автономии и чрезмерным контролем над действиями партнера (Никонорова Е.Ю., 2020).

Созависимые отношения — это отношения двух людей, характеризующиеся чрезмерной эмоциональной (иногда физической и социальной) зависимостью и занимающие большое место в жизни, при этом вытесняя и обесценивая все остальное, и не приносящие удовлетворения (Осинская С.А., Кравцова Н.А., 2016).

Наиболее дискуссионным остается вопрос о роли и возможности выделения эмоциональных факторов риска формирования созависимых отношений, что и определило цель данного исследования: выявление связи между выраженностью алекситимии и склонности к созависимым отношениям в юношеском возрасте.

В исследовании приняли участие 30 юношей и 33 девушки в возрасте от 18 до 25 лет. Респонденты являются учащимися вузов, имеющие непостоянную работу, проживающие в Москве и Московской области, не женатые, но состоящие в романтических отношениях от полугода до 3 лет.

В исследовании использовались следующие методики: шкала созависимости Спенн-Фишер (адаптация В.Д. Москаленко); «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-26) G. Taylor, D. Ryan, R. Bagby (адаптирована в русском переводе в Психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева).

Результаты исследования степени созависимости показали, что у большинства респондентов (76%) выявлена умеренная степень созависимости. 10% юношей и 21% девушек не склонны к созависимости. Высокая степень созависимости была установлена у 18% девушек и у 7% юношей.

Результаты исследования по шкале алекситимии показали, что 49% респондентам не свойственны проявления алекситимии. В то же время выраженные показатели алекситимии выявлены у 27% девушек и у 10% юношей, а средние показатели – у 33% девушек и у 30% юношей.

Проведенный корреляционный анализ между показателями алекситимии и созависимости позволил обнаружить наличие связи в данных показателях как по всей выборке лиц юношеского возраста ($r = 0,477$; $p < 0,01$), так и отдельно у девушек ($r = 0,480$; $p < 0,01$) и юношей ($r = 0,436$; $p < 0,05$). При этом сравнительный анализ показал, что значимых различий в

показателях алекситимии и созависимости в исследуемых группах юношей и девушек выявлено не было.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при организации психологической коррекции и профилактики созависимости в отношениях у лиц юношеского возраста.

Литература

1. Балякина Г.Е. Связь стиля воспитания со стороны матери и отца со склонностью к отклоняющему поведению подростков в созависимых семьях [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 395-398. – URL: <https://moluch.ru/archive/467/102927/> (дата обращения: 18.04.2025).
2. Никонорова Е.Ю. Теоретический анализ феномена созависимость [Электронный ресурс] // StudNet. – 2020. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-fenomena-sozavisimost> (дата обращения: 18.04.2025).
3. Осинская С.А., Кравцова Н.А. Системная детерминация созависимости: некоторые подходы к объяснению феномена [Электронный ресурс] // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2016. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnaya-determinatsiya-sozavisimosti-nekotorye-podhody-k-obyasneniyu-fenomena> (дата обращения: 18.04.2025).

Связь между склонностью к агрессии и мотивацией выбора геймерами игр в жанре «эрот-гуро»

Голова С.Р.

Московский государственный психолого-педагогический
университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н. В.

Видеогames за последние десятилетия превратились из развлекательного контента в мощный социокультурный феномен. Их влияние распространилось на множество сфер, в том числе и на психологическую. Как и любое проявление творчества видеоигровая индустрия постоянно развивается, а интерес к ней не угасает, охватывая все большее количество различных жанров, в том числе и жанр «эрот-гуро». Жанр «эрот-гуро» обрёл новую волну поклонников сравнительно недавно — во многом благодаря выходу свежих

игр в этом направлении, таких как «Fear and Hunger», «Termina» и «Lona RPG». Интерес к этим играм активно подпитывали контент мейкеры, сделавшие большой вклад в развитие их популярности.

Данное исследование направлено на изучение игроков, предлагающих жанр «эро-гуро», с фокусом на анализ связи между мотивацией их выбора и склонностью к агрессивному поведению.

Исследование являлось пилотажным и проходило в онлайн формате. В нем приняли участие 15 респондентов (7 женщин и 8 мужчин) в возрасте от 20 до 25 лет. Для получения необходимых результатов были применены: Опросник склонности к агрессии Басса-Перри «BPAQ», ZKPQ-50-CC – направленный на измерение агрессивных и враждебных реакций человека, Шкала мотивации гейминга (модификация) в авторской адаптации С.Р. Голова и др. (2025).

На данный момент сложно найти исследования связанные с изучением психологии геймеров, играющих в «эро-гуро» игры, однако мы можем опираться на многочисленные исследования направленные на поиск связи между агрессией и жестокостью в играх.

В исследовании В.Н. Бурковой и М.Л. Бутовской «Насильственные компьютерные игры и проблема агрессивного поведения детей и подростков» говорят о непосредственной связи между медианасилием и агрессии среди игроков. По их мнению, медианасилие следует рассматривать как один из многих факторов, повышающих агрессию. В результате такого отношения игра, исходно эволюционировавшая у человека как ведущий способ развития и познания мира, преобразуется в опасный для общества деструктивный инструмент.

В исследовании Н.А. Ивановой «Мотивация игроков в компьютерные игры и киберспорт» рассматривают причины, по которым игроки могут выбирать видеоигры. Результаты исследования показали, что личностные мотивы «вызов», «соревнование» и «эскапизм» положительно влияют на желание людей заниматься киберспортом. Эти мотивы приводят к стремлению улучшить игровые навыки, попасть в престижные сообщества и стать лучшими в играх, что стимулирует участие в турнирах.

Результаты опросника склонности к агрессии (Басса-Перри «BPAQ», ZKPQ-50-CC) показали средний уровень склонности к агрессии у большинства респондентов. Наибольший средний показатель у респондентов выражен по шкале физическая агрессия ($M=21,07$; $SD = 7,97$). Наименьший по шкале вербальная агрессия ($M = 16,07$; $SD = 3,49$).

Результаты опросника мотивации выбора (Шкала мотивации гейминга (модификация) в адаптации С.Р. Голова и др., 2025) определили, что

наиболее выраженной мотивацией у респондентов является внутренняя ($M = 3,5$; $SD = 18,27$). Наименее выраженной - интровертированная регуляция ($M = 2$; $SD = 12,70$).

Для выявления взаимосвязи между мотивацией выбора и склонностью к агрессии был проведен непараметрический корреляционный анализ r -Спирмена. Он выявил умеренную положительную связь с отсутствующей значимостью между склонностью к агрессии и мотивацией выбора (r -Спирмен $= 0,41$; $p > 0,05$).

Из личной беседы, объясняя личную мотивацию выбора гуро-игр, респонденты чаще всего объясняли его «привлекательностью жестокого контента» и «недоступность подобного контента в реальности или в других жанрах». В меньшей степени респонденты говорили о стремлении испытать «чувство элитарности».

Благодаря опроснику на мотивацию выбора мы знаем, что у игроков превалирует внутренняя мотивация, которая отражает внутреннее побуждение играть в гуро-игры, такие как: удовлетворение интереса, поиск новых ощущений, и развитие своих навыков, что вполне соотносится с узконаправленностью жанра, которая снижает значимость внешней мотивации и повышает порог входления в этот жанр.

Согласно анализу полученных результатов можно выявить, что связь между склонностью к агрессии и мотивацией выбора отсутствует. Однако несмотря на независимую от выбора игр склонность к агрессии можно заметить, что, по личному мнению, большинство игроков привлекает недоступность такого уровня жестокого контента в реальности или в других жанрах, ее привлекательность и нарушение общественных норм.

Кроме того, в ходе личных бесед при обсуждении сексуальной привлекательности игр данного жанра многие респонденты отрицали, что руководствуются такой мотивацией, утверждая, что не испытывают подобного интереса.

Предпочтение жестокого контента может быть объяснено желанием людей, в особенности молодых, изучать «темные» стороны своей личности для лучшего понимания себя. Гуро-игры являются относительно безопасным местом, для наблюдения за крайне жестоким контентом, так как он является не реальным, что одновременно дает заряд адреналина и при этом защищает психику человека будучи выдумкой. Из этого можно предположить, что «эроГуро» игры — это безопасный способ удовлетворения своей потребности в жестокости, которая может быть вызвана по совершенно разным причинам.

Жестокость часто воспринимается как нечто табуированное или запретное. Люди с нормальным уровнем агрессии могут испытывать к ней

интерес потому, что она выходит за рамки их обычного опыта. Наблюдение за жестокостью может быть способом уйти от скуки или рутины, особенно если в реальной жизни человек избегает конфликтов и стремится к спокойствию. В исследованиях Л.Я. Дорфмана и М.В. Зубакина (2013) выявлено, что тяга к сценам с насилием, непосредственно связана с потребностью в поиске новых ощущений. Трудно говорить о тяге к насилию, как о способе выплеска негативных эмоций в виртуальном мире, так как существуют исследования, как подтверждающие уменьшение реальной агрессии у наблюдающих, так и отрицающие ее снижения (Брайант Д., Томпсон С., 2004; Харрис Р., 2002).

Таким образом, мы выявили, что связь между склонностью к агрессии и выбором игроков игр в жанре «эрот-гуро» отсутствует.

Литература

1. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. Москва.: Издательский дом «Вильяме», 2004. — 432 с.
2. Буркова В. Н., Бутовская М. Л. Насильственные компьютерные игры и проблема агрессивного поведения детей и подростков //Вопросы психологии. – 2012. – №. 1. – С. 132-140.
3. Дорфман Л. Я., Зубакин М. В. Личностные особенности восприятия художественных кинофильмов со сценами насилия [Электронный ресурс] // Психология. Психофизиология: Электронный научный журнал - 2013. - №2. – С.13-24. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-vospriyatiya-hudozhestvennyh-kinofilmov-so-stsenami-nasiliya> (дата обращения: 03.05.2025).
4. Иванова Н. А. Мотивация игроков в компьютерные игры и киберспорт // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгавта. - 2017. - №11 - С. 321-325.
5. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – 2002. - URL: <https://evartist.narod.ru/text5/01.htm> (дата обращения: 10.04.2025).

Социально-психологические особенности стигматизации молодых женщин

Грузова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Актуальность выбранной темы обосновывается тем, что стигматизация как социально конструируемый атрибут, дискредитирующий индивида или группу в рамках доминирующих норм в обществе (Гофман И., 1963), в условиях современных трансформаций представлений о женщине и её месте в обществе, может отрицательно влиять на самооценку, самоотношение и усиливать риски внутренней стигматизации молодых женщин (Кудрявцев В.Н., 1992). Изучение особенностей стигматизации позволит расширить научные знания о механизмах стигматизации, и полученные данные могут использоваться для дальнейших исследований и разработки эффективных стратегий профилактики и преодоления негативных последствий стигматизации.

Проблематика данного явления заключается в том, что в большинстве случаев теоретические подходы к изучению стигматизации ограничивают поле проблем определённой предметностью или личностными взглядами исследователей. Однако, необходимо комплексно исследовать предикторы стигматизации и её последствия в различных социальных контекстах. Кроме того, результаты анализа базы данных «Google Scholar» выявляют тенденцию к расширению изучения данной темы и рост уровня заинтересованности к теме стигматизации, однако, количество научных работ среди отечественных исследователей гораздо меньше, чем среди зарубежных.

Нами было проведено исследование, цель которого заключалась в изучении особенностей стигматизации молодых женщин.

В рамках исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Существует наличие влияния стигматизации на самооценку и самоотношение молодых женщин.

2. Чем старше субъекты стигматизации, тем более выраженные формы стигматизации молодых женщин они проявляют.

3. Уровень стигматизации молодых женщин выше у испытуемых, проживающих в различных регионах РФ, по сравнению с испытуемыми, проживающими в столице РФ.

В исследовании приняли участие две выборки респондентов:

- выборка №1 (объекты стигматизации): 30 респондентов женщин в возрасте от 18 до 25. Средний возраст составил примерно 20,4 года. Участниками исследования стали студентки Московских государственных университетов.

- выборка №2 (субъекты стигматизации): 115 респондентов в возрасте от 20 до 66 лет, среди которых 69 женщин (60%) и 46 мужчин (40%). Средний возраст составил примерно 36,5 лет. Участниками исследования стали представители 12 регионов РФ.

Методиками исследования послужили: методика «Диагностика самооценки» Дембо Т.В., Рубинштейн С.Я. (в модификации Прихожан А.М., 1988), Методика «Исследование самоотношения» (Столин В.В., Пантилеев С.Р., 1993), авторская рефлексивная анкета «Наличие стигматизации», авторский факторный опрос «Представления о современной молодой женщине».

Исследование проводилось с использованием метода виньеток (факторный опрос), что обусловлено недостатком апробированных и валидизированных методик на тему стигматизации. Разработка и использование в исследовании факторного опроса позволяет преодолеть эти ограничения и даёт возможность конструировать ситуационно-специфичные виньетки, отражающие уникальные критерии стигматизации, с которыми сталкиваются молодые женщины в различных социальных контекстах (Григорян, Л.К., Горинова Е.В., 2016).

Обработка эмпирических данных проводилась с помощью метода описательной статистики и программы IBM SPSS Statistics 27. Сначала был использован тест Колмогорова-Смирнова, выявивший ненормальность распределения обеих выборок.

Выборка №1 была разделена на группы сравнения: стигматизируемые и не стигматизируемые девушки. При помощи описательной статистики было выявлено, что уровни самоотношения респондентов, отличающиеся по степени обобщённости, у выборки №1 имеют высокие значения по всем шкалам; дифференцированность уровня самооценки и дифференцированность уровня притязаний выборки №1 также имеют высокие значения при умеренном расхождении результатов двух частей методики вне зависимости от групп сравнения. Данные выводы опровергли гипотезу №1.

После был проведён анализ результатов выборки №1 по авторской анкете «Наличие стигматизации», который выявил пять актуальных критериев стигматизации молодых женщин, использованных впоследствии при составлении факторного опроса «Представления о современной молодой женщине» для выборки №2.

Используя результаты анкеты «Наличие стигматизации», были составлены пять виньеток, состоящих из двух фотографий, разработанных с использованием нейронной сети. Среди критериев стигматизации молодых женщин были выявлены: внешность, жизненные приоритеты, профессия, эмоциональный фон, вредные привычки.

Далее использовался критерий Манна-Уитни. Результаты демонстрируют ($p<0,05$), что в группе, возраст которой выше среднего возраста по выборке (от 36 до 66 лет) присутствует стигматизация по четырём критериям, что подтверждает гипотезу №2. Также было выявлено ($p<0,05$), что в группе респондентов, проживающих в регионах РФ в сравнении с группой, проживающей в Москве, присутствует стигматизация по трём критериям, что подтверждает гипотезу №3.

Результаты эмпирической части исследования, внесли важные корректизы в понимание взаимосвязи стигматизации и самоотношения. Высокие показатели результатов выборки №1, вопреки основной гипотезе, свидетельствуют о наличии компенсаторных механизмов, позволяющих нивелировать влияние стигмы на личностное самоопределение. Однако выявленные признаки стигматизации указывают на области повышенного социального контроля, формирующего предпосылки для стигматизации и возможной дальнейшей дискриминации. Подтверждение остальных гипотез подчёркивает роль социокультурного контекста в воспроизведстве стереотипов и стигм.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что стигматизация молодых женщин не носит прямолинейного характера, а проявляется как латентная предрасположенность, актуализирующаяся под воздействием внешних факторов. Исследование рассматривает не все критерии стигматизации, полученные данные указывают на опосредованное влияние стигмы, требующее дальнейшего изучения с привлечением более широкого спектра переменных. Перспективы исследования связаны с более комплексным изучением стигматизации в различных социальных контекстах, расширением выборки и включением дополнительных переменных.

Литература

1. Гоффман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / И. Гоффман ; пер.с анг. М.С. Добряковой // Goffman. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.:Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3-6). - 52 с.
2. Григорян Л.К., Горинова Е.В. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации // Социальная психология и общество. - 2016. - Т.7. - С. 142-157.
3. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления). - М.: РАН ИГ и П, 1992. - 134 с.

Исследование влияния уровня самоуправления на результаты полиграфологического тестирования

Дворянчика К.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Купцова Д. М.

Полиграф, или «детектор лжи», остается инструментом, вызывающим множество споров (Виноградов М. В., Ульянина О. А., 2022; Менделевич В. Д., 2020). Несмотря на широкое применение в различных сферах, от правоохранительных органов до кадрового отбора, его результаты не всегда признаются в суде, а научная обоснованность подвергается критике (Купцова Д.М., Дворянчиков Н.В., 2023). Насколько же эффективно это устройство, и возможно ли «обмануть» полиграф? Данное исследование нацелено на выявление влияния уровня самоуправления на способность исказить результаты полиграфологического тестирования.

В ходе полиграфологического обследования происходит регистрация различных физиологических проявлений – частоты сердечных сокращений, кожно-галванической реакции, дыхания и других. Предполагается, что намеренное искажение информации вызывает стресс, проявляющийся в изменении этих показателей. При этом ключевую роль играет эмоциональная саморегуляция – способность контролировать свои физиологические реакции и управлять эмоциональным состоянием.

Цель исследования: изучение влияния уровня самоуправления на способность к обману при тестировании на полиграфе.

В ходе эксперимента моделировалась ситуация намеренного искажения информации. Участникам задавались вопросы, на которые они должны были давать заведомо недостоверную информацию. Перед полиграфологическим тестированием проводилось анкетирование, нацеленное на оценку субъективного восприятия стресса и уровня контроля над эмоциями.

Исследование проходило с использованием полиграфа "Диана 7". В эксперименте приняли участие 20 студентов психологических факультетов: 12 девушек и 8 юношей в возрасте 19–23 лет. Перед полиграфологическим обследованием все участники проходили тест "Способность самоуправления" (ССУ Н. М. Пейсахова), позволяющий оценить уровень их самоуправления.

Всем испытуемым было предложено осуществить попытку обмана полиграфа и предоставить недостоверную информацию, отрицая факт «кражи кошелька» после специально организованной игровой инсценировки. Однако, как показали данные, ни одному из участников не удалось успешно скрыть ложь — полиграф зафиксировал соответствующие физиологические реакции.

Интересно, что испытуемые с высокими и выше среднего показателями по шкале «Способность самоуправления» (ССУ) демонстрировали меньшие физиологические реакции, характерные для стресса, во время недостоверного предъявления информации. Тем не менее, и у них обследование позволило выявить признаки недостоверных ответов. Среди участников со средним и низким уровнем самоуправления также не оказалось тех, кто смог бы «обмануть» детектор лжи.

Таким образом, несмотря на убеждённость в своих способностях к самоуправлению, ни один из испытуемых не смог полностью подавить физиологические проявления лжи. При этом корреляция между уровнем самоуправления (по тесту ССУ) и успешностью попыток обмана оказалась незначительной: хотя участники с высоким уровнем самоуправления лучше контролировали свои реакции, но этого было недостаточно для достоверного искажения информации.

Исследование показало, что уровень самоуправления незначительно влияет на результаты полиграфологического обследования, позволяя несколько снизить вероятность обнаружения намеренного искажения информации.

Литература

1. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные

должности в системе МВД России [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2022. - Том 12. - № 2. - С. 141–160. doi:10.17759/psylaw.2022120211

2. Купцова Д. М., Каменсков М.Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2020. - Том 10. - № 4. - С. 126–138. doi:10.17759/psylaw.2020100409

3. Купцова Д. М., Дворянчиков Н.В. Оценка вклада физиологических параметров в определение значимости фактора риска в ситуации скринингового тестирования на полиграфе [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2023. - Том 13. - № 2. - С. 82–93. doi:10.17759/psylaw.2023130207

4. Менделевич В. Д. Полиграфология, профайлинг, айтреинг и другие парадоксальные методы психиатрической диагностики [Электронный ресурс] // Неврологический вестник. - 2020. - Том № 3. - С. 5–8. doi:10.17816/nb42282

Роль личностных и ситуационных факторов в развитии криминального поведения у различных типов серийных убийц

Деева А.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель — Дворянчиков Н.В.

Необходимость изучения влияния личностных и ситуационных факторов на формирование криминального поведения сексуальных преступников, особенно серийных убийц, обосновывается тремя основными доводами. Во-первых, подобные преступления характеризуются повышенной опасностью для общества, лишая индивида основных его прав: личной неприкосновенности, половой свободы и, часто, жизни. Во-вторых, многоэпизодные убийства обладают глубокой поражающей способностью, нанося психологический урон как ближайшему окружению жертвы, так и обществу в целом. В-третьих, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений год от года увеличивается: с 32,8% в январе 2024 года до 36,7% в январе 2025 года; на 5,1% возросло количество нераскрытых случаев указанной категории; из них 289 — убийства и покушения на убийство (в том числе подразумевающие сексуальный мотив) (ГИАЦ МВД России, 2025).

Цель исследования заключалась в изучении роли личностных и ситуационных детерминант в развитии криминального поведения у различных типов серийных убийц.

Гипотезами в работе выступили:

1. Отличительные личностные и поведенческие следы, обнаруженные при анализе криминалистической картины преступления, позволяют отнести серийных сексуальных убийц к определенному типу.

2. В генезе криминального поведения различных типов серийных убийц взаимодействие личностных и ситуационных факторов происходит по принципу криминогенной комплементарности.

Объектом исследования стали 12 мужчин в возрасте от 18 до 42 лет, совершившие серийные сексуальные убийства в период с 1971 по 1998 гг. на территории США, Великобритании и СССР, осужденные впоследствии и признанные вменяемыми. В основу работы легли биографические данные серийных сексуальных убийц, опубликованные в печати (Логунова О.А., 2018; Макнаб К., 2021).

Конкретно-научную методологическую базу исследования составили:

1. «Технология оценки принадлежности неустановленного преступника к определенному типу серийных сексуальных убийц» (Логунова О.А., 2018).

2. «Технология оценки выраженности ситуативной детерминации сексуальной агрессии» (Михайлова О.Ю., 2001).

Математический анализ данных осуществлялся с помощью программы IBM SPSS Statistics 26 с использованием критерия Хи-квадрат Пирсона.

По соответствуанию различным типам серийных сексуальных убийц исследуемые лица распределились в равном порядке: «ситуативник» — 33,3% (4 человека), «силовик» — 33,3% (4 человека), «сексуальный маньяк» — 33,3% (4 человека).

Выраженность ситуативной детерминации сексуальной агрессии рассредоточилась следующим образом: 2 деликта (16,7%) были совершены в «слабой» криминальной ситуации, 7 (58,3%) — в «равновесной», 3 (25%) — в «сильной».

Гипотеза о наличии взаимосвязи между определенным типом серийного сексуального убийцы и выраженностью ситуативной детерминации сексуальной агрессии не подтвердилась ($p=0,387$).

Качественный психологический анализ биографических данных позволил выделить среди исследуемых лиц представителей трех типов

преступников, отнесенных в соответствии с технологией оценки О. А. Логуновой к «ситуативникам», «силовикам» и «сексуальным маньякам». Сравнение отдельных признаков-маркеров подтвердило различие между представителями указанных выше категорий в закономерностях развития и проявления мотивации, сущности выражения криминальной агрессии, моделях противоправного поведения.

Однако не нашла своего подтверждения гипотеза о наличии принципа криминогенной комплементарности во взаимодействии личностных и ситуационных факторов в генезе криминального поведения исследуемой выборки — выявить статистически значимую взаимосвязь между выраженностью ситуативной детерминации сексуальной агрессии и определенным типом серийного сексуального убийцы не удалось. Были получены следующие данные:

1. 0% «ситуативников», 25% «силовиков» и 25% «сексуальных маньяков» действовали в «слабой» криминальной ситуации;
2. 75% «ситуативников», 25% «силовиков» и 75% «сексуальных маньяков» — в «равновесной» криминальной ситуации;
3. 25% «ситуативников», 50% «силовиков» и 0% «сексуальных маньяков» — в «сильной» криминальной ситуации.

Подводя итог полученным результатам теоретического и эмпирического исследований, необходимо выделить следующие положения:

1. Становление криминальной сексуальной агрессии серийных убийц обусловлено широким спектром взаимодополняющих индивидуально-личностных характеристик, подвергшихся патологической деформации в процессе жизнедеятельности.

2. Свообразие формирование мотива и, как следствие, последующие способы выражения криминальной агрессии у исследуемой категории преступников детерминированы влиянием конкретного криминогенного личностного фактора или их совокупности.

3. Отличительные черты криминальной деятельности правонарушителя, находящие свое отражение в следах, оставленных на месте преступления, способствуют выявлению весомых для дифференциации типа серийного сексуального убийцы признаков преобладающего криминогенного личностного фактора в процессе развития и проявления сексуальной агрессии, что было подтверждено эмпирически в рамках данного исследования.

4. Многоступенчатое строение механизма ситуативной сексуальной агрессии требует дополнительного рассмотрения с точки зрения целостного функционирования личностных структур и поведенческих паттернов у представителей определенных типов серийных сексуальных убийц.

Последующие исследования стоит направить на: получение сведений о личности и поведении серийных сексуальных убийц путем психологического анализа биографических данных, материалов уголовных дел, историй болезней, а также их дальнейшую систематизацию; совершенствование и расширение эмпирической базы данных различных типологических признаков данной категории преступников; улучшение метода криминального портретирования, благодаря расширению арсенала специфических для определенного типа серийных сексуальных убийц признаков-маркеров; более детальное исследование различных уровней детерминации сексуальной агрессии вообще и ситуативной в частности.

Литература

1. Логунова О.А. Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.06 — юридическая психология / Ольга Александровна Логунова, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. — Москва, 2018. — 256 с.
2. Макнаб К. 25 историй серийных убийц / пер. с англ. В. Найденова. — М.: Эксмо, 2021. — 192 с.
3. Михайлова О.Ю. Психологические механизмы криминальной сексуальной агрессии: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук: 19.00.01 — общая психология, психология личности, история психологии / Ольга Юрьевна Михайлова, Ростовский государственный университет. — Ростов-на-Дону, 2001. — 545 с.
4. Состояние преступности в России за январь 2025 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2025. — 64 с.

Особенности агрессивного поведения у молодёжи с компьютерной зависимостью

Демина К.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

В современном обществе цифровые технологии продолжают стремительно развиваться, а виртуальный мир становится все более реалистичным и захватывающим. В связи с этим возрастаёт риск чрезмерного использования компьютера, что может привести к формированию зависимого поведения, влияющего на эмоциональную сферу и социальные навыки молодежи. Научные исследования свидетельствуют о том, что длительное пребывание в виртуальных мирах, особенно в играх с насильственным контентом, может негативно сказаться на поведении, увеличивая проявления агрессивного поведения и склонность к конфликтам. Кроме того, длительное погружение в компьютерную среду может способствовать снижению критического восприятия агрессивного контента, нормализации насилия и даже формированию деструктивных моделей поведения в реальной жизни.

Агрессивное поведение определяется как форма поведения, направленная на причинение ущерба или вреда другому живому субъекту, не заслуживающему подобного обращения с собой (Бэрон Р., Ричардсон Д., 2001). Теоретической основой анализа выступает поведенческий подход А. Басса, который подчеркивает роль повторяющихся подкреплений и культурных норм (Buss A.H., 1961). Агрессивное поведение в возрасте 20 – 25 лет формируется под влиянием комплекса факторов: внутренних противоречий, кризисных переживаний, неудовлетворенных потребностей, социального окружения, семейных моделей и увлечения компьютерными играми.

Компьютерная зависимость в свою очередь рассматривается как форма нехимической поведенческой аддикции, характеризующаяся навязчивым стремлением к использованию цифровых технологий, несмотря на негативные последствия (Лузько А.В., 2016). К числу основных причин зависимости у молодежи относятся: отсутствие навыков самоконтроля; неумение самостоятельно организовывать свой досуг; дефицит общения; неосведомленность о правилах психогигиены взаимодействия с компьютером; стремление заменить компьютером общение с близкими людьми; стремление уйти от трудностей реального мира в виртуальный мир; низкая самооценка и

зависимость от мнения окружающих; подражание, уход из реальности вслед за друзьями (Думачева, Е.А., 2015).

Цель исследования – анализ взаимосвязи между агрессивным поведением и компьютерной зависимостью у молодежи.

Гипотеза исследования – предполагается, что существует связь между агрессивным поведением и компьютерной зависимостью у молодежи.

Проведенное исследование охватило 42 человека в возрасте от 20 до 25 лет. Гендерное распределение выборки было равномерным: 21 мужчина и 21 женщина. В качестве методического инструментария использовались:

- Демографическая анкета;
- Опросник для установления зависимости от компьютерных игр и интернета (С.В. Краснова);
- Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П. А. Ковалев);
- Скрининговая диагностика компьютерной зависимости (Л.Н. Юрьева и Т.Ю. Больбот).

Сбор данных проводился дистанционно с использованием платформы Google-Forms.

В ходе исследования была обнаружена статистически значимая связь между компьютерной зависимостью и агрессивным поведением. В частности, выявлены корреляции между уровнем кибер-аддикции и такими чертами, как неуступчивость ($r = 0,312$; $p < 0,05$) и позитивная агрессивность ($r = 0,306$; $p < 0,05$). Эти результаты свидетельствуют, что лица с высокой степенью зависимости могут демонстрировать более агрессивные поведенческие модели.

При гендерном сравнении юноши демонстрируют достоверно более высокий уровень позитивной агрессии ($p < 0,05$) по сравнению с девушками. Также у них наблюдались более высокие, но не достигающие статистической значимости показатели напористости и неуступчивости. Кроме того, у юношей значимо более высокие показатели компьютерной зависимости, что подтверждает их большую предрасположенность к кибер-аддикции ($p < 0,01$).

Результаты исследования подтверждают, что компьютерная зависимость связана с агрессивными поведенческими тенденциями, особенно среди молодых мужчин.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по профилактике агрессивного поведения у молодежи с компьютерной зависимостью. Эффективными мерами являются: развитие эмоционально-интеллектуальных навыков саморегуляции,

организация альтернативного досуга, профилактика информационной перегрузки и просвещение в сфере психогигиены цифрового поведения.

Таким образом, полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности психологов, социальных педагогов и специалистов в области профилактики девиантного поведения молодежи.

Литература

1. Бэрон Р. Агрессия. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.
2. Думачева Е.А. Компьютерная зависимость [Электронный ресурс] // Министерство образования Республики Беларусь. – 2015. – С. 22. – URL: https://www.bsuir.by/m/12_100229_1_91306.pdf. (дата обращения: 15.03.2025).
3. Лузько А.В. Игровая компьютерная зависимость и профилактическая деятельность по ее преодолению // Архивариус. – 2016. – №3 (7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-kompyuternaya-zavisimost-i-profilakticheskaya-deyatelnost-po-ee-preodoleniyu>. (дата обращения: 06.04.2025).
4. Buss A.H. The Psychology of Aggression. – New York : Wiley, 1961. – 307 p.

Киберсталкинг как форма девиантного поведения

Деринг В.В.

Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск)

Научный руководитель – Тицкова А.С.

В настоящее время цифровая среда и Интернет-пространство стали неотъемлемыми составляющими жизнедеятельности людей во всем мире. Современного человека характеризует прочная включенность в цифровую экосистему, а влияние цифрового пространства на личность становится объектом научных исследований различных сфер: психологической, медицинской, юридической, экономической, социальной и др. В настоящее время выделяется широкий функционал цифровой среды, включающей коммуникацию, развлечения, информационное просвещение, обучение, совершение покупок, осуществление профессиональной деятельности и т.д. К сожалению, помимо позитивного влияния, цифровая среда включает в себя такие проблемы, как утечка личных данных, мошенничество и различные формы буллинга, хейтинга или даже преследования в сети Интернет.

Следует отметить, что сталкинг рассматривается в научной литературе как умышленное неоднократное преследование личности с навязчивым стремлением установить или поддерживать нежелательный контакт. Например, отечественные исследователи (Цуканова Е.Г., Мясникова А.М., 2016) определяют «сталкинг» как намеренное многократное открытое преследование другого человека, в том числе с применением информационно-телекоммуникационных технологий, включая Интернет. В контексте интернета выделяют киберсталкинг – отдельную форму сталкинга, когда обозначенные действия осуществляются при помощи электронных средств (сообщений, звонков, публикаций в сети и т.п.) с целью психологического влияния на жертву (Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., 2022). Такое поведение выходит за пределы общественных норм и правовых предписаний, так как преследователь сознательно нарушает личные границы жертвы (Pittaro M.L., 2007).

Как показывают исследования, толчком к преследованию часто служат реальное или предполагаемое отвержение, а также ревность, обида или разрыв отношений (Dressing H. et al., 2014). Помимо факторов, характеризующих межличностные отношения, важную роль играют личностные характеристики и потребности, в частности, стремление контролировать жертву и доминировать над ней: и в традиционном, и в интернет-сталкинге нередко наблюдается навязчивая идея вернуть «любовь» или «справедливость» (Pittaro M.L., 2007). В совокупности указанные мотивы (жажда контроля, месть, эротоманическая одержимость и т.п.) формируют психологический профиль преследователя, отличающийся личностными отклонениями и патологической привязанностью к другому (Dressing H. et al., 2014; Pittaro M.L., 2007).

В психологической и криминологической областях существуют различные классификации сталкеров. Одна из часто цитируемых моделей (Boon J.C.W., Sheridan L., 2001) разделяет их на четыре основные категории: «преследование бывших партнеров» (примерно 50% всех случаев; главной мотивацией, как правило, являются ненависть, ревность и желание властвовать после расставания; часто сопряжено с высокой вероятностью физического насилия и причинения вреда имуществу), «инфатуальное преследование» (около 18,5% случаев; отличительной чертой является романтизированное восприятие жертвы и стремление к взаимности, игнорируя реальность происходящего), «бредовое фиксированное преследование» (около 15,3% случаев, где сталкер страдает психическими расстройствами, верит в наличие отношений и зачастую проявляет опасное поведение) и «садистское преследование» (примерно 12,9% случаев, где

ключевой целью является намеренное причинение страха, боли и подчинения жертвы; характеризуется высокой степенью угрозы). Представленные типологии подчеркивают, что во всех исследуемых случаях в основе поведения преследователя лежат личностные отклонения или психопатологические состояния (Boon J.C.W., Sheridan L., 2001).

В данной работе проанализирован киберстalking как разновидность девиантного поведения в сети. Тема преследования в онлайн-пространстве находится в центре внимания многих современных исследований. Поведение, выходящее за рамки общепринятых норм, посягающее на личную свободу индивида, обусловлено множеством факторов, таких как опыт отвержения, желание доминировать над другим человеком. Также стоит учитывать личные характеристики и возможные психологические расстройства субъекта, осуществляющего преследование. Киберстalking, представляющий собой навязчивое преследование с применением цифровых инструментов, является одной из форм девиантного поведения, требующий комплексного изучения и учета при разработке профилактических и правовых мер.

Литература

1. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В. Психологические особенности жертв и агрессоров в ситуации киберстalkingа // Психология сегодня. – 2022. – № 3 (035). – С. 165–167.
2. Цуканова Е.Г., Мясникова А.М. Криминализация сталкинга // Виктимология. – 2016. – № 3(9). – С. 45–52.
3. Boon J.C.W., Sheridan L. Stalk typologies: A law enforcement perspective // Journal of Threat Assessment. – 2001. – Vol. 1. – P. 75–97.
4. Dressing H., Bailer J., Anders A., Wagner H., Gallas C. Cyberstalking in a large sample of social network users: Prevalence, characteristics, and impact upon victims // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2014. – Vol. 17. – № 2. – P. 61–67.
5. Pittaro M.L. Cyber stalking: an analysis of online harassment and intimidation // International Journal of Cyber Criminology. – 2007. – Vol. 1. – № 2. – P. 180–197.

К вопросу определения, содержания и профилактики кибербезопасности студентов высшего учебного заведения

Дядькин Г.А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(г. Москва)

Научный руководитель – Ермаков Д.С.

Вопрос изучения и профилактики кибербезопасности студентов в академической среде является актуальным как в целом для современного общества, так и непосредственно для юридической психологии. Кибербезопасность как междисциплинарный феномен более подробно изучена в контексте технических наук, нежели в контексте психологии или педагогики; в научном дискурсе распространены подходы к определению кибербезопасности как специфической характеристики оборудования или программного обеспечения (Craigen D., Diakun-Thibault N., Purse R., 2014), значительно реже встречаются определения, включающие в себя специфику влияния личности на процессы снижения уязвимости к кибератакам или последствиям некорректного использования Интернета. Однако вопрос о психологических аспектах безопасности в Интернете представляется не менее значимым (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2024). Исследования показывают, что личностные качества в значительной степени оказывают влияние на степень защищенности человека при использовании цифровых технологий (Бекирова, М. А., 2024; Ляшук А. В., 2008).

Кибербезопасность в контексте научных исследований рассматривается как специфический вид общей безопасности, под которой понимается защищённость от различных угроз. Эти угрозы проявляются в рамках определённой среды — цифрового пространства — и включают в себя такие явления, как преднамеренное мошенничество, кибербуллинг, а также негативные последствия, возникающие в результате ошибочного использования цифровых технологий (Бекирова, М. А., 2024; Ляшук А. В., 2008; Мыжнюк М. И., Бекирова М. А., 2024; Поляков В. П., 2006; Таланова Н. В., 2024).

Наряду с термином «кибербезопасность» в литературе часто употребляется и понятие «информационная безопасность» (Бекирова, М. А., 2024; Ляшук А. В., 2008; 2024; Поляков В. П., 2006). Однако в разных источниках соотношение между этими понятиями трактуется по-разному: в одних случаях они приравниваются, в других — информационная безопасность представляется более широким понятием (Бекирова, М. А.,

2024). Мы склонны рассматривать кибербезопасность как смежную, но выходящую за рамки информационной безопасности семантическую категорию, т.к. не все угрозы цифрового пространства носят сугубо информационный характер (как, например, кибербуллинг), а информационные угрозы, в свою очередь, способны возникать и вне цифрового пространства.

При исследовании кибербезопасности в ее психологическом аспекте важно акцентировать внимание на ее связи с личностью человека. В этом свете кибербезопасность может быть определена как система личностных качеств, способствующих формированию определённой культуры поведения в цифровой среде. Такая культура цифрового поведения помогает человеку сохранять финансовую, юридическую, техническую, психологическую и иную безопасность (Поляков В. П., 2006; Таланова Н. В., 2024), а также минимизировать риски негативного влияния со стороны цифровых угроз.

Следующей значимой задачей для исследования кибербезопасности становится необходимость определения личностных качеств, влияющих на повышение или понижение уровня защищенности от угроз в цифровом пространстве, в целях установления необходимых условий для обеспечения кибербезопасности студентов.

В научной литературе значимым условием развития кибербезопасности и семантически схожих феноменов выделяют развитие критического мышления (Бекирова, М. А., 2024; Мыжнюк М. И., Бекирова М. А., 2024; Таланова Н. В., 2024). Важность критического мышления для обеспечения кибербезопасности обуславливается необходимостью анализа и исключения угрожающего личности контента в Интернете.

Тем не менее, мы не можем говорить о том, что личностные качества, связанные с кибербезопасностью обучающихся, сводятся сугубо к когнитивной сфере. Авторы выделяют значимое влияние на кибербезопасность не только когнитивного, но и деятельностного, а также рефлексивного компонентов личности. Например, значимым условием развития кибербезопасности можно назвать осуществление рефлексии на основе применения механизмов самопознания, самоанализа и самоконтроля (Бекирова, М. А., 2024; Ляшук А. В., 2008; Таланова Н. В., 2024). Взаимосвязь с кибербезопасностью обнаруживают компоненты личности, связанные с процессом целенаправленной деятельности, в частности – уровень субъектности обучающегося. Также влияние отмечается у качеств, которые можно назвать составляющими данного свойства личности – ответственности, оптимизма (в широком понимании данного термина как специфичного состояния ценностной сферы человека) (Ляшук А. В., 2008).

Обобщая вышесказанное, мы можем сделать вывод, что кибербезопасность затрагивает комплексную систему психологических качеств личности.

Конкретными формами работы, которые могут быть эффективны в педагогическом сопровождении кибербезопасности, можно назвать групповые методы работы (тренинг, групповое обсуждение), лекции и семинары с мультимедиа сопровождением, круглые столы, конкурсы и другие формы работы, применяемые в высших учебных заведениях. Также можно отметить следующие методы и технологии работы, подходящие для развития кибербезопасности и апробированные в исследованиях: игровые, рефлексивные, диалоговые технологии, технологии поиска информации, кейс-технологии, технологии коллективного обучения, технологии организации самостоятельной работы (Бекирова, М. А., 2024; Таланова Н. В., 2024). Работа с кейсами представляется нам особенно перспективной в области развития кибербезопасности, т.к. реализация данного качества личности требует взаимодействия с цифровой угрозой в непосредственной социальной ситуации, которую может воссоздать кейс, что в свою очередь позволит организовать непосредственное практическое обучение навыку противостояния цифровым угрозам.

Таким образом, кибербезопасность студентов высших учебных заведений это актуальная и востребованная для исследований тема, связанная с изучением личностных качеств человека, направленных на формирование культуры поведения в цифровой среде, способствующей укреплению состояния финансовой, юридической, психологической, технической и иной защищенности (а также способствующей снижению риска деструктивного влияния на жизнь человека со стороны угроз в цифровом пространстве).

Литература

1. Бекирова М.А. Педагогическое сопровождение обучающихся общеобразовательных организаций в условиях киберрисков и киберугроз: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1. Донской государственный технический университет. - 2024. - 173 с.
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Психологическая помощь в интернет-среде: принципы безопасности // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2024): сб. статей V международной научно-практической конференции. 14—15 ноября 2024 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. - М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. - С. 466-473.

3. Ляшук А.В. Личностные детерминанты информационно-психологической безопасности студентов: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07. Южный федеральный университет. - 2008. - 199 с.
4. Мыжнюк М.И., Бекирова М.А. Роль критического мышления в формировании кибербезопасности обучающихся // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. - 2024. - Т. (10). - № 2 (76). - С. 81-88.
5. Поляков В.П. Методическая система обучения информационной безопасности студентов вузов: дис. ... д-р пед. наук: 13.00.08. Нижний Новгород. - 2006. - 538 с.
6. Таланова Н.В. Педагогическая профилактика рисков киберповедения курсантов образовательных организаций МВД России: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя. - 2024. - 255 с.
7. Craigen D., Diakun-Thibault N., Purse R. Defining cybersecurity // Technology innovation management review. - 2014. - Т. 4. - № 10. - Р. 13-21.

Проблема социализации молодых людей, вернувшихся с зон боевых действий

Катренко Е. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Буслаева Е.Л.

Проблема социализации молодых людей, вернувшихся из зоны боевых действий, является одной из наиболее острых в современной России, где участие в военных операциях затрагивает значительную часть молодого поколения. Возвращение к мирной жизни сопровождается сложными психологическими и социальными вызовами, которые требуют глубокого анализа с точки зрения психологии девиантного и криминального поведения. Девиантное поведение не является фиксированной онтологической реальностью, а представляет собой социальный конструкт, формируемый в конкретных исторических и социальных условиях, где власть и общественные институты играют ключевую роль в определении норм и границ допустимого поведения. Поведение ветеранов, переживших боевые действия, следует рассматривать как результат взаимодействия их внутреннего

психологического состояния с требованиями и ожиданиями общества (Клейберг Ю. А., 2023).

Социализация молодых людей, вернувшихся из зон боевых действий — это многоуровневый процесс, включающий преодоление посттравматических стрессовых расстройств, депрессий, тревожных состояний и эмоциональных срывов, которые существенно затрудняют их интеграцию в социальную среду. Девиантное поведение часто возникает как реакция на неопределенность и внутренние конфликты, связанные с несоответствием личных ожиданий и социальной реальности (Махнач А. В., Рябушкина Т. М., 2023).

Рассматривая разнообразные исследования, посвященные профилактике проблем социализации людей, вернувшихся из зон боевых действий, следует отметить повторный мета-анализ при изучении связи социальной поддержки и ПТСР (Sorjonen K., Melin B., 2023).

Среди лонгитюдных исследований особого внимания заслуживает работа по анализу связи сплоченности боевых коллективов и дальнейшему проявлению ПТСР. Результаты данной работы показали, что вероятность развития ПТСР снижается, если в подразделениях устанавливаются положительные межличностные связи и сплоченность (Nevarez M. D., Yee H. M., Waldinger R. J., 2018).

Молодые люди, вернувшиеся из зон боевых действий, сталкиваются с дополнительными проблемами — злоупотреблением психоактивными веществами, семейными конфликтами и социальной изоляцией. Эти факторы создают благоприятную почву для развития девиантного поведения, которое при отсутствии адекватной поддержки, может перерасти в криминальную активность. Девиантность в таких случаях выступает как форма психологической защиты и попытка адаптации в условиях социальной дезадаптации и экономической нестабильности. Отсутствие устойчивых социальных связей и снижение уровня жизни усиливают чувство несправедливости и отчуждённости, что дополнительно повышает риск вовлечения в противоправные действия (Клейберг Ю. А., 2023).

Особое значение имеет проблема несоответствия между ожиданиями молодых ветеранов и реальными возможностями общества. Несмотря на существующую материальную поддержку, многие сталкиваются с резким снижением социального статуса и доходов, что вызывает внутренние конфликты и усиливает фрустрацию. Такая ситуация порождает «недифференцированные» формы девиантного поведения, когда источник фрустрации не осознаётся или вытесняется, что затрудняет адекватное

реагирование и коррекции. В результате часть ветеранов ищет альтернативные способы решения проблем, включая участие в организованных преступных группировках (свидетельством этому являются чеченская и афганская войны и пост временной период после их окончания- наши лихие 90-е), которые предлагают не только экономическую выгоду, но и удовлетворение потребности в принадлежности и социальной идентичности — важном факторе для молодых людей, переживших травмирующий опыт.

Современные меры поддержки ветеранов пока не в полной мере отвечают существующим вызовам, что требует разработки комплексных программ, учитывающих психологические, социальные и экономические аспекты адаптации. Профилактика девиантного поведения должна основываться на раннем выявлении факторов риска и предоставлении своевременной адресной помощи (Клейберг Ю. А., 2023).

Важным аспектом является понимание того, что девиантное поведение молодых ветеранов следует рассматривать в контексте их жизненного опыта, социальной среды и внутренней диспозиционной системы личности. Поведение личности формируется под воздействием сложного взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов. Социальная среда, в которой развивается личность, оказывает двустороннее влияние — она не только формирует нормы, но и воспринимается и перерабатывается индивидом в соответствии с его внутренними особенностями. Исходя из этого, успешная социализация требует комплексного подхода, включающего психологическую, медицинскую, профессиональную и социальную поддержку, а также долгосрочную помощь, направленную на предотвращение рецидивов девиантного поведения (Федотова Е. О., 2023).

Особое внимание следует уделять возрастным психологическим особенностям молодых ветеранов, поскольку высокая аффективная напряжённость, импульсивность и эмоциональная нестабильность делают их особенно уязвимыми к девиантным реакциям на стрессовые ситуации.

Психосоциальная помощь ветеранам с ПТСР и другими травмами должна стать приоритетом общества, поскольку именно своевременное вмешательство способно снизить риски развития девиантного и криминального поведения. Важным фактором успешной адаптации является поддержка семьи и близкого окружения, а также активное участие самих молодых людей в процессе реабилитации. Уважение человеческого достоинства и признание права на полноценную жизнь являются ключевыми принципами профилактики девиантного поведения (Клейберг Ю. А., 2023).

В целом, интеграция всего вышеперечисленного в практику работы с молодыми ветеранами позволяет выстраивать эффективные программы реабилитации и социальной адаптации, направленные на снижение уровня девиантного поведения и укрепление социальной стабильности. Необходимы дальнейшие исследования, которые помогут уточнить психологические механизмы девиантного поведения в контексте военного опыта и разработать инновационные методы поддержки, учитывающие возрастные и социальные особенности этой группы. Только системный, комплексный подход, основанный на современных научных данных, способен обеспечить успешное возвращение молодых людей к мирной жизни и гармоничное развитие общества в целом.

Литература

1. Министерство труда и социальной защиты РФ: Официальный сайт. – URL: (дата обращения: 07.05.2025).
2. Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. – URL: (дата обращения: 07.05.2025).
3. Федеральный закон “О ветеранах” от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 28.12.2023).
4. Федеральный закон “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации” от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 28.12.2023).
5. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 287 с.
6. Махнач А. В., Рябушкина Т. М. Психосоциальная реабилитация участников боевых действий: методические рекомендации – Москва: Институт психологии РАН, 2023. – 144 с.
7. Федотова Е. О. Психологическая адаптация участников боевых действий: монография – Воронеж: Научная книга, 2023. – 212 с.
8. Nevarez M. D., Yee H. M., Waldinger R. J. Friendship in War: Camaraderie and PTSD Prevention // Journal of Traumatic Stress. – 2018. – Vol. 31, Issue 2. – P. 283-291.
9. Sorjonen K., Melin B. Prospective associations between social support and posttraumatic stress disorder may be spurious: A re-meta-analysis of longitudinal studies and a simulation // Journal of Psychiatric Research. – 2023. – Vol. 156. – P. 149-157.

Связь перфекционизма с самооценкой у подростков

Королев Н.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гурина О.Д.

В данной работе рассмотрена связь перфекционизма с самооценкой у подростков. Эти психические явления играют большую роль в структуре личности ребёнка и затрагивают другие многочисленные аспекты личности. Вопросы самооценки у подростков, влияющей на различные аспекты жизни, остаются важными для исследователей и терапевтической практики. В свою очередь, перфекционизм, как стремление к совершенству, может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на самооценку (Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., 2001). При этом были проанализированы связи между перфекционизмом и составляющими девиантного поведения у подростков.

Целью данного исследования стало выявление закономерности между перфекционизмом и самооценкой у подростков. Объектом исследования является личностные и индивидуально-психологические особенности подростков, а предметом - связь перфекционизма и самооценки у подростков. В нашем исследовании мы сформулировали основную гипотезу, которая звучит как: уровень самооценки значимо коррелирует с уровнем перфекционизма у подростков, что показывает закономерность между ними. Также мы выделили дополнительную гипотезу, связанную с девиантным поведением, которая звучит как: уровень самооценки коррелирует с уровнем перфекционизма у подростков со склонностью к девиантному поведению более значимо, чем у подростков с условно нормативным поведением.

Методы, использованные в исследовании - эмпирические методы исследования: тестирование, наблюдение и теоретические методы: анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, сравнение, классификация, обобщение. Методики, использованные в исследовании: “Опросник перфекционизма” (Гаранян Н.Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Т.Ю.), “Изучение общей самооценки” (Н.Г. Казанцева), “Склонность к девиантному поведению” (коллектив авторов Э.В. Леус, САФУ им. М.В. Ломоносова; А.Г. Соловьев, СГМУ). Для проверки мы провели комплект методик с подростками из МБОУ города Кинешма. В исследовании приняло участие 30 подростков, среди которых было 20 человек женского пола и 10 мужского (~33% муж., ~64% жен.) В исследовании приняли участие респонденты, возраст которых варьируется от 14 до 17 лет. Средний возраст участников составил - 14,9 лет.

Анализ корреляционных связей по Спирмену выявил статистически значимые связи перфекционизма с рядом психологических характеристик. Наиболее выраженная корреляция обнаружена между перфекционизмом и самооценкой ($p<0.01$), что подтверждает исходную гипотезу о существенном влиянии перфекционистических установок на формирование самооценочных паттернов. В контексте девиантного поведения обнаружены высокозначимые корреляции перфекционизма с аутоаггрессивными ($p<0.001$), делинквентными ($p<0.01$) и аддиктивными ($p<0.01$) формами поведения, однако причинно-следственный характер этих взаимосвязей остаётся неясным из-за недостатка эмпирических данных. Согласно концепции Гаранян-Холмогоровой, выявленные паттерны могут объясняться кумулятивным эффектом негативных когнитивных установок, присущих перфекционизму, которые могут привести к появлению дезадаптивных поведенческих стратегий. Для подтверждения гипотезы о перфекционизме как факторе риска девиаций необходимы лонгитюдные исследования с расширенной выборкой.

Таким образом, полученные корреляционные данные помогли выявили устойчивые корреляции перфекционизма с различными формами девиантного поведения. Высокие перфекционистские установки, по-видимому, выступают фактором поведенческой дезадаптации, что согласуется с концепцией их деструктивного влияния на когнитивно-эмоциональную сферу. Однако для установления причинно-следственных связей требуются исследования с контролем социодемографических переменных и расширенной эмпирической базой.

Литература

- Гаранян Н.Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Т. Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога [Электронный ресурс] // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 4. – С. 18–48. URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=57370> (дата обращения: 11.02.2025).
- Маркова С.В. Исследование уровня выраженности перфекционизма у подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2012. – Том 2. – № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2012_n3/54180 (дата обращения: 14.02.2025)
- Ясная В.А., Ениколов С.Н. Современные модели перфекционизма [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2013. – Том 6. – № 29. - С. 1. URL: <http://psystudy.ru>. (дата обращения: 11.02.2025).

Психологические аспекты уязвимости лиц со склонностью к виктимному поведению в контексте кибермошенничества

Кубахова Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибальт В.В.

В современном обществе со стремительно развивающимися технологиями появляются новые угрозы безопасности, - кибермошенничество, которое также с высокой скоростью развивается и распространяется. Согласно данным, опубликованным МВД РФ за январь – август 2023 года, тенденция к увеличению количества преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий сохраняется. Большая часть приходится на дистанционное мошенничество и кражи. На сегодняшний день наблюдается недостаток комплексных исследований, которые бы учитывали психологические факторы, влияющие на склонность к виктимному поведению в интернете, и анализировали личностные особенности, влияющие на уязвимость пользователей к кибермошенничеству. Так, число публикаций по ключевым словам «киберпреступность», «кибермошенничество» и «киберпреступления» т.п., согласно статистике с 2014 по 2024 годы на Интернет-ресурсе eLIBRARY.RU по тематике психология, иллюстрирует, что интерес к данной проблеме имеет тенденции к росту.

Для понимания контекста следует определить семантику основных понятий. Кибермошенничество представляет собой стремительно развивающийся социальный феномен, связанный с кражей ресурсов посредством компьютерных технологий и интернета. Виктимное поведение – это поведение, при котором жертва определенным образом способствует совершению преступления, сознательно или неосознанно создает объективные или субъективные условия для криминализации, пренебрегая мерами безопасности. Понятие уязвимости определяется как фактор, который усиливает реакцию на риск.

Авторы отмечают следующие психологические особенности людей, склонных к виктимному поведению в ситуациях кибермошенничества: низкий уровень самоконтроля, эмоциональная нестабильность, высокая восприимчивость к фruстрации, неуверенность в себе, коммуникативные особенности (доверчивость, наивность, недостаточная гибкость в межличностном взаимодействии, неспособность распознавать истинные

мотивы окружающих); субъективный контроль (склонность к эмоциональной интерпретации ситуаций и зависимость от внешнего влияния; ориентация на чужое мнение, восприятие трудностей как непреодолимой преграды, неразвитые навыки адаптации и преодоления стрессовых ситуаций).

Цель исследования заключается в выявлении и описании психологических аспектов уязвимости лиц со склонностью к виктимному поведению в контексте кибермошенничества.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что можно выделить и описать психологические аспекты уязвимости лиц со склонностью к виктимному поведению в контексте кибермошенничества, а именно:

1. Лица, пострадавшие от кибермошенничества, будут иметь высокий уровень склонности к гиперсоциальному виктимному поведению, будут отличаться высокими показателями по шкале виктимной идентичности и низкими показателями по шкале «Доверчивость – подозрительность».

2. Лица, не ставшие жертвами кибермошенничества, будут отличаться низкими показателями по шкале реализованной виктимности, низкими показателями по шкале виктимной идентичности и высокими показателями по шкале «Самоконтроль».

3. Такие когнитивные ошибки, как «Преувеличение опасности» и «Катастрофизация», будут более характерны тем лицам, которые пострадали от кибермошенничества, нежели тем, кто не стал жертвой кибермошенничества.

В исследовании приняло участие 78 респондентов. После предварительного анализа результатов выборку эмпирической части исследования составило 74 человека в возрасте от 16 до 77 лет (средний возраст - 26 лет). Из них респондентов мужского пола 18 чел., респондентов женского пола 56 чел. Выборка была разделена на 2 группы. Группа «С1ж» – лица, пострадавшие от кибермошенничества – 26 человек. Из них респондентов мужского пола – 6 чел., респондентов женского пола - 20 чел. Группа «С2нж» – лица, не ставшие жертвами кибермошенничества – 48 человек. Респондентов мужского пола – 12 чел., респондентов женского пола - 36 чел.

Анкетирование проводилось с помощью системы Google-формы, размещенной на платформах «Вконтакте» и «Telegram».

Методы исследования:

1. Теоретические методы: теоретический анализ.
2. Эмпирические методы: опрос, анкетирование, тестирование.
3. Методы математической статистики: описательная статистика, дисперсионный и корреляционный анализ.

Методики исследования:

1. Демографическая анкета;
2. Андронникова О.О. «Методика исследования виктимного поведения»;
3. Андронникова О.О. «Тест виктимной идентичности»;
4. Кеттел Р., Капустин А.Н. «Тест Кеттелла, 16PF/C»;
5. Бобров А.Е., Файзрахманова Е.В. «Опросник когнитивных ошибок, СМQ».

В качестве факторов уязвимости в контексте кибермошенничества для лиц, пострадавших от кибермошенничества, были выделены: высокий уровень тревожности, доверчивость, низкий уровень эмоциональной стабильности, низкая моральная нормативность, мечтательность, низкий и высокий уровни самоконтроля (в зависимости от степени выраженности оказывают влияние на склонность к разным формам виктимного поведения), а также наличие таких когнитивных искажений, как: «Персонализация», «Катастрофизация» и «Выученная беспомощность». Такие лица в ситуациях кибермошенничества будут более уязвимы по отношению к манипулятивным стратегиям, ориентированным на усиление чувства вины и убеждение жертвы в собственной беспомощности. Они могут поддаваться манипулятивным воздействиям, демонстрируя пассивную позицию, стремление избегать ответственности, беспокойство, взвинченность, избыточную открытость, доверчивость и чувствительность к одобрению окружающих.

Лица, не ставшие жертвами в кибермошенничества, в меньшей степени склонны к проявлению форм виктимного поведения в ситуациях кибермошенничества в сравнении с первой группой. Однако они также могут быть уязвимы в отношении манипулятивных стратегий кибермошенников. В качестве факторов уязвимости в контексте кибермошенничества для лиц, не ставшим жертвами кибермошенничества, были выделены: общительность, доминантность, высокий уровень тревожности, напряженность, экстраверсия, низкий уровень эмоциональной стабильности, конформизм, низкий уровень самоконтроля, а также наличие таких когнитивных искажений, как: «Персонализация» и «Катастрофизация». Таким лицам в ситуациях кибермошенничества будут характерны эмоциональная неустойчивость, импульсивность, избегающее поведение и некритичное восприятие ситуации.

По итогам проведенной работы основная гипотеза исследования была подтверждена, частные гипотезы подтвердились частично.

Перспективы для дальнейшего исследования предполагают расширение исследовательского интереса в сторону изучения эмоциональной сферы и ситуативных факторов при формировании профиля уязвимости личности в

контексте кибермошенничества. Результаты исследования могут стать основой для создания эффективных профилактических программ, ориентированных на повышение уровня осведомленности и устойчивости граждан и сотрудников к киберугрозам.

Литература

1. Аджимуратова Л.И. Виктимное поведение, проявление и формирование // Теория и практика современной науки. – 2018. – №5 (35). – С. 73-76.
2. Василькова В.В., Легостаева Н.И. Цифровые технологии как инструменты кибермошенничества: типологический подход // Теория и практика общественного развития. – 2023. – №9. – С. 16-22.
3. Венар Ч., Кериг П. Психопатология развития детского и подросткового возраста // СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК. – 2007. – С. 51-53.
4. Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2022. – Том 12. – № 2. – С. 194–206. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120214>

Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей

Курбатова А.А.

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(г. Липецк)

Научный руководитель - Дормидонтов Р. А.

В статье рассматриваются психологические особенности подростков с делинквентным поведением. Цель – исследование социально-психологических особенностей личности несовершеннолетних правонарушителей. Гипотеза – изучение социально – психологической структуры личности несовершеннолетних правонарушителей.

Девиантное поведение — обширное понятие, описывающее действия, противоречащие общепринятым нормам, правилам и ценностям. С одной стороны, действия, которые не влекут за собой уголовного наказания, например, прогулы, мелкие хулиганские проступки. С другой стороны, тяжкие преступления, например, изнасилования, грабежи, убийства. Эти действия

нарушают фундаментальные принципы общества и наносят ему существенный ущерб.

Рассмотрим подробнее аспекты, способствующие формированию именно делинквентного поведения.

Одним из ключевых аспектов являются когнитивные факторы. Неспособность адекватно оценивать последствия своих действий, отсутствие эмпатии, неумение контролировать свои эмоции также влияют на вероятность совершения преступлений.

Огромное значение имеют личностные характеристики. Незрелая, несформированная эмоциональная сфера играет здесь ключевую роль. Подросток, неспособный эффективно справляться со своими эмоциями, часто испытывает трудности в общении и взаимодействии с окружающими. Эмоциональная холодность, закрытость, недоверие к миру – это серьезные барьеры на пути социальной адаптации. Такие подростки часто чувствуют себя изолированными, одинокими, непонятыми, что в свою очередь усиливает их склонность к девиантному поведению.

Социальные факторы играют не менее значимую роль. Негативные взаимоотношения в семье, хронические конфликты с родителями или другими значимыми взрослыми, отсутствие поддержки и понимания – всё это подрывает доверие к окружающему миру и создает чувство отверженности. Подобные обстоятельства заставляют подростков искать альтернативные, часто деструктивные, способы самоутверждения и самореализации. Группа сверстников может стать заменой семьи, но если эта группа ориентирована на криминальную деятельность, то подросток легко вовлекается в делинквентное поведение. Отсутствие положительных ролевых моделей, негативное влияние со стороны окружения, контакт с криминальным миром – все это серьезно увеличивает риск девиации. Более того, если в социальной среде преступные действия не воспринимаются как нечто негативное, а, наоборот, романтизируются или даже одобряются, это значительно усугубляет ситуацию и укрепляет девиантную модель поведения у подростка (Шабалин О.М., 2021).

Существуют поведенческие характеристики, которые указывают на высокую вероятность делинквентного поведения. К ним относится низкий уровень самоконтроля, недисциплинированность, невнимательность к потребностям и чувствам окружающих, неспособность адаптироваться к социальным нормам и правилам. Это проявляется в импульсивных действиях, неумении предвидеть последствия своего поведения, игнорировании общественных табу. Внутриличностные конфликты, противоречия между желаниями и возможностями, только усугубляют ситуацию, подталкивая подростка к рискованным поступкам. Подросток, неспособный достичь своих

целей легитимными способами, может прибегнуть к преступной деятельности, чтобы компенсировать свои чувства неполноценности или неудовлетворенности.

А.Е. Личко выделил ряд типичных подростковых реакций, которые могут служить предвестниками делинквентного поведения. Реакция эмансипации, стремление к полной независимости от родителей и авторитетов, может выражаться в противоправных действиях. Реакция увлечения, поглощенность каким-либо делом или идеей, может привести к пренебрежению учебой, работой и общественными нормами. Реакция группирования – стремление к принадлежности к группе, что может включать участие в криминальных действиях. Реакция отказа, отвержение всех авторитетов и социальных норм, может привести к асоциальному поведению. Реакция оппозиции – противостояние всему и всем, отказ от сотрудничества. Позитивная и негативная реакции имитации – копирование поведения других, как позитивных, так и негативных ролевых моделей. Реакция компенсации и гиперкомпенсации – попытка компенсировать свои недостатки и неполноценность с помощью девиантного поведения. Все эти реакции показывают сложность и многогранность подросткового возраста и их потенциальную связь с формированием делинквентного поведения (Личко А.Е., 1994).

А.А. Реан предлагает рассматривать проблему с другой стороны. По его мнению, ключевым является несоответствие между самооценкой подростка-правонарушителя и оценкой, которую ему дает общество (родители, учителя, одноклассники). Толчком к правонарушению, по мнению исследователя, служит ситуация, когда общественная оценка постоянно ниже самооценки подростка, даже если последняя является вполне адекватной (Ханова О.А., 2021).

Когда самооценка не находит подтверждения в обществе, когда оценка окружающих постоянно низка, и потребность в уважении не удовлетворяется, у подростка возникает сильный психологический дискомфорт. Одним из способов решения этой проблемы становится вступление в группу, где его личность оценивается адекватно или даже выше. Часто такой группой оказывается асоциальное или антисоциальное объединение.

Отчуждение от общества, часто наблюдаемое у несовершеннолетних правонарушителей, имеет серьезные последствия. Это приводит к слабому усвоению правил и норм поведения, принятых в обществе, и, как следствие, к формированию негативного, даже враждебного, отношения к окружающему миру.

Враждебность — еще одно свойство личности, которое может рассматриваться в связи с противоправным поведением. Враждебность есть негативная позиция, установка, отношение личности к окружающим.

Помимо отчужденности и враждебности, значительную опасность представляет тревожность – беспричинный страх перед окружающим миром. Тревожность проявляется как постоянное чувство неуверенности в себе, ощущение беспомощности перед внешними обстоятельствами, а также в преувеличении их силы и опасности. В сочетании с враждебностью, тревожность может подтолкнуть к преступлению, когда человек чувствует необходимость защищаться от людей или явлений, которые кажутся ему опасными или разрушительными (Бусалаева А.В., 2023).

Таким образом, перечисленные личностные качества, взаимодействуя, формируют криминогенный комплекс, который, в сочетании с определенными обстоятельствами, становится причиной совершения правонарушений и преступлений.

Литература

1. Бусалаева А.В. Особенности формирования личности несовершеннолетнего преступника // Молодой ученый. — 2023. — № 17 (464). — С. 343-346. — URL: <https://moluch.ru/archive/464/101962/> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. – М.: Эксмо, 1994. – 416 с.
3. Ханова О.А. Делинквентное поведение подростков [Электронный ресурс] // Медицина : [сайт]. — URL: <https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/children/delinquency> (дата обращения: 16.04.2025).
4. Шабалин О.М. Психологические особенности личности несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Юридическая психология : [сайт]. — URL: https://ruslegal.online/pravo/legal-psychology/6.2_Psikhologicheskiye_osobennosti_lichnosti_nesovershennoletnikh_pravonarushiteley.php (дата обращения: 16.04.2025).

Особенности мотивов выбора типа курительного поведения у лиц юношеского возраста

Леонова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

В современном обществе распространность аддикции курения достигает глобальных масштабов, но, несмотря на крайне негативные последствия данного вида зависимости, иллюзия безопасности использования новых электронных систем доставки никотина и нагревания табака, согласно данным производителей, увеличивает распространность никотиновой аддикции в мире.

В представленном исследовании осуществлен анализ мотивов выбора типа курительного поведения у лиц юношеского возраста с помощью диагностического инструментария: теста «Определение степени никотиновой зависимости» Фагерстрема (Мехтиханова Н.Н., 2005), «Теста на определение типа курительного поведения» Д. Хорна (Захарова Ю.В., Пунин А.А., Головчак О.В., 2005), и разработанного в рамках исследования авторского опросника, направленного на выявление доминирующих мотивов курения.

Цель работы: определение мотивов курения и выявление различий в мотивах выбора типа курительного поведения у лиц юношеского возраста.

Основной гипотезой исследования послужило предположение о том, что мотивы курения у лиц юношеского возраста при разных типах курительного поведения отличаются.

Выборку исследования составили 180 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Из них респондентов мужского пола 83 чел. (46 %) (средний возраст – 21,6), респондентов женского пола 97 чел. (54 %) (средний возраст – 21). Все испытуемые являются студентами российских вузов крупных городов. Выборка была разделена на 3 равные группы по 60 человек, курящих более 1 года и имеющих среднюю и высокую степень зависимости. В группу 1 вошли респонденты с классическим типом курительного поведения (сигареты, курительные трубки, сигары и т.д.). Группу 2 составили респонденты со смешанным (комбинированным) типом курительного поведения. В группу 3 были включены респонденты, курящие электронные сигареты (электронные системы доставки никотина и нагревания табака).

Сравнительный анализа результатов исследования осуществлялся с применением метода математической статистики (критерий Краскела-Уоллса).

На основании результатов, полученных по тесту «Определение степени никотиновой зависимости» Фагерстрема, были получены значимые различия в показателях степени зависимости от курения ($p<0,001$), включающей в себя физиологический аспект зависимости, проявления абстинентного синдрома, неосознаваемую привычку к реализации курительного поведения, а именно: степень зависимости в группе с комбинированным типом курительного поведения (Группа 2) имеет наивысшие значения, в то время как в двух других группах показатели были равны и имеют средние значения.

По данным «Теста определения типа курительного поведения» были выявлены следующие различия.

Гедонистические мотивы, а именно: стремление к удовольствию от процесса реализации курения, расслаблению тела, легкому головокружению, связанные с ситуацией отдыха, усилением наслаждения и удовольствия в комфортной, расслабляющей обстановке, значимо выше ($p<0,001$) у респондентов Группы 3, что обусловлено удобством и свободой использования данных устройств в любой обстановке, например, в помещении.

Мотивы достижения психологического комфорта, снижения тревоги, агрессивных проявлений, избегания стресса, боли, неуверенности в своих силах и своих способностях, опосредованные сложностями регуляции эмоциональной сферы и саморегуляции поведения в стрессовых ситуациях аддиктом, значимо выше в Группе 1 ($p<0,001$) и Группе 2 ($p=0,000$), что обусловлено культурой общества или особенностями социального окружения, а также неспособностью сопротивления трудным жизненным ситуациям и нарушениями социальной адаптации личности.

Также в Группе 3 одними из основных мотивов выступают гиперактивационные ($p<0,001$), то есть мотивы повышения концентрации внимания, работоспособности, самооценки личности, активизации воображения и творческой составляющей деятельности, что может быть опосредованно удобством использования электронных сигарет в процессе активной деятельности и их воздействием на аддикта как ресурса саморегуляции при монотонной работе.

Субмиссивные мотивы, включающие в себя мотивы принадлежности к группе, получения одобрения социального окружения, поддержание имиджа, создание уникального стиля и образа, индивидуализация курения как значимой составляющей жизнедеятельности индивида, доминируют в Группе

1 ($p<0,001$), что может быть обусловлено стремлением к установлению сильных и глубоких эмоциональных связей с другими людьми, акцентированием своей взрослости путем протестного поведения.

В Группе 2 и Группе 3 у респондентов также оказались значимо выражены познавательно-исследовательские мотивы ($p<0,001$), а именно: стремление удовлетворить потребность интеллектуального познания окружающей реальности, испытать новые физические ощущения, чувства и эмоции, выраженные, в том числе, в переходе с одного типа курительного поведения на другой, что может быть продиктовано возрастающими популярностью, распространенностью и разнообразием электронных сигарет и вкусов никотиносодержащих продуктов.

Псевдокультурные и традиционные мотивы ($p<0,001$), которые служат демонстрацией желаемых качеств, положения и результатов, ощущению взрослости, независимости и самостоятельности, успешной эмансипации, путем подражания поведению референтных взрослых и отражения их традиций или, наоборот, сопротивления общественным ценностям и строю, взглядов, значимо различаются в исследуемых группах (Змановская Е.В., 2003). При этом для респондентов Группы 1 и Группы 2 данные мотивы являются наиболее важными.

Таким образом, для молодых людей юношеского возраста, использующих разный способ курения, мотивы употребления никотиносодержащей продукции различаются. Результаты исследования могут быть использованы для разработки психопрофилактических программ и методов углубленной психодиагностики аспектов аддикции курения в молодежной среде.

Литература

1. Захарова Ю.В., Пунин А.А., Головчак О.В. Оценка уровня никотиновой зависимости у студентов Смоленской государственной медицинской академии // Методологические и медико-психологические аспекты здоровья и здорового образа жизни: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Т.В. Косенковой, В.В. Селиванова. – Смоленск: Универсум, 2005. – С. 92-95.
2. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издатель-ский центр «Академия», 2003. — 288 с.
3. Мехтиханова Н.Н. Психология зависимого поведения : учебное пособие. - Ярославль : ЯрГУ, 2005. - 122 с.

Исследование диспозиций насильтственного экстремизма и индивидуальной религиозности

Маругаева Э.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Бойкина Е.Э.

В России изучение насильтственного экстремизма и индивидуальной религиозности имеет ключевое значение для профилактики радикализации и укрепления толерантности. В научной среде наблюдается острый дефицит исследований: за последние 5 лет на eLibrary опубликовано лишь 176 работ по НЭ и 99 по религиозности.

Объект исследования – насильтственный экстремизм. Предмет: диспозиции насильтственного экстремизма у людей, имеющих различную структуру индивидуальной религиозности. Цель – исследовать связь диспозиций насильтственного экстремизма и индивидуальной религиозности. Основная гипотеза исследования - отсутствие связи между религиозностью и склонностью к насильтственному экстремизму. Дополнительные гипотезы:

1. Допустимость агрессии у людей, которые отнесли себя к верующим, не имеет существенных отличий от атеистов и агностиков.

2. Чем выше показатели внешних признаков религиозности, тем выше показатели интолерантности.

В исследовании использовались следующие методики:

1) Методика диагностики диспозиций насильтственного экстремизма, Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов, 2017 г.

2) Методика «Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности», И.Ф. Мягков, Ю.В. Щербатых, М.С. Кравцова, 1996 г.

3) Авторская анкета

Выборка: взрослые представители разных религий и верований. В исследовании приняли участие 71 человек (52 ж, 19 м). Возраст: 18-60 лет (ср. возраст 25 лет). Научная новизна заключается в анализе связи между насильтственным экстремизмом и индивидуальной религиозностью, что помогает понять психологические механизмы формирования экстремистских установок. Исследование выявляет ключевые характеристики, отличающие религиозных людей от восприимчивых к экстремизму, что может улучшить профилактические меры и коррекционные программы.

Выводы исследования могут быть полезны психологам, педагогам и социальным работникам в формировании образовательных и

просветительских мероприятий, направленных на снижение радикализации и укрепление толерантности в обществе. Связь насильтственного экстремизма (НЭ) с индивидуальной религиозностью изучается во многих науках. Исследования акцентируют внимание на культурных, социальных и экономических факторах, а также личностных диспозициях, радикализации и социальной изоляции как предикторах экстремизма. Несмотря на то, что влияние религиозных убеждений на мировоззрение и склонность к радикализму признаётся, отсутствуют комплексные исследования, раскрывающие взаимодействие религиозного самосознания, личностных характеристик и склонности к насильтственным действиям. (Арутюнов, Л.С., Касьяненко, М.А., 2007). НЭ — это форма экстремизма, при которой применяются или оправдываются крайние методы, в первую очередь насилие, для достижения определённых целей. (Давыдов, Д.Г., Хломов, К.Д., 2017).

Феномен НЭ начал изучаться за рубежом с 1970-х годов, преимущественно в контексте терроризма и радикализации, когда стали возникать угрозы со стороны политических и религиозных группировок. В России исследование НЭ стало активно развиваться в 1990-х годах при росте сепаратистских движений (Зубок, Ю.А., 2008). Религиозная вера — основа религии, ядро религиозной культуры, выражающая веру в сверхъестественное и взаимодействие с ним. Её наличие свидетельствует о включённости в религиозные практики и мировоззрение, а отсутствие — о вытеснении религиозной культуры из социальной жизни человека. Индивидуальная религиозность является внутренней потребностью человека в вере. (Угринович, Д.М., 1986). Существует также понятие религиозного экстремизма, когда радикальные группы используют религиозные догматы для оправдания насилия, внедряя экстремистские идеи через уязвимость людей, ищущих справедливость и чувство принадлежности. (Политова, С.П., Антонов, А.А., 2017). Формирование экстремистских настроений происходит под воздействием множества факторов, включая социально-экономические трудности, безработицу, низкий уровень образования и воздействие радикальных идеологий. В этом контексте религиозный фактор скорее усиливает уже существующие негативные тенденции, выступая в роли катализатора. (Абдулагатов, З., 2012) Вначале было проведено пилотажное исследование актуальности и проблематики: участники называли по 5 ассоциаций к понятиям религиозность и НЭ.

Ядром ассоциаций к религиозности стало слово «вера», что говорит о её восприятии как личностной и духовной категории; в периферии — традиционные образы: Бог, церковь, храм, молитва. Ассоциации к

экстремизму показали доминирование понятий «насилие» и «страх», отражая восприятие его как агрессии и угрозы.

Упоминание слова «Ислам» указывает на возможные стереотипы, требующие дальнейшего анализа. Полученные данные *подтвердили значимость выбранной проблематики*.

При проверки основной гипотезы с целью выявления отсутствия связи между религиозностью и НЭ использовались метод средних значений, корреляционный анализ Спирмена и *u*-критерий. Полученные данные не выявили связи между индивидуальной религиозностью и предрасположенностью к насильственному экстремизму. Это позволяет сделать вывод, что религиозность в её индивидуальном, нерадикализированном проявлении, не способствует формированию насильственных экстремистских установок, что *подтверждает основную гипотезу исследования*.

Доп. гипотеза №1 об отсутствии различий в уровне допустимости агрессии у верующих и атеистов. Результаты, полученные с использованием критерия Манна–Уитни, не выявили статистически значимых различий между группами, что *подтверждает*: принадлежность к вере сама по себе не влияет на принятие агрессивного поведения.

Доп. гипотеза №2 о наличии связи между внешней религиозностью и склонностью к интолерантности была опровергнута при проверке через критерий Спирмена, что может свидетельствовать о том, что внешние атрибуты религиозности не являются определяющим фактором в формировании предвзятых или нетерпимых установок.

При построении профилактических программ для снижения риска НЭ, стоит обратить внимание на следующие особенности «верующей выборки»: мистичность, конвенциональное принуждение, антиинтроверция, протестная активность и комформизм.

Человек с высокой религиозностью не попадает в зону риска НЭ, но может демонстрировать тенденции к традиционализму, слабой саморефлексии и интересу к мистике.

Гипотезы данного исследования частично подтверждены. Результаты исследования показали, что религиозность не определяет склонность к насилию, акцентируя важность социальных и психологических факторов. Не подтвердилась связь между интолерантностью и внешней религиозностью, но была выявлена сильная корреляция между конвенциональным принуждением и экстремизмом, а также между отношением к религии, верой в Творца и религиозным самосознанием, что требует дальнейшего анализа.

Дальнейшее исследование может быть расширено за счёт увеличения выборки и применения дополнительных методов, таких как интервью или опросники, что позволит выявить более глубокие взаимосвязи между индивидуальной религиозностью и диспозициями к НЭ.

Литература

1. Абдуллагатов З. Влияние религиозного фактора на экстремистское поведение Дагестанской молодежи // Россия и мусульманский мир. - 2012. - №5. – С.35-43.
2. Арутюнов Л.С., Касьяненко М.А. О некоторых причинах этнического экстремизма в современном российском обществе // Таможенное дело. - 2007. - №4. - С. 119-121.
3. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. - 2017. - Т.14, № 1. - С.78–97.
4. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм :сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С.37- 47.
5. Политова С.П., Антонов А.А. Этапы вовлечения верующих в экстремистскую деятельность // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. - 2017. - № 5(35). – С.48-49.
6. Угринович, Д.М. Психология религии: теоретические очерки. – М.:Политиздат, 1986. – 352 с.

**Влияние авторской сюжетно-ролевой игры «Познаю себя – познаю мир» на
развитие социально-коммуникативных навыков у детей 6-7 лет**

Мхитарян М.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Чиркина Р.В.

Период окончания дошкольного детства представляет собой важнейший этап развития личности, когда ребёнок сталкивается с задачей адаптации к новым социальным условиям, правилам и требованиям учебной деятельности. В возрасте 6–7 лет актуализируется необходимость перехода от преимущественно игровой активности к учебной, от ситуативной регуляции поведения к произвольной, от эмоционально окрашенных взаимодействий — к осознанному усвоению социальных норм. Успешное прохождение этого этапа во многом определяет качество адаптации ребёнка к школьной среде и его дальнейшую успешность в обучении и социализации.

При этом недостаточная сформированность социально-коммуникативных и регуляторных навыков приводит к повышенной тревожности, трудностям в общении, школьной дезадаптации.

Анализ существующих программ подготовки к школе показывает, что акцент в них часто смещается в сторону развития академических навыков (чтение, счёт, письмо), в то время как развитие эмоциональной устойчивости, произвольности и способности к сотрудничеству остаётся второстепенным и осуществляется стихийно. Это создаёт противоречие между требованиями образовательной среды и реальными возможностями ребёнка на этапе поступления в школу.

В этой связи особую значимость приобретают методы, направленные на формирование гибких навыков (soft skills), в том числе — с опорой на ведущую деятельность дошкольного возраста — игру. Сюжетно-ролевая игра позволяет ребёнку прожить, отрефлексировать и усвоить важные социальные роли, потренировать навыки общения, эмоционального самоконтроля и регуляции поведения в символически развернутом пространстве. Использование игровых форм как средства профилактики школьной дезадаптации требует научного осмыслиния и экспериментальной проверки их эффективности, что и обусловило выбор темы данного исследования.

Теоретическую основу исследования составляют положения культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, в рамках которого социализация и развитие высших психических функций ребёнка происходят в процессе освоения

общественного опыта через деятельность и взаимодействие со взрослыми и сверстниками. Именно в совместной деятельности — в первую очередь игровой — формируются произвольность, внутренняя мотивация и осознанное поведение (Выготский Л.С., 1997).

А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и их последователи указывали на игру как на ведущую деятельность дошкольного возраста, создающую благоприятные условия для формирования регуляторных, коммуникативных и эмоциональных компонентов личности. Переход от игровой к учебной деятельности должен происходить не через принуждение, а через внутреннюю готовность ребёнка к осознанному и произвольному действию (Леонтьев А. Н., 1977; Эльконин Д. Б., 1999).

Современные подходы к развитию социально-эмоциональных и регуляторных навыков детей в образовательной среде активно интегрируют идеи ориентированной на решение педагогики (Фурман Б., 2013).

Особый интерес в контексте формирования социально-коммуникативных и регуляторных навыков у детей представляет методика «Умелый класс» (Skilful Class), созданная на основе подхода «Детские навыки» (Kids' Skills) Бена Фурмана и его коллег. Она ориентирована на поэтапное освоение детьми конкретных навыков в коллективной и индивидуальной форме, включая навыки саморегуляции, эмоциональной устойчивости, позитивной коммуникации и способности к разрешению конфликтов. Основываясь на принципах решения-ориентированного подхода (Solution Focused Approach), методика акцентирует внимание на сильных сторонах ребёнка, визуализации успеха, совместной работе и поддержке со стороны значимых взрослых. Такая организация учебной среды способствует формированию объединяющего сообщества, в котором ребёнок развивается в атмосфере признания и доверия.

Как показало рандомизированное исследование, проведённое в рамках проектов МГППУ, участие в данной программе способствует формированию устойчивых моделей социального поведения, улучшению взаимоотношений со сверстниками и взрослыми, снижению признаков школьной дезадаптации, виктимизации и других проявлений социальной тревожности. Ключевой акцент делается на обучение навыкам саморегуляции, распознаванию и осознанному управлению эмоциями, что позволяет формировать у детей устойчивые стратегии конструктивного взаимодействия и преодоления трудностей в образовательной среде (Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С., Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В., Чеботарев И.В., 2020).

В настоящем исследовании предпринята попытка разработки, проведения и оценки влияния авторской сюжетно-ролевой игры «Познаю себя – познаю мир» на развитие социально-коммуникативных навыков у детей 6-7 лет.

Выборка исследования: дошкольники и первоклассники, в возрасте 6-7 лет, прошедшие занятия в рамках авторской программы (по 10 человек) и дошкольники и первоклассники, в возрасте 6-7 лет, не прошедшие занятия в рамках авторской программы (по 10 человек).

Исследование проводилось на базе сети частных детских садов ЭРУДИТ ООО «Корпорация детства», СПб (экспериментальные группы) и ГБОУ Школа 170 им. А.П. Чехова, СП 8, Москва (контрольные группы).

Для оценки значимости различий между результатами до и после реализации программы в экспериментальной группе был применён критерий Уилкоксона для связанных выборок и Z-тест для проверки значимости различий по отдельным параметрам (навыки).

Наблюдение проводилось по структурированной категории в формате чек-листа, данные представлены в количественном выражении по категориальной шкале.

Авторская программа, направленная на развитие социально-коммуникативных навыков, влияющих на качество коммуникации и адаптации к школьному обучению у детей 6–7 лет значительно повышает уровень сформированности этих навыков у участников экспериментальной группы и значительно отличается от результатов контрольной группы.

Включение элементов рефлексии и самонаблюдения в игровые ситуации способствует формированию навыков эмпатии и саморегуляции.

Эмоциональное вовлечение в сюжетную игру повышает мотивацию детей к взаимодействию и расширяет репертуар коммуникативных стратегий.

Проведение игры в структурированной, поддерживающей среде (под руководством взрослого) обеспечивает снижение уровня тревожности и улучшение качества взаимодействия со сверстниками.

Хорошим результатом в рамках настоящего исследования считается переход не менее 30% участников из зоны дезадаптации в зону устойчивой адаптации по результатам повторной диагностики.

У 30% детей из экспериментальной группы зафиксирован переход из зоны дезадаптации в зону адаптации по суммарным данным наблюдения и диагностики. У детей отмечено повышение частоты демонстрации инициативного поведения, эмпатии, способности договариваться и регулировать поведение в групповой среде (по данным чек-листов и наблюдений).

Таким образом, подтвержден потенциал сюжетно-ролевой игры «Познаю себя – познаю мир» как эффективного средства профилактики школьной дезадаптации, а также значимость создания эмоционально безопасной среды, в которой ребёнок может безопасно пробовать новые модели поведения.

Программа продемонстрировала эффективность как профилактический инструмент, поддерживающий эмоциональное благополучие, формирующий произвольность поведения и обеспечивающий успешную адаптацию к школьной среде.

Результаты исследования подчеркивают необходимость включения игровых и социально ориентированных методик в систему подготовки детей к школе, а также создают основу для дальнейшей апробации и внедрения разработанной программы в образовательную практику.

Литература

1. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – СПб., 1997. – 134 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. - М., 1977. – 225 с.
3. Фурман Б. Навыки ребенка в действии: Как помочь детям преодолеть психологические проблемы. - М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 228 с.
4. Чиркина Р.В., Бойкина Е.Э., Койкова К.С., Бригадиренко Н.В., Стратийчук Е.В., Тишкова Ю.В., Чеботарев И.В. Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2020. - Том 10. - № 4. - С. 93–110. doi:10.17759/psylaw.2020100407
5. Эльконин Д. Б. Психология игры. 2-е изд. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. - 360 с.

К вопросу о диагностике запойного просмотра видеоконтента

Натурина Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

За последние десять лет стриминговые платформы радикально изменили потребление медиа, сделав контент доступным в любое время и став неотъемлемой частью повседневной жизни. Вместо ожидания новых выпусков сериалов зрители получили возможность смотреть целые сезоны сразу (Flayelle M. et al, 2020).

В образовавшейся реальности появился новый способ просмотра контента – binge-watching или запойный просмотр. Это относительно новая модель поведения, которая за последнее время стала одним из самых популярных способов проведения свободного времени, особенно среди молодежи. Запойный

просмотр чаще всего определяется как просмотр нескольких эпизодов сериала за один сеанс. Под запойным просмотром изначально рассматривался просмотр только серийных шоу, однако в последнее время понимание данного феномена расширилось, и исследователи рассматривают не только просмотр телесериалов, но и другого продолжительного видеоконтента (Starosta J. et al, 2020).

Основной массив исследований данного феномена сосредоточен за рубежом. Предметом исследования чаще всего выступают разнообразные факторы, связанные с запойным просмотром (личностные черты, психопатологии) и выявление мотивов запойного просмотра. Также существует меньшее количество исследований, в которых производится разработка и валидизация соответствующих инструментов измерения. Помимо этого, можно заметить, что в последнее время стало появляться множество исследований, в которых говориться о негативных последствиях чрезмерного увлечения просмотром и подчеркивается вероятность возникновения зависимости (Starosta J. et al, 2020).

Основной риск заключается в развитии симптомов поведенческой зависимости, а также проблемного использования интернета, что связано с использованием просмотра для мгновенного удовлетворения и регулирования эмоций. Этот подход является дезадаптивной стратегией, аналогичной зависимому поведению при использовании Интернета, азартных играх или социальных сетях. Часто мотивацией для таких зрителей становится желание убежать от реальности, справиться с одиночеством или заполнить время.

Помимо этого, чрезмерный просмотр сопровождается и другими симптомами поведенческой зависимости: потеря самоконтроля, срочность, сожаление, пренебрежение обязанностями, ложь, негативные социальные и медицинские последствия, в крайних случаях наблюдается симптомы абstinенции (Starosta J. et al, 2020, Flayelle M. et al, 2020).

На данный момент инструментов для диагностики запойного просмотра на русском языке нет, поэтому нами был осуществлен прямой и обратный перевод и проверка согласованности пунктов зарубежного диагностического инструмента – «Шкалы проблемного просмотра сериалов» («Problematic Series Watching Scale», PSWS), разработанной в 2016 году на основе теоретической модели Гриффитса. Инструмент измеряет проблемный просмотр сериалов на основе шести основных элементах зависимости: толерантность, изменение настроения, абстиненции, рецидива, заметности и конфликта, что соответствует 6 пунктам данной шкалы (Orosz G., Bőthe B., Tóth-Király I., 2016).

На первом этапе адаптации проверялось качество перевода шкалы на русскоговорящей выборке. В исследовании приняли участие 72 человека из них 26 мужчин и 46 женщин в возрасте от 18 до 57 лет ($M = 27$ лет, $Me = 22$; $SD =$

10,1). Исследование проводилось с помощью Google-формы. Ссылка на исследование размещалась в Telegram (распространялось путем личной переписки, в чатах, через telegram-каналы) и в тематических пабликах «ВКонтакте». Все респонденты являются активными пользователями сети Интернет, более 80% опрошенных используют интернет 10 и более лет. Также 43% респондентов считают себя зависимыми от просмотра видеоконтента и 29% считают своё потребление видеоконтента проблемным.

Процедура первичной апробации шкалы PSWS включала в себя прямой и обратный перевод: два независимых специалиста выполнили прямой перевод, который был согласован в предварительную русскоязычную версию шкалы. Обратный перевод осуществляли другие два специалиста и машинный перевод, а его сопоставление с оригиналом позволило выявить семантические расхождения и внести корректировки в формулировки.

После экспертизы перевода PSWS была составлена окончательная версия русскоязычной «Шкалы проблемного просмотра сериалов», которая включает в себя 6 утверждений:

«В течение последнего год, как часто Вы:

1. Думали о том, как можете освободить больше времени для просмотра сериалов?
2. Тратили на просмотр сериала гораздо больше времени, чем планировали изначально?
3. Смотрели сериалы, чтобы снизить чувство вины, тревоги, беспомощности и депрессии?
4. Слышали от других, что вам стоит сократить просмотр сериалов, но не прислушивались к этому?
5. Беспокоились или расстраивались, если что-то препятствовало просмотру сериала?
6. Игнорировали своего партнера, членов семьи или друзей из-за просмотра сериала?»

Каждое утверждение может оцениваться по 5-ти бальной шкале «Никогда» (1), «Редко» (2), «Иногда» (3), «Часто» (4), «Всегда» (5). Респондентам предлагалась следующая инструкция: «Ниже вы найдете 6 вопросов, связанных с просмотром сериалов. Ответьте на каждый из 6 вопросов, выбрав один вариант ответа (от «никогда» до «всегда»), который наилучшим образом характеризует вас».

Статистическая обработка данных проводилась с использованием IBM SPSS Statistics 27.0. На основе полученных данных была осуществлена проверка согласованности пунктов русскоязычной версии шкалы с помощью коэффициента надежности альфа Кронбаха, значение которого составило 0,858,

что указывает на высокую надежность шкалы. Стандартизованная альфа немного выше — 0,865, что подтверждает устойчивость результата при учёте стандартных отклонений. Межпунктовые корреляции варьируются от 0,320 до 0,655, все положительны и достаточны для подтверждения внутренней согласованности шкалы. Средняя межэлементная корреляция составляет 0,516, что также говорит о хорошем уровне согласованности между пунктами без избыточного дублирования.

Средние значения по пунктам варьируются от 1,42 до 2,26, что говорит о склонности респондентов выбирать более низкие баллы по шкале. Статистика шкалы в целом демонстрирует приемлемую дисперсию (21,77) и стандартное отклонение (4,67) итогового балла, что свидетельствует о способности шкалы эффективно различать респондентов по уровню измеряемого признака.

Авторы PSWS не указывают ключи для интерпретации результатов, поэтому на основе полученных эмпирических данных было предложено деление, основанное на квартильном распределении выборки:

- 6–8 баллов — низкий уровень: признаки зависимости не выражены;
- 9–14 баллов — умеренный уровень: возможны отдельные трудности с контролем;
- 15 и выше — высокий уровень: устойчивые признаки зависимого поведения.

Данные пороги отражают распределение в исследуемой выборке и могут уточняться при применении шкалы в других исследованиях.

Проведённый анализ «Шкалы проблемного просмотра сериалов» показал, что она обладает хорошими психометрическими характеристиками и высокой внутренней согласованностью.

Литература

1. Flayelle M. et al. Binge-watching: What do we know so far? A first systematic review of the evidence // Current Addiction Reports. – 2020. – Т. 7. – Р. 44-60.
2. Orosz G., Bőthe B., Toth-Kiraly I. The development of the problematic series WatchingScale (PSWS) // Journal of Behavioral Addictions. – 2016. – Т. 5. – №. 1. – Р. 144-150.
3. Starosta J.A., Izydorczyk B. Understanding the phenomenon of binge-watching—a systematic review // International journal of environmental research and public health. – 2020. – Т. 17. – №. 12. – Р. 44-69.

Особенности саморегуляции подростков, проявляющих тенденцию к девиантному поведению

Неплюева А.С.

Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского
(г. Липецк)

Научный руководитель – Дормидонтов Р.А.

В статье рассматриваются характерные черты саморегуляции несовершеннолетних подросткового возраста, склонных к девиантному поведению. В ней раскрываются основные аспекты, которые оказывают влияние на способность подростков контролировать свое поведение.

Саморегуляция представляет собой сложную многокомпонентную способность контролировать, координировать и направлять свое поведение, чувства, эмоции, импульсы в соответствии с целями, мотивами и социальными нормами (Волкова Т.Г., 2014.). Данный процесс является индикатором психологического благополучия личности, который способствует эффективному взаимодействию индивидов. Процесс саморегуляции также можно рассмотреть как механизм опосредования социально принятых норм, правил, ценностей, внутренних требований, которые трансформируют индивида в активного субъекта социума. Таким образом, внутренние психические ресурсы объединяются с внешними, формируя основу для принятий решений.

Согласно концепции О.А. Конопкина, саморегуляция является системным структурным процессом активности человека, который содержит замысел, построение, поддержание и управление активностью, и направлен на достижение заданных целей (Конопкин О.А., 2004).

На основе представлений К.А. Альбухановой-Славской, саморегуляция имеет следующие ступени:

- регуляция психических процессов,
- регуляция действий с помощью этих психических процессов,
- регуляция обстоятельств жизни с помощью этих действий,
- регуляция себя в процессе изменения этих обстоятельств.

Процесс саморегуляция играет важную роль в развитии личности подростка. Подростковый возраст является сложным периодом: несовершеннолетний уже не ребенок, но еще не взрослый (Толстых Н.Н., 2025).

Изменения, происходящие на данном этапе становления личности, сопровождаются стремлением к самоутверждению, что требует активизации регуляторных механизмов. Именно в этом возрасте ребенок обращает внимание

на свой внутренний мир, пересматривает свои отношения с окружающей действительностью и с самими собой. В данном случае процесс саморегуляции находится в прямой зависимости от представления подростка о себе, своих способностей и оказывает непосредственное воздействие на его самовыражение. В контексте подросткового возраста, процесс саморегуляции выступает как важный механизм адаптации к происходящим социальным изменениям. Формирование адекватной самооценки, развитие рефлексии выступают определяющими условиями развития процесса саморегуляции.

В условиях кризиса идентичности несовершеннолетний, с низким уровнем саморегуляции, с необходимостью самоопределения, принятия ответственности за собственные действия, может становиться агрессивным, конфликтным, предрасположенным к появлению аддикций. Внутренние регуляторы личности подростка, такие как ценности, смысловая сфера жизнедеятельности имеют тенденцию к проявлению негативных пристрастий, стремление уйти от реальности, поиск эмоциональных запредельных переживаний, неспособность к ответственности. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что низкая сформированность регуляторных процессов в данный период возрастного развития может привести к дезадаптивным формам поведения.

Социолог А. Коэн предполагал, что девиантное поведение идёт противоположно институционализированным ожиданиям социальной системы. Подросток, склонный к девиантному поведению, имеет идентичное направление развития, что и несовершеннолетний, не склонный к отклоняющемуся поведению. Но развитие девиантной личности затруднено рядом возрастных задач и неадекватным восприятием окружающей действительности. Описываемая возрастная группа имеет следующие характерные черты: эмоциональная неустойчивость, неуверенность в себе, тревожность, выраженная импульсивность, подверженность к влиянию группы сверстников, а также слабая организованность учебной деятельности и низкое формирование саморегуляции. Так, подростки имеют выраженную ориентацию на настоящее время, планирование собственного будущего сведено к минимуму и носит поверхностный характер. Действия и поступки определяются требованиями ситуации, что проявляется в недостаточной последовательности и импульсивности поведения, действия происходят под влиянием эмоциональной сферы. Несовершеннолетние подростки нарушают установленные договоренности и сроки их выполнения. Распределение времени приносит трудности, в связи с этим нередко подростки не доводят до конца начатое дело. Жизненные ориентиры, на которые опираются подростки, не базируются на конкретные действия, цели носят неопределенный характер. Эти особенности проявляются в асоциальных поступках, агрессии, склонности к риску.

Проблема саморегуляции в подростковом возрасте может быть обусловлена такими факторами, как стиль семейного воспитания, эмоциональный контакт с родителями, качество отношений со сверстниками, принадлежность к определенной группе, уровень учебной мотивации. В ситуации отсутствия эмоциональной поддержки, положительных стратегий преодоления внутреннего напряжения происходит закрепление девиантных форм поведения.

Таким образом, особенности саморегуляции подростков демонстрируют необходимость комплексного подхода по преодолению проблемы. В связи с этим, важно повышать уровень саморегуляции несовершеннолетних в подростковом возрасте. Поэтому необходимо разрабатывать и внедрять психолого-педагогические программы сопровождения подростков группы риска, которые направлены на развитие эмоционального интеллекта, навыков коммуникативного общения, стрессоустойчивости и профилактику девиантного поведения. Эффективным направлением работы с данной группой подростков могут быть тренинговые занятия, индивидуальное консультирование, семейная терапия, арт-терапия.

Литература

1. Волкова Т.Г. Психология саморегуляции: практикум: учебное пособие для студентов специальности «Психология». - Барнаул: Изд-во Алт. унта, 2014. — 80 с. - ISBN 978-5-7904-1561-6.
2. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. – 2004. – №2. – С. 128–135.
3. Толстых Н.Н. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 446 с. — URL: <https://urait.ru/bcode/560427> (дата обращения: 22.04.2025).

Связь агрессивного поведения подростков и их представления о родительском отношении

Пронина Ю.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Агрессивное поведение как вид отклоняющегося поведения особенно часто проявляется в подростковом возрасте и может формироваться из-за множества факторов, но одним из самых значимых является фактор семьи: стили и методы воспитания, демонстрируемые родителями модели поведения, отношение родителей к подростку и, в особенности, представления самого подростка о родительском отношении (Карабанова О.А., 2019).

Цель исследования заключается в выявлении наличия связи между агрессивным поведением подростков и их представлением о родительском отношении.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существует связь между агрессивным поведением подростков и их представлением о родительском отношении к ним.

В исследовании использовались следующие методики: «Диагностика агрессии» Басса-Перри (BPAQ), «Агрессивное поведение» Е.П. Ильин, П.А. Ковалев, «Подростки о родителях» (ПоР) Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой и Е.Е. Ромицыной.

Выборку исследования составили учащиеся 7-х и 8-х классов государственного бюджетного общеобразовательного учреждения г. Москвы в количестве 104 человек (56 мальчиков и 48 девочек) в возрасте от 13 до 14 лет.

В соответствии с результатами, полученными на основании проведенного корреляционного анализа, можно утверждать, что повышенный уровень агрессивного поведения подростка связан с представлением у него о матери как отстраненной ($r = -0,459$, $p=0,01$), враждебной ($r = 0,678$, $p=0,01$), автономной ($r = 0,598$, $p=0,01$), непоследовательной ($r = 0,651$, $p=0,01$) по отношению к нему. Подобное восприятие у данной категории подростков относится и к отцу, он представляется им отстраненным ($r = -0,549$, $p=0,01$), враждебным ($r = 0,550$, $p=0,01$), автономным ($r = 0,550$, $p=0,01$).

При этом для подростков с выраженным уровнем прямой или косвенной физической агрессии, а также прямой или косвенной вербальной агрессии представление отношения к ним матери практически не отличается, они воспринимают его как отстраненное, враждебное, автономное. Для подростков с

выраженным уровнем прямой физической и прямой вербальной агрессии отношение матери к ним также представляется как непоследовательное. Отношение отца им также видится как отстраненное, враждебное и автономное.

Представляется важным отметить, что были получены значимые различия в представлении матери как отстраненной ($U_{эмп}=818,000$, $p=0,000$), враждебной ($U_{эмп}=552,500$, $p=0,000$), автономной ($U_{эмп}=762,000$, $p=0,000$) и непоследовательной ($U_{эмп}=657,500$, $p=0,000$), представлении отца как отстраненного ($U_{эмп}=713,500$, $p=0,000$), враждебного ($U_{эмп}= 882,000$, $p=0,000$) и автономного ($U_{эмп}=1891,500$, $p=0,000$) у подростков с невыраженным агрессивным поведением и у подростков с выраженным агрессивным поведением.

Таким образом, можно констатировать, что младшие подростки, отличающиеся агрессивным поведением, считают, что родители относятся к ним холодно, не участвуют в их жизни, не уважают и не поддерживают их, а в конфликтных ситуациях проявляют лишь раздражение, жестокость и грубость.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные о связи агрессивного поведения и отношения к родителям в младшем подростковом возрасте можно использовать при разработке профилактических программ по формированию позитивных детско-родительских отношений и предупреждению агрессивного поведения детей данной возрастной группы.

Литература

1. Карабанова О.А. В поисках оптимального стиля родительского воспитания // Национальный психологический журнал. - 2019. - №3 (35). - URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-optimalnogo-stilya-roditelskogo-vospitaniya>

Особенности мотивации при выборе типа курительного поведения в юношеском возрасте

Романцова Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Власова Н.В.

Актуальность темы исследования обусловлена повышением показателей потребления табачных изделий и электронных сигарет среди молодежи. Несмотря на усилия по профилактике курения, уровень приобщения подростков к этой пагубной привычке не снижается, что может негативно сказаться на их здоровье и психоэмоциональном состоянии. Согласно опросу ВЦИОМ, за 2024 год, 62% россиян старше 18 лет имеют опыт курения, включая альтернативные никотиносодержащие продукты. Диверсификация потребления никотина, с растущим интересом к вейпам и системам нагревания табака, подчеркивает необходимость изучения поведения молодежи в этой сфере.

В юности важную роль играют мотивы поведения личности, которые обусловлены мнением сверстников, влиянием социальных сетей, особенностями семейных обстоятельств. Они могут как способствовать началу курения, так и отказу от него. Понимание мотивов курительного поведения молодежи поможет разработать более эффективные программы профилактики никотиновой зависимости (Гуревич К., 2009).

Цель исследования заключается в выявление мотивационных аспектов у лиц юношеского возраста при выборе типа курительного поведения.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что у курящих лиц юношеского возраста имеются отличительные особенности в мотивах выбора курительного поведения. Так, при выборе курения электронных сигарет, юношам и девушкам более свойственны социальные мотивы. В то время как при выборе обычных сигарет лицам данного возрастного периода более свойственны индивидуальные мотивы.

В исследовании приняли участие 40 респондентов. Из них первая группа 30 человек женского пола, из которых 14 человек являются курильщиками обычных сигарет и 16 человек – электронных сигарет. Вторая группа состоит из 10 человек мужского пола, где 6 – курят обычные сигареты, а 4 человека – электронные. Возраст респондентов варьируется от 18 до 23 лет.

Методики исследования: «Тип курительного поведения» (Д.Хорн) (Хорн Д., 1969), «Форма по изучению личности PRF» (Д.Джексон, Головей Л., 2025).

Результаты исследования. Исследование мотивации курительного поведения среди лиц юношеского возраста частично подтвердило гипотезу о наличии отличий в мотивах выбора курительных привычек. Несмотря на то, что статистически значимых различий между курильщиками обычных и электронных сигарет не было найдено, некоторые тенденции по шкалам в группе юношей «Игра» ($U= p \leq 0,05$, $p=0,038$) и «Аффилиация» в группе девушек ($U= p \leq 0,05$, $p=0,058t$) могут указывать на тенденцию данных различий, проверка которых требует более глубокого анализа. Также была выявлена отрицательная корреляция между мотивом выбора курения и личностными характеристиками респондентов. Так, при выборе курения, ориентированном на поддержку, потребители никотиносодержащей продукции отличаются такими характеристиками как: низкий уровень агрессии ($0,378$, $p<0,05$), сниженная доминантность ($0,329$, $p<0,05$) и нежелание привлекать к себе внимание ($0,317$, $p<0,05$).

Таким образом, полученные результаты подчеркивают многообразие и сложность интеграции мотивационных факторов, влияющих на выбор курительного поведения. Учитывая небольшую выборку и ее вариативность, необходимо провести дополнительные исследования для более точного анализа и выявления значимых различий между группами, что поможет лучше понять мотивацию к курению в контексте различных форм потребления табака.

Литература

1. Головей Л. А. Психология развития и возрастная психология: учебник и практикум для вузов // под общ. ред. Л. А. Головей. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 415 с.
2. Гуревич К. Г. Определение мотивации курения и выявление риска развития пристрастия к табаку у школьников // Кремлевская медицина. Клинический вестник. — 2009. — № 1. — С. 162-165.
3. Horn D. Smoker's self-testing kit // Public Health Service Publication №1904. Washington, DC: US Department of Health, 1969. — p. 12.

Особенности восприятия городской среды мегаполиса у молодежи со склонностью к виктимному поведению

Сакович А. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В. В.

Современные мегаполисы представляют собой сложную и противоречивую среду, в которой сочетаются как ресурсы для развития, так и факторы повышенного риска. Молодёжь, находящаяся на этапе активного самоопределения, особенно чувствительна к особенностям городской среды, включая её насыщенность, инфраструктурные характеристики и общий уровень безопасности. Исследования показывают, что молодежь как социальная группа демонстрирует повышенный уровень уязвимости к виктимизации, особенно в условиях напряжённой или непредсказуемой социальной среды (Андронникова О.О., 2017). При этом важную роль играет не только объективная организация городской среды, но и её субъективное восприятие, формирующее у человека ощущение защищённости или, напротив, уязвимости (Kaplan R., Kaplan S., Brown T., 1989; Van Dijk J. J. M., Van Kesteren J., 1997).

Целью нашего исследования стало выявление различий в восприятии городской среды и личностных характеристиках у молодых людей, склонных и не склонных к виктимному поведению. Для изучения особенностей восприятия городской среды и виктимного поведения у молодежи использовались такие методики, как архитектурный семантический дифференциал «Город» (О.С. Шемелина, О.Е. Ванина), шкала психологической безопасности горожан (Дж. Ван, перевод Е.А. Шмелевой и П.А. Кислякова), методика измерения склонности к виктимному поведению (О.О. Андронникова), тест атрибутивных стилей (М. Селигман, адаптация Л.М. Рудиной), краткая шкала резильентности (Б. Смит, адаптация А.А. Золотаревой и др.).

В исследовании приняли участие 70 человек в возрасте 18–28 лет, постоянно проживающих в мегаполисах. Они были отобраны и разделены на контрольную группу молодежи, не склонной к виктимному поведению (34 человека) и группу сравнения, склонную к виктимному поведению (30 человек) – отбор производился на основании результатов шкалы реализованной виктимности. Для статистической обработки данных применялись методы описательной статистики, метод Шапиро-Уилка и U-критерий Манна–Уитни (анализ проводился с использованием программы JASP 0.19.3).

Анализ результатов показал, что молодежь с более высоким уровнем склонности к виктимному поведению статистически значимо реже воспринимает городскую среду как целостную ($p = 0,009$). Это может указывать на фрагментарность когнитивного образа городской среды, что, в свою очередь, снижает чувство ориентированности и упорядоченности восприятия окружающего пространства. Такая фрагментарность может быть связана с трудностями в формировании устойчивых пространственных представлений, что затрудняет адаптацию и может усиливать чувство тревожности.

Кроме того, у представителей виктимной группы были выявлены специфические особенности семантического восприятия мегаполиса. В частности, город ими чаще описывался как шумный ($p = 0,032$), тусклый ($p = 0,029$), узкий ($p = 0,024$) и массивный ($p = 0,008$). Также была зафиксирована тенденция к восприятию городской среды как немноголюдной ($p = 0,025$), несмотря на объективную высокую плотность населения мегаполисов. Подобное восприятие может отражать внутреннее состояние эмоционального истощения и субъективное ощущение социальной изоляции, несмотря на физическое пребывание в переполненной среде. Эти характеристики семантического образа города могут рассматриваться как проекция индивидуального восприятия угроз, переоценки стрессогенных стимулов и ощущения дезадаптации в сложной урбанистической среде. Таким образом, можно предположить, что молодежь с виктимными чертами воспринимает мегаполис как среду, враждебную и отталкивающую, не предоставляющую достаточных психологических ресурсов для восстановления и безопасности.

Наиболее выраженное различие между типами виктимного поведения наблюдалось по шкале пассивного виктимного поведения ($p = 0,001$). Это может указывать на устойчивую модель взаимодействия с окружающей средой, основанную на податливости и сниженной готовности к активному сопротивлению негативным обстоятельствам.

Личностные особенности участников также существенно различались в зависимости от уровня склонности к виктимному поведению. Несмотря на то, что уровень резильентности оказался статистически значимо выше у молодых людей с выраженным виктимными тенденциями ($p = 0,048$), что может интерпретироваться как наличие компенсаторного механизма устойчивости, направленного на адаптацию к неблагоприятным условиям, в целом их стиль интерпретации жизненных событий был менее оптимистичным.

Так, у данной группы негативные события чаще интерпретировались как устойчивые и глобальные (PmB, $p = 0,018$), в то время как положительные воспринимались как внешние по происхождению и нестабильные по своей природе (PvG, $p = 0,005$; PsG, $p = 0,001$). Это указывает на выраженную

экстернализацию позитивного опыта и устойчивую интернализацию негативного, что характерно для негативного атрибутивного стиля, ассоциирующегося с низкой стрессоустойчивостью и высоким уровнем тревожности. Совокупный индекс по шкале неблагоприятных событий оказался выше ($p = 0,045$), а по благоприятным — ниже ($p = 0,001$), что подтверждает общее преобладание пессимистических ожиданий. Важно отметить, что даже на уровне всей выборки наблюдается общий уклон в сторону негативной интерпретации событий ($M = -6,77$), что может отражать более широкую социокультурную тенденцию снижения субъективного контроля и оптимизма среди молодежи в современных урбанизированных условиях.

Дополнительно было установлено, что у респондентов с более выраженной склонностью к виктимному поведению наблюдается более низкое субъективное ощущение безопасности в городской среде мегаполиса. На статистически значимом уровне фиксировались более низкие оценки как психологической ($p = 0,007$), так и медико-социальной безопасности ($p = 0,007$). Это может свидетельствовать о нарушении базового чувства защищённости, снижении доверия к социальной инфраструктуре и общей неудовлетворённости качеством городской жизни. В совокупности, данные результаты указывают на то, что виктимное поведение может формироваться и поддерживаться в условиях субъективно враждебного и дезорганизованного городского окружения, усиливая индивидуальное ощущение уязвимости и тревоги.

Таким образом, полученные данные позволяют предполагать, что виктимное поведение у молодежи частично связано с искажённым и более негативным восприятием городской среды, а также с пессимистическим стилем интерпретации происходящих с ними событий. Эти результаты могут быть учтены при разработке профилактических программ, направленных на снижение виктимности и повышение психологического комфорта молодежи в условиях мегаполиса.

Литература

1. Андронникова О.О. Генезис виктимности личности в социально-психологической парадигме. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2017. – 270 с.
2. Kaplan R., Kaplan S., Brown T. Environmental preference: A comparison of four domains of predictors // Environment and behavior. – 1989. – Т. 21. – №. 5. – Р. 509-530.
3. Van Dijk J. J. M., Van Kesteren J. Criminal victimization in European cities: some results of the International Crime Victims Survey // European Journal on Criminal Policy and Research. – 1996. – № 4. – Р. 9-20.

Диспозиции насильтственного экстремизма и стиль саморегуляции поведения у подростков, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа

Самохин Г.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Актуальность и проблематика исследования заключается в том, что в силу возрастных особенностей молодежь является чувствительной к восприятию и проявлению идей экстремизма. Неустойчивость в мировоззрении, эмоциональная неустойчивость, недостаточная социально-психологическая зрелость, стремление к поиску себя и самоидентификации, проявление различных форм протеста в поведении способствуют повышению уязвимости подростков в отношении экстремизма (Авдеев Ю.И., 2015).

Согласно статистическим данным информационно-аналитического центра МВД России за 2024 год, было зарегистрировано 21,1 тысяча преступлений, совершенных несовершеннолетними, что на 5,7% меньше по сравнению с аналогичным показателем в 2023 году. Однако, в Российской Федерации ежегодно продолжает фиксироваться значительное число преступлений, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия. Изучение факторов, способствующих развитию насильтственного экстремистского поведения может стать основой для разработки эффективных программ профилактики экстремизма, направленных на формирование социально-приемлемого поведения и ценностей у подростков (Давыдов Д.Г., 2013). Кроме того, исследование различных стилей саморегуляции поведения может помочь в выявлении моделей поведения, способствующих адаптации молодежи к социальным условиям, а также в предупреждении возникновения девиантного поведения и его профилактики (Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А. и др., 2024).

Нами было проведено исследование, целью которого являлось изучение особенностей диспозиций насильтственного экстремизма и стилей саморегуляции поведения у подростков, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа (далее - СУВУ ЗТ).

В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение о наличии обратной связи между уровнем саморегуляции поведения и выраженностью диспозиций насильтственного экстремизма.

В рамках исследования также были выдвинуты дополнительные гипотезы:

1. Высокую выраженность хотя бы одной диспозиции насилиственного экстремизма имеет большинство воспитанников СУВУ ЗТ;
2. Чем выше склонность к насилиственному экстремизму, тем ниже уровень развития когнитивно-регуляторных процессов и индивидуальных регуляторных свойств.

Эмпирическое исследование проводилось с использованием опросника «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ-2020» (В.И. Моросанова, 2020) и методики диагностики диспозиций насилиственного экстремизма (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов, 2017).

Исследование проводилось в рамках НИР МГППУ по теме «Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков, применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в рамках Госзадания Министерства просвещения РФ в 2024 г. в составе научного коллектива под руководством кафедры юридической психологии и права МГППУ. Исследование проводилось посредством заполнения респондентами онлайн-формы на ресурсе anketka.mgppu.ru. Каждая методика была дана на русском языке и сопровождалась отдельной инструкцией по выполнению. В исследовании приняли участие 464 респондента в возрасте от 12 до 18 лет (средний возраст – $15,4 \pm 1,2$ года), среди них 402 юноши – 86,6%, 62 девушки – 13,4%. Участники исследования являются воспитанниками 15 СУВУ ЗТ, расположенных в разных регионах РФ.

Статистическая обработка данных проводилась при помощи критерия Колмогорова-Смирнова, выявившего ненормальность распределения, и непараметрического коэффициента ранговой корреляции Спирмена в программе IBM SPSS Statistics 27.

По результатам опросника «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ-2020», несмотря на общий уровень саморегуляции в группе, у части несовершеннолетних, преимущественно юношей, наблюдаются выраженные трудности в отдельных регуляторных аспектах, что может являться фактором риска дезадаптивного и противоправного поведения. Более развитыми процессами саморегуляции у респондентов являются планирование и оценивание результатов, менее развитым – моделирование, что может говорить о том, что многие испытуемые могут ставить перед собой цели и стремиться к их достижению, способны осознавать последствия своих действий, но имеют трудности с определением наилучших условий для достижения целей. Более развитыми свойствами саморегуляции у воспитанников в СУВУ ЗТ являются надежность и настойчивость, менее развитым – гибкость. Можно сделать вывод,

что подростки целеустремленны и настойчивы в достижении целей, проявляют устойчивость к трудностям, однако они имеют трудности в адаптации к изменяющимся условиям и социальным требованиям, в коррекции собственного поведения.

Данные, полученные в результате проведения методики диагностики диспозиций насилиственного экстремизма указывают на высокий уровень склонности к насилиственному экстремизму у 29 респондентов (6,25%), из них 26 юношей (89,7%) и 3 девушки (10,3%). Стоит отметить, результаты, относящиеся к устойчивой группе риска, хотя бы по 1 шкале имеет около трети респондентов – 141 человек (30,4%), что опровергает дополнительную гипотезу 1. Несмотря на то, что большинство респондентов не продемонстрировали выраженной склонности к насилиственному экстремизму, наличие устойчивой группы риска, требует особого внимания. По результатам анализа, наиболее выраженными диспозициями являются: «Конвенциональное принуждение» – 14,2% (следование нормам группы и навязывание их другим, чувство безнаказанности); «Допустимость агрессии» – 9,5%: (агрессия как следствие фruстрации, смешение агрессии на другие объекты). Наименее выраженными диспозициями стали: «Культ силы» – 3%; «Социальный пессимизм» – 2,8%; «Нормативный нигилизм» – 1,7%, что указывает на низкий уровень радикализации и сохранение опоры на социальные ориентиры.

По результатам корреляционного анализа были сделаны следующие выводы:

1. Высокий уровень развития механизмов и свойств саморегуляции (в особенности планирования, оценивания результатов, настойчивости и надежности) имеет значимую обратную связь с некоторыми диспозициями насилиственного экстремизма.

2. Общий уровень саморегуляции демонстрирует значимую обратную связь практически со всеми диспозициями насилиственного экстремизма, с общей склонностью к насилиственному экстремизму, что подтверждает значимость развития саморегуляции как основного направления профилактической работы с подростками (результаты подтверждают основную гипотезу).

3. Уровень склонности к насилиственному экстремизму имеет значимую обратную связь с уровнем развития процессов «планирования», «моделирования», «программирования», «оценивания результатов», со свойствами саморегуляции «надежность» и «настойчивость», но не имеет значимой связи с «гибкостью» (результаты частично подтверждают дополнительную гипотезу 2).

Развитие механизмов, свойств саморегуляции и конструктивных форм поведения может стать ключевым фактором в профилактике насилиственного экстремизма и повышении социальной адаптации воспитанников. Реализация данных программ может способствовать созданию более безопасной социальной среды для подростков в будущем.

Литература

1. Авдеев Ю.И. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология (часть вторая) // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 3. – С. 77–91.
2. Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А., Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В. Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2024. – Том 14. – №4. С. 1–14. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2024_n4/Boykina_Gurina_et_al (дата обращения: 21.03.2025).
3. Давыдов Д.Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. – 2013. – № 10. – С. 4–18.

К вопросу о феноменологии скролл-шоппинга и проблеме диагностики онлайн-шоппинга в контексте нехимических аддикций

Сборщик А.О.

Московский государственный психолого-педагогический
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибальт В.В.

В настоящее время в контексте аддиктивного поведения в онлайн-сфере используется понятие «думскроллинг». На наш взгляд, именно через призму думскроллинга — как формы непрерывного, зачастую бессознательного потребления цифрового контента — возможно наиболее точно рассмотреть природу скролл-шоппинга. Оба явления объединяет схожая структура поведения, связанная с монотонным пролистыванием ленты и погружением в повторяющийся цифровой опыт. В этом контексте скролл-шоппинг может быть интерпретирован как потребительская разновидность думскроллинга, где объектом становится не новостной контент, а товарное предложение.

Описательно скролл-шоппинг представляет собой процесс листания ленты

маркетплейсов, анализ описания и фотографий предлагаемых на сервисах товаров, добавления их в раздел «избранное». При этом важно упомянуть, что за этим процессом не обязательно следует покупка. Формулируя определение скролл-шоппинга, в первую очередь важно резюмировать, на стыке каких смежных, но не в полной мере синонимичных феноменов, находится данное поведение.

В первую очередь стоит упомянуть аддиктивное поведение в широком плане, как «одну из форм деструктивного поведения, выражающуюся в стремлении уйти от реальности, изменив свое психическое состояние посредством постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активных видах деятельности, что сопровождается развитием интенсивных эмоций» (Аксельрод Б.А., 2007). В таком контексте в определении аддиктивного поведения важно отметить такую характерологическую особенность, как «постоянная фиксация внимания», что и является свойственным для скролл-шоппинга. Ввиду данного сходства можно рассматривать скролл-шоппинг в контексте аддиктивного поведения.

Ониомания (шопоголизм) также является одним из ключевых феноменов, которые необходимо рассмотреть. Существует определение компульсивного покупательского поведения, синонимичное ониомании, компульсивному покупательскому поведению, зависимому покупательскому поведению или патологическому покупательскому поведению – в разных прочтениях и формулировках авторы используют перечисленные термины для определения поведения человека, заключающегося в значимом для него, бесконтрольном и неосознанном совершении нередко утилитарно не значимых покупок (Griffiths, M.D., 2022). Faber R. J. и O'Guinn T. C. характеризовали компульсивный шоппинг как повторяющиеся стереотипные эпизоды покупок, сопровождающиеся неспособностью контролировать своё поведение (O'Guinn T.C., 1989). В контексте скролл-шоппинга важно рассматривать данный феномен по причине единого предмета фокусировки – процесса покупки или планирования покупки товаров.

В качестве феномена, синонимичного в аспекте потребления информации на сайтах в формате ленты, важно также упомянуть думскроллинг – навязчивая и захватывающая внимание индивида привычка, приводящая к длительным сеансам просмотра и потере ощущения времени, а также концентрации и сосредоточенности (Sharma B., 2022). Данный феномен характеризуется навязчивым, тревожным интересом к информации, которая является негативной, касается актуальных социально значимых ситуаций (Sharma B., 2022). Думскроллинг как паттерн поведения и навязчивое действие продуцируется факторами, которые обычно мотивируют к поиску и сосредоточению внимания

к негативным новостям, но может быть усилен как индивидуальными ситуативными факторами, технологическими возможностями, так и социальными контекстами (Максименко А.А., 2022, Sharma B., 2022). В данном контексте феномен смежен со скролл-шопингом в алгоритме действий, думскроллинг, согласно исследованиям различных авторов и обратной связи респондентов, присущ людям как инструмент неадаптивной стратегии по совладанию с различными переживаниями.

Таким образом, можно предположить, что скролл-шопинг представляет собой феномен чрезмерной траты времени в процессе поиска товаров для покупки и, ввиду смежности с такими феноменами, как онлайн-шопинг, ониомания или компульсивный шопинг, а также думскроллинг, может рассматриваться как аспект импульсивного или аддиктивного поведения, а также в качестве неадаптивной копинг-стратегии.

Нами было выявлено, что в русскоязычном сегменте отмечается недостаток инструментов для диагностики склонности именно к онлайн-шоппингу. Поэтому нами была предпринята попытка перевести на русский язык и провести первичную апробацию англоязычной методики «*Online Shopping Addiction Scale, OSA*» (Приложение 1). Авторы англоязычной версии Haiyan Zhao, Wei Tian, Tao Xin.

Методика была подвергнута процедуре двойного перевода. Сравнение двух англоязычных версий показало сохранение смыслового компонента. Окончательный русскоязычный вариант, представленный респондентам, представлен в Приложении 2.

Методика "Шкала зависимости от онлайн-шопинга" (OSA) позволяет комплексно оценить зависимость от онлайн-покупок с учетом различных аспектов поведенческой зависимости. Методика охватывает ключевые характеристики аддиктивного поведения, такие как значимость, толерантность, влияние на настроение, синдром отмены, рецидив и конфликты.

Всего в методике 18 утверждений, каждое из которых относится к одному из шести факторов (по 3 утверждения на фактор). Ответы даются по 5-балльной шкале Лайкерта, от 1 (совсем не согласен) до 5 (полностью согласен).

Поскольку авторам не удалось (или не было целью) установить клинические пороговые значения, можно ориентироваться на распределение баллов и использовать их в исследовательских или скрининговых целях. Нами была предложена следующая градация баллов на основе психометрической логики):

- 18–36 баллов — низкий уровень признаков зависимости,
- 37–54 балла — умеренный уровень,
- 55–90 баллов — высокий уровень, возможен риск зависимости.

Отдельно также можно посчитать баллы по каждой шкале. Так как нормативные значения ещё не установлены, можно использовать следующую градацию:

- 3-6 баллов – низкий уровень,
- 7-10 баллов – средний уровень,
- 11-15 баллов – высокий уровень.

Эти границы логически распределены по шкалам (из 3 пунктов \times 5 баллов = 15 максимум).

Следует отметить, что данная методика на текущем этапе требует дальнейшей доработки и адаптации с учетом культурных и лингвистических особенностей русскоязычной аудитории. Проведённый нами перевод и последующая первичная апробация представляют собой только первый шаг в процессе валидизации инструмента. Для подтверждения надежности и валидности русскоязычной версии шкалы необходимы дополнительные эмпирические исследования с привлечением более широкой выборки, а также проведение статистического анализа.

Литература

1. Максименко А.А., Дайнека О.С., Мортикова И.А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян // Общество: социология, психология, педагогика. — 2022. — № 12. — С. 129-136.
2. Аксельрод Б.А. Руководство по аддиктологии / под ред. В.Д. Менделевича. — Санкт-Петербург : Речь, 2007. — 766 с.
3. Griffiths M.D. Diagnosis and management of video game addiction // New Directions in Addiction Treatment and Prevention. — 2022. — № 12. — P. 27-41.
4. O'Guinn T.C., Faber, R.J. Compulsive Buying: A Phenomenological Exploration // Journal of Clinical Psychiatry. — 1989. — № 16. — С. 147-157.
5. Sharma B., Lee S.S., Johnson B.K. The Dark at the End of the Tunnel: Doomscrolling on Social Media Newsfeeds // Technology, Mind, and Behavior. — 2022. — № 3 (1). — С. 1-13.

Профилактика буллинга и насилия в образовательной среде: роль и функции педагога-психолога

Смагина А.М.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(г. Москва)

Научный руководитель - Зуйкова А.А

В данной статье анализируются вопросы, связанные с ролью профилактики асоциального поведения несовершеннолетних в образовательной среде, выразившегося в распространении такого явления – как буллинг. Рассматривается комплекс мер, предпринимаемых на государственном, общественном, экономическом, педагогическом и социально-психологическом уровне в образовательных учреждениях для решения проблемы буллинга и иных проявлений насилия среди несовершеннолетних лиц. Подчеркивается важность роли педагога-психолога в профилактике этого социально-опасного феномена среди обучающихся различных возрастов.

Современное общество сталкивается с рядом социальных проблем, одна из которых – асоциальное поведение несовершеннолетних. Такое поведение представляет собой отклонение подростка от установленных социальных норм и правил, которые могут серьезно повлиять как на него самого, так и на окружающих его людей. Противодействие асоциальному поведению несовершеннолетних является важнейшей задачей в современном обществе.

Асоциальное поведение является одним из видов девиантного поведения. Само девиантное поведение детей делится на три типа: деструктивное (когда они причиняют вред себе), асоциальное (когда поведение детей вредит не только им самим, но и обществу) и противоправное (когда дети совершают действия, прямо запрещенные законом) (Ларионова С.О., 2013). Процесс формирования девиантного поведения начинается в раннем детстве и достигает своего пика в подростковом возрасте.

Целью данного исследования является изучение актуальных проблем профилактики буллинга и насилия в образовательной среде, определение роли педагога-психолога в этом направлении.

Распространение асоциального поведения среди несовершеннолетних, выражющееся в проявлении агрессии, насилия, травли в отношении других детей является проблемой современного общества и требует поиска эффективных методов и подходов к противодействию данному явлению.

Агрессия может принимать форму насилия, когда она приобретает для субъекта отрицательную окраску и осуждается в обществе в целом.

М.Р. Арпентьева пишет: «Главное – отмщение и жертва, а не справедливость и ответственность. Поэтому насилие всегда остается неузнанным» (Арпентьева А.Р., 2016). Таким образом, обоснованным представляется, что насилие оценивается именно субъектом, несет для него отрицательную окраску в той или иной социальной и нормативно-правовой системе. И.А. Ильин определяет насилие как произвольное, необоснованное, отрицательно агрессивное действие, которое не должно повторяться, так как негативно сказывается на объекте насилия (Ильин И.А., 2014).

Буллинг, как разновидность асоциального поведения, является особо значимой проблемой именно в подростковом возрасте. Ведь в каждом классе любой школы России есть ученики, отличающиеся от других детей: мышлением, физическими или умственными особенностями, манерой общения. И это не обязательно «слабые» учащиеся, ведь непринятие сверстников в свой круг общения могут вызывать и значительные успехи в учебе, стиль самовыражения, достаток в семье. А противостоять такому давлению из вне ребенку довольно сложно, особенно если в силу личных особенностей характера, он склонен к внутренним переживаниям.

Именно такие эпизодические притеснения, школьная травля в современной науке получили название – буллинг (от англ. *bullying* – издевательство, запугивание, травля). Буллинг сложная проблема современного общества, один из вид асоциального поведения, требующий научно-обоснованной работы по профилактике и предотвращению. Возникновение данного явления в образовательной среде объясняется закрытостью системы как отдельного класса или ученической группы, так и образовательного учреждения в целом. Отечественные ученые отмечают, что довольно часто феномен буллинга наблюдается в закрытых иерархичных группах (Бочавер А.А., 2023). Буллинг – это форма взаимодействия, в которой проявляются различные типы поведения. Он имеет структуру характерную для конфликта, однако несет в себе и специфические черты. Отметим, что в школьном возрасте общение со сверстниками может рассматриваться как ведущая деятельность, особенно в процессе выполнения какой-либо коллективной деятельности. У ребят при участии в общем деле возникает желание стать общественно значимым, важным членом коллектива. Поэтому любое нарушение этого процесса переживается очень тяжело и сказывается на развитии личности (Соловьев Д.Н., 2021).

Профилактика буллинга является очень важной задачей, для решения которой необходимо объединение усилий всех субъектов профилактики, так как в данном случае необходимо проводить психологическую работу с группой лиц, а не с конкретным ребенком, а объединяющим звеном при этом должен являться педагог-психолог образовательной организации. Только в том случае, если

участники образовательного процесса предпримут серьезные усилия для устранения проблемы буллинга, то повысится вероятность избежания или приостановления конфликтных ситуаций в образовательной среде.

Профилактическая работа педагога-психолога включает в себя исследование, диагностику и изменение социальной, семейной, личностной ситуации обучающегося путем применения специальных педагогических и воспитательных мер, способствующих улучшению качества его жизни и поведения, с помощью изменения личностных ориентаций.

Социальные причины связаны с недостатками в воспитании детей в семье, детском саду, школе или обществе, а также с экономическим положением семьи и морально-психологическим климатом в семье, как ребенка ставшего объектом буллинга, так и основного «агрессора». Дисгармония в детско-родительских взаимоотношениях может определять возникновение проблем во взаимоотношениях со сверстниками. И наоборот, глубокий эмоциональный контакт ребенка с родителем способен создать ощущение уверенности и защищенности.

Профилактика буллинга как явления должна осуществляться через систему общих и специальных мероприятий на разных уровнях социальной организации: государственном, общественном, экономическом, медико-санитарном, педагогическом и социально-психологическом.

Часто педагог-психолог вынужден работать уже не на предупреждение ситуации, а на ее изменение: когда еще в начальной школе сложился пробуллинговый коллектив. Какой коллектив может характеризоваться конфликтностью, агрессивностью и жестокостью. Иногда причиной подобных взаимоотношений внутри класса может выступать потеря лидера в лице учителя, а также несвоевременная диагностика, так как дети часто стесняются рассказывать о травле в отношении них или считать это явление нормой. Поэтому важным представляется становление и поддержание контакта педагога-психолога с коллективом, задолго до диагностики подобных феноменов.

В ходе исследования, мы приходим к выводу, что в современной образовательной среде необходимым представляется применение педагогом-психологом на начальных этапах формирования коллектива профилактических программ, направленных на предотвращение буллинга.

Литература

1. Арпентьева М.Р. Проблема социального порядка и насилие в школах // Проблемы современного образования. – 2016. - № 5. – С. 39-41.

2. Бочавер А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал высшей школы экономики. Серия: «Психология». - 2023. - Т. 10. - № 3.- С. 149–159.
3. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с.
4. Ларионова С.О. Девиантное поведение как научно – педагогическая проблема // Фундаментальные исследования. - 2013. - №4. - С.102.
5. Соловьев Д.Н. Способы командообразования в предупреждении буллинга в подростковом возрасте // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. - № 1(2). – С. 94-97.

Факторы психологической уязвимости к фишингу как к способу социальной инженерии

Ткачук Г.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Статья посвящена теоретическому анализу психологических факторов, обуславливающих восприимчивость индивида к фишингу как форме социальной инженерии. В условиях цифровизации и роста числа киберугроз, фишинг остается одной из наиболее эффективных тактик кибермошенников. Работа раскрывает междисциплинарные основания феномена, уделяя особое внимание психологическим детерминантам виктимного поведения. Рассматриваются теории социальной инженерии, когнитивные искажения, уровень эмоционального интеллекта и особенности мотивации, определяющие уязвимость человека перед манипулятивным воздействием.

В эпоху активного распространения цифровых технологий и сетевой коммуникации угрозы, связанные с социальной инженерией, приобретают все более изощренный характер. Среди них фишинг — метод обмана, при котором злоумышленник выдает себя за надежный источник, с целью получить доступ к личной или корпоративной информации. Особенность фишинга заключается в том, что он действует не на уровне технического взлома, а посредством манипуляции сознанием жертвы.

Проблема восприимчивости к фишингу не сводится исключительно к технологическим аспектам. Она имеет выраженное психологическое измерение. Определенные личностные характеристики, эмоциональные состояния и когнитивные особенности повышают вероятность успешного воздействия фишинговых атак. Изучение этих факторов позволяет выработать стратегии превенции, ориентированные не только на программную защиту, но и на развитие критического мышления и цифровой грамотности.

Социальная инженерия — это комплекс методов, направленных на получение доступа к конфиденциальной информации через манипулирование человеческим поведением. Теоретическое осмысление социальной инженерии предполагает обращение к ряду психологических концепций.

Среди них — теория социального научения (А. Бандура), объясняющая, как модели поведения осваиваются через наблюдение. В фишинге данный механизм эксплуатируется злоумышленниками, которые имитируют поведение доверенных субъектов (например, технической поддержки или банковских работников), вызывая автоматическую готовность к сотрудничеству.

Вторым теоретическим основанием выступает теория социального обмена, согласно которой человек склонен реагировать на стимулы, предлагающие выгоду. В фишинговых сообщениях часто используются обещания бонусов, скидок или иных привилегий, что активирует нерациональные формы принятия решений.

Наконец, теория информационного дефицита указывает на то, что люди подвержены манипуляции, когда ощущают нехватку знаний для принятия решения. Это особенно характерно для интернет-среды, где объем информации высок, но её достоверность часто сомнительна.

Ключевым фактором, повышающим уязвимость к фишингу, является когнитивная уязвимость. Она проявляется в форме когнитивных искажений — систематических ошибок мышления. Одним из таких искажений является эффект подтверждения, при котором человек ищет информацию, согласующуюся с его убеждениями, и игнорирует противоречащую. Это делает его более подверженным ложным утверждениям в фишинговых письмах, если они соответствуют ожиданиям или текущим интересам.

Другим фактором является иллюзия контроля, когда индивид переоценивает свою способность предотвратить угрозу. Это способствует игнорированию предостережений, связанных с цифровой безопасностью, особенно при выполнении рутинных действий.

Эмоциональный интеллект также играет значимую роль. Люди, обладающие способностью распознавать и регулировать свои эмоции, в меньшей степени подвержены панике или неосознанной реакции на

эмоциональные раздражители, используемые во фишинговых атаках (например, сообщение об угрозе блокировки аккаунта).

Мотивация и чувство ответственности влияют на соблюдение норм цифровой гигиены. Индивиды с высоким уровнем внутренней мотивации и осознанием последствий собственных действий демонстрируют более высокий уровень настороженности и критичности при взаимодействии с цифровыми сообщениями.

Профилактика фишинга требует не только технических, но и психолого-педагогических решений. Повышение осведомленности о типичных формах атак, обучение критическому мышлению, развитие навыков информационной гигиены — все это должно стать неотъемлемой частью образовательных программ.

В рамках такой подготовки важным становится формирование рефлексивной установки, при которой индивид привычно оценивает источник информации, сопоставляет контекст и сверяет факты. Рекомендуется также использование игровых методов (геймификация), моделирующих фишинговые атаки в безопасной среде.

Фишинг как метод социальной инженерии демонстрирует, насколько уязвимым может быть человек в условиях цифрового взаимодействия. Психологические аспекты, включая когнитивные искажения, эмоциональную реактивность и мотивационные особенности, значительно повышают восприимчивость к манипуляциям.

Осознание этих факторов позволяет расширить рамки традиционного подхода к информационной безопасности, включив в него гуманитарное измерение. Разработка профилактических программ должна учитывать не только технологии, но и человеческий фактор как главный объект защиты в эпоху цифровых угроз.

Литература

1. Андрианов А.А. Экономическая безопасность в цифровую эпоху, меры противодействия социальной инженерии и фишинговым атакам – Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXV Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 73-84.
2. Волкова О.А. Возможности социальной инженерии как социально-коммуникативной технологии в управлении устойчивым развитием социума XXI века – Управление устойчивым развитием топливно-энергетического комплекса - 2021: материалы II Всероссийской научно-практической

конференции. – Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2022. – С. 10-15.

3. Волкова О.А. Социальная инженерия как гуманитарная социально-коммуникативная технология – аспекты практического применения – Педагогика, психология, общество: от теории к практике: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 15-21.

4. Гаврилина Е.А., Казакова А.А. Социальные исследования инженерии как фундамент для социальной оценки техники и технологий – Биоэтика и социальная оценка технологий: сборник научных трудов. Сер. "Наука, образование и технологии". – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 34-48

Картина мира подростков, находящихся в воспитательных колониях

Юнгман Д.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Исследование картины мира подростков, находящихся в воспитательных колониях, опирается на междисциплинарный теоретико-методологический фундамент.

Картина мира, по определению В.С. Мухиной представляет собой интегральную многослойную конструкцию, синтезирующую образы, смыслы и ценности, через которые субъект интерпретирует себя и окружающую действительность (Мухина В.С., 1999).

С.Д. Смирнов в концепции структуры сознания (или в образе мира) выделяет два уровня картины мира: сенсорно-перцептивный – набор непосредственных ощущений и образов и семантический – глубокие знаковые структуры, задающие направленность восприятия (Смирнов С.Д., 1989). Оба уровня тесно взаимосвязаны. Как отмечают отечественные исследователи, например А.Н. Леонтьев, активная деятельность и мотивация личности являются основными факторами конструирования мировоззренческих представлений (Леонтьев А.Н., 2005). Таким образом, в структуре картины мира подростка пересекаются личностные переживания и глубинные культурные смыслы.

Еще одна концепция, нарративная, является ключевой для понимания того, как подросток конструирует собственное «Я» и смысл жизни. Нарратив,

или повествовательная структура опыта, по Дж. Брунеру, служит одним из фундаментальных способов организации мышления и самоидентификации. Через нарративы формируются когнитивные схемы личности, связывающие прошлое, настоящее и будущее, а также базовые социальные роли. Нарративная психология (Брунер, К. Герген, М.М. Бахтин и др.) рассматривает рассказы и истории как носители культурных моделей и коллективных смыслов. Именно рассказы связывают прошлое с будущим в сознании подростка. В ситуации изоляции в колонии подростковые нарративы могут сочетать субъективный опыт и навязанные социальные сюжеты, отражая и внутренние чаяния, и представления об окружающем мире.

Неотъемлемой частью аналитической схемы является рассмотрение системы социальных отношений подростка. Социализация, по определению Т.Д. Марцинковской, представляет собой не только усвоение норм и ценностей через взаимодействие с окружением, но и формирование идентичности, индивидуализация, освоение социальных ролей и интеграция в различные социальные и культурные пространства (Марцинковская Т.Д., 2005). Под системой социальных отношений мы понимаем совокупность взаимодействий индивида со значимыми другими и социальными институтами. Экологическая теория У. Бронfenбrennera описывает эту систему как многоуровневую структуру: от ближайшего окружения (семьи, сверстников, воспитателей) до макросистемы (культура, идеология, законы общества). Воспитательная колония сама по себе становится особой социальной системой с жесткой иерархией и особенностями ценностями. Нельзя не учитывать и специфику социальной среды подростков с девиантным опытом: девиантная социализация в этой ситуации определяется как рассогласование формальных социальных норм и субъективных установок индивида, обусловленное комплексом психологических и социальных факторов (Шиляева И.Ф., 2019). В связи с этим одним из ключевых исследовательских вопросов, которым мы задались, изучая рефлексивную продукцию несовершеннолетних заключенных, был вопрос: каким образом искажение системы социальных отношений и смена социальных ролей в колонии отражаются в их картине мира.

Теоретико-методологические основы исследования комбинируют ключевые идеи отечественных и зарубежных школ психологии. Социокультурный подход (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д. Брунер) предполагает, что сознание подростка формируется через освоение культурных инструментов (языка, символов, ролевых сценариев) в социальном общении. Психологопедагогический подход (Ж. Пиаже, А. Бандура) подчеркивает активную роль подростка в усвоении социальных норм и убеждений через наблюдение и обучение в конкретных ситуациях. Нарративная психология (Д.

Брунер, К. Герген, М.М. Бахтин) фокусируется на рассказах, признавая повествование основной формой конструирования опыта. И, наконец, экологическая теория У. Бронfenбреннера обращает внимание на многоуровневый социальный контекст: от семьи и сверстников до нормативно-культурной среды, оказывающей влияние на развитие мировоззрения. Все эти подходы взаимодополняют друг друга. Это позволяет сформировать объемную парадигму для анализа картины мира подростков в воспитательных колониях.

Взаимосвязь всех указанных компонент — картины мира, нарратива и социальной среды — является основой теоретического замысла нашего исследования. В самом общем виде можно предположить, что подростки воспитательных колоний вынужденно выстраивают миропонимание как сочетание усвоенных ими социокультурных шаблонов (правовых норм, родительских представлений, требований) и «антисоциальных» образов криминальной субкультуры. При этом гендер и историческая когорта оказывают существенное влияние на характер этих шаблонов: социальные и культурные изменения приводят к тому, что сюжетные линии и смысловые акценты в нарративах подростков могут существенно различаться. Ожидается, что более молодое поколение подростков иначе осмыслияет понятия риска, справедливости и будущего, чем их старшие сверстники, а подростки разного пола придают разный смысл тем же социальным ролям и ценностям.

Эмпирическая часть исследования имеет эксплоративный характер, материалом для него послужили тематические сочинения и анкеты подростков из пенитенциарных учреждений системы ФСИН из двух поколенческих когорт — находившихся в колониях РФ с 2005 до 2015 и после 2015 гг. Подбор материалов обеспечил также равный баланс выборки по полу. Указанные материалы были собраны РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия». Анализ осуществляется с помощью нарративного и качественного тематического анализа. Специфику картины мира несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы, мы анализировали через такие параметры как: отношение к себе, значимым другим, будущему, системе наказаний, труду и образованию, а также страхи и др. отрицательные чувства и эмоции, ресурсы и возможности.

Часть гипотез, предполагающих, что картина мира мальчиков и девочек, находящихся в исправительных колониях, качественно отличаются по выделенным параметрам, подтвердилась. Также выявились некоторые различия в картине мира между совокупным поколением, отбывавшим наказание до 2015 и после 2015 гг. Результаты этого планового исследования в будущем могут стать основой для рекомендаций по психологической поддержке и профилактике рецидива среди несовершеннолетних правонарушителей.

Построенная таким образом концептуальная рамка задает основу для последующей эмпирической проверки и практических рекомендаций, направленных на поддержку подростков в системе исполнения наказаний.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
2. Мухина В.С. Картина мира: индивидуальные различия // Феноменология развития и бытия личности: избр. психол. тр. - М.; Воронеж: МОДЭК, 1999. - 562 с.
3. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. Психология. - 1981. - Серия 14. - №2. - С. 15-29.
4. Марцинковская Т.Д., Чумичева И.В. Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве // Психологические исследования. - 2015. - Т. 8. - № 39. - С. 10. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.571>
5. Шиляева И.Ф. Диагностика и прогнозирование девиантного поведения в молодежной среде: учебное пособие. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. – 105 с.

Когнитивные искажения, авторитарность и представления о жертвах сексуального насилия у лиц разных возрастов

Ядрышникова У. М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Сексуальное насилие остаётся одной из наиболее острых социальных проблем, при этом официальная статистика может не отражать реальный масштаб явления из-за низкой обращаемости жертв. Существенным фактором, усугубляющим последствия насилия, выступают мифы об изнасиловании — ложные убеждения, оправдывающие агрессора и обвиняющие жертву (Bohner et al., 1998). Несмотря на наличие зарубежных исследований в данной области (Payne D.L., 1999; Dinos S. et al., 2015; Leverick F., 2020) в российском контексте тема остается слабо изученной.

Целью исследования является выявление связи между когнитивными искажениями, авторитарными установками и представлениями о жертвах сексуального насилия в разных возрастных когортах.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существует положительная связь между выраженностью когнитивных искажений, авторитарности и представлениями о жертвах сексуального насилия, основанных на мифах об изнасиловании, причём эта связь варьируется в зависимости от возраста. А именно:

1. У лиц с представлениями о жертвах, основанных на таких мифах об изнасиловании как «она хотела этого» и «она солгала», будут более выражены такие когнитивные искажения как «гипернормальность» и авторитарность;

2. У лиц с представлениями о жертвах, основанных на таких мифах об изнасиловании как «он не хотел», будут более выражены такие когнитивные искажения как «чтение мыслей» и авторитарность;

3. У лиц с представлениями о жертвах, основанных на таких мифах об изнасиловании как «она хотела этого» и «она солгала», будут более выражены такие когнитивные искажения как «морализация» и авторитарность.

В исследовании применялись следующие методики: авторская демографическая анкета, «Опросник когнитивных ошибок» (А.Е. Бобров, Е. В. Файзрахманова, 2017), «Короткая версия шкал из методики Дж. Даккита» (Д. С. Григорьев, 2017), «Краткая форма российской версии шкалы принятия мифа об изнасиловании» (М.Е. Балезина, С.А. Захарова, 2017).

В выборку исследования вошли 86 участников в возрасте 18–35 лет ($M = 24,34$; $SD = 4,96$; $Me = 23$), из них 67 женщин (77,9%) и 19 мужчин (22,1%). Участники были разделены на три группы сравнения («С»):

1. С1 (18–23 года): 44 участника (7 мужчин, $M = 21$; 37 женщин, $M = 20,8$);
2. С2 (24–29 лет): 25 участников (7 мужчин, $M = 26,1$; 18 женщин, $M = 26,2$);
3. С3 (30–35 лет): 17 участников (5 мужчин, $M = 32,6$; 12 женщин, $M = 32,7$).

Анкетирование с помощью системы Google-формы, размещенной на платформе «Вконтакте» и «Telegram».

Для проверки выдвинутых гипотез нами был проведена проверка на нормальность распределения в каждой группе критерием Шапиро-Уилка, который показал ненормальность распределения данных, поэтому нами были использованы непараметрические критерии.

Для проверки гипотетических взаимосвязей была использована ранговая корреляция Спирмена: значимых корреляций в группах сравнения обнаружено не было. Эти результаты могут быть объяснены несколькими факторами. Во-

первых, использованные пятилетние интервалы между когортами могли быть слишком маленькими, чтобы уловить значимые возрастные различия. Во-вторых, в выборке преобладали женщины. Женщины могут быть менее восприимчивы к мифам об изнасиловании. Будущие исследования могут быть сфокусированы на гендерных различиях.

Однако нами было выдвинуто предположение, что может существовать разница между теми, кто в демографической анкете на вопрос о наличии собственного опыта сексуального насилия, то есть между жертвами сексуального насилия и не жертвами. Важно отметить, что нами разводятся понятия жертва и потерпевший, поскольку второй термин указывает на судебный статус человека. Так, выборка была разделена на 2 группы. Контрольная группа «К» – 45 человек (люди, не имевшие опыт сексуального насилия), из которых 37 женщин (90,2%) и 4 мужчины (9,8%) в возрасте 18–35 лет ($M=25,6$; $SD=12,5$ =мед; $Me=30$). Группа сравнения «С» – 41 человек (люди, имеющие опыт насилия), из которых 30 женщин (66,7%) и 15 мужчин (33,3%) ($M=24$; $SD=3,98$; $Me=23$).

Для проверки гипотезы о различиях в группах был применен критерий U-критерий Манна–Уитни, который выявил следующее.

1. Существуют значимые статистические различия в показателях когнитивных искажений в контрольной группе и группе сравнения по следующим шкалам: «Персонализация» ($p\leq 0,01$), «Категоричность» ($p\leq 0,01$), «Катастрофизация» ($p\leq 0,01$), «Максимализм» ($p\leq 0,001$), «Гипернормальность» ($p\leq 0,01$), «Долженствование» ($p\leq 0,01$). При этом средние ранги по всем указанным шкалам выше у жертв, что может говорить о более выраженных когнитивных искажениях, которые могут являться последствием негативного жизненного опыта.

2. Были выявлены статистически значимые различия по уровню авторитарности по следующим шкалам: «Авторитарное подчинение» ($p\leq 0,05$), «Конвенционализм» ($p\leq 0,05$) и «Эгалитаризм» ($p\leq 0,05$). При этом средние ранги по шкалам «Авторитарное подчинение» и «Эгалитаризм» выше у контрольной группы, а по шкале «конвенционализм» средние ранги выше у группы сравнения. Такие показатели описывают амбивалентную картину – жертвы менее авторитарны, но более традиционны.

3. Статистическое различия по степени принятия мифов об изнасиловании были выявлены по шкалам: «Изнасилование — девиантное событие» ($p\leq 0,05$), «Она солгала» ($p\leq 0,001$), «Она просила об этом» ($p\leq 0,01$), «Это было не совсем изнасилование, а изнасилование — это тривиальное событие» ($p\leq 0,01$), «Интегральный показатель» ($p\leq 0,05$). Опираясь на показатели средних рангов, которые по всем шкалам выше у контрольной

группы, жертвы сексуального насилия значительно меньше принимают мифы, связанные с обвинением жертвы, оправданием агрессора и преуменьшением тяжести насилия. Это логично объясняется их личным опытом, который формирует реалистичное и менее стереотипное отношение к проблеме сексуального насилия.

Таким образом, участники с опытом сексуального насилия демонстрируют более выраженные когнитивные искажения, склонность к традиционным нормам и меньший уровень авторитарности, а также меньшее приятие мифов об изнасиловании.

Литература

1. Бобров А.Е. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Доктор.Ру. – 2017. – № 8 (137). – С. 59-65.
2. Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4(28). – С. 30-44. DOI:10.11621/npj.2017.0403
3. Balezina M. Measuring attitudes towards rape in Russia: translation and validation of the Illinois rape myths acceptance scale // Current Psychology. – 2023. – № 43(5). – С. 1-11. doi:10.1007/s12144-023-04666-2
4. Bohner G.G., Reinhard M.A., Rutz S. Rape myths as neutralizing cognitions: Evidence for a causal impact of anti-victim attitudes on men's self-reported likelihood of raping // European Journal of Social Psychology. – 1998. – Т. 28. – № 2. – С. 257-268.
5. Dinos S., Burrowes N., Hammond K., Cunliffe C. A systematic review of juries' assessment of rape victims: Do rape myths impact on juror decision-making? // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2015. – Т. 43. - № 1. – С. 36-49.
6. Leverick F. What do we know about rape myths and juror decision making? // The International Journal of Evidence and Proof. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1365712720923157>
7. Payne D. L. Rape myth acceptance: Exploration of its structure and its measurement using the Illinois rape myth acceptance scale // Journal of research in Personality. – 1999. – Т. 33. – № 1. – Р. 27-67.

Склонность к самоповреждающему поведению у молодых взрослых, состоящих в фандомах

Якубович-Ясная М. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В данной работе рассмотрена склонность к самоповреждающему поведению у молодых взрослых, состоящих в фандомах. Фандомы представляют собой сообщества поклонников, объединенных общей страстью к определенным аспектам поп-культуры, включая кино, сериалы, игры, книги и другие формы искусства.

Исследование фандомов стало особенно актуальным в наши дни, ведь интернет и социальные сети создали огромное количество возможностей для фанатов определенного произведения со всего мира объединяться в глобальные фан-сообщества, которые влияют на социализацию их участников и задают определенные тенденции. Фандомы стали одним из ключевых элементов в социализации личности и формировании ее мировоззрения и поведения. Многие фандомы связаны с определенным медиальным контентом, который может затрагивать темы борьбы с депрессией, травлей, а также самоповреждения. Персонажи, которые сталкиваются с такими проблемами, могут как вдохновлять, так и провоцировать идентификацию с ними, что, в свою очередь, может увеличить риск самоповреждающего поведения среди их поклонников. Также фандомы могут стать очень токсичной средой, так как нередко становятся местом травли одного участника другими, что может усугублять психологические проблемы, приводить к снижению самооценки и провоцировать различные формы девиантного поведения для совладания со стрессом, как, например, самоповреждающее поведение. Многие фанатские сообщества могут пропагандировать строгие и нереалистичные стандарты красоты, что будет приводить к разочарованию в себе у многих молодых людей и стремлению к голодовкам и жестким диетам, которые являются разновидностями самоповреждающего поведения. Но с другой стороны, фандом наоборот может стать комфортным и принимающим сообществом, которое окажет поддержку человеку, помогая справится с самоповреждающим поведением. Согласно различным исследованиям, подавляющее большинство участников фандомов составляют молодые взрослые.

Также в последнее время увеличивается количество случаев самоповреждающего поведения среди молодежи, поэтому важно исследовать

его причины, и то какое влияние на такое поведение оказывают личностно-психологические особенности личности и ее социализация, важной частью которой, будут являться именно различные фанатские сообщества.

Результаты данного исследования показали, что отсутствует значимая связь между склонностью к самоповреждающему поведению и состоянием в том или ином фандоме. При этом по результатам методики «Шкала причин самоповреждающего поведения» можно сделать вывод, что высокий уровень количества самоповреждений практически одинаково характерен как для молодых взрослых, состоящих в фандомах, так и для тех, кто в них не состоит. Самыми распространенными стратегиями самоповреждений для обеих групп являются «восстановление контроля над эмоциями» и «избавление от напряжения», то есть самоповреждения с целью самоконтроля. По результатам методики «Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности» можно сделать вывод, что молодые взрослые, состоящие в фандомах имеют меньшую потребность в самоизменениях, чем те, кто в них не состоит.

Подводя итог, можно сделать вывод, что молодые взрослые, состоящие в фандомах не демонстрируют большей склонности к самоповреждающему поведению или большую частоту самоповреждений, чем те, кто в них не состоит, однако, их уровень потребности в самоизменениях является более низким, чем у молодых людей, не относящих себя к фандомам.

Литература

1. Левашова Е.Л. Анализ проблем российской молодежи в современных условиях преобразования общественно-политической жизни // Вестник ОмГУ. - 2012. - №1(63). - С.322-326.
2. Мякотникова Н.П. Фэндом: социологический анализ // Социо- и психолингвистические исследования. - 2013. - №1. - С. 95-98.
3. Польская Н.А. Эмоциональная дисрегуляция в структуре самоповреждающего поведения // Консультативная психология и психотерапия. - № 26(4). - С. 65–82.
4. Хухлаева О.В. Психология развития: молодость, зрелость, старость: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. — М.: Академия, 2002. — 29 с.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Влияние индивидуально-психологических особенностей подростков на воспроизведение информации о криминальной ситуации

Брядовая Е.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Федонкина А.А.

Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых особенностям мnestических процессов несовершеннолетних при воспроизведении информации, вопросы, касающиеся влияния личностных характеристик подростков на точность и полноту их свидетельских показаний, остаются недостаточно изученными. Большинство работ сосредоточено на изучении внушаемости, тогда как влияние таких индивидуально-психологических черт, как демонстративность, тревожность и сензитивность на воспроизведение информации в стрессовых ситуациях практически не исследовано. Особенно мало данных именно по подростковому возрасту, несмотря на его значительную эмоциональную нестабильность и социальную восприимчивость, что делает данную группу особенно уязвимой в процессе дачи свидетельских показаний.

Целью нашего исследования является определение влияния демонстративности, тревожности и сензитивности на точность и полноту воспроизводимой подростками информации о криминальной ситуации.

Гипотезы, которые проверялись в исследовании, были следующими:

1. Чем выше уровень демонстративности у подростков, тем ниже точность и полнота воспроизведения информации о криминальной ситуации, при этом воспоминания могут включать субъективно окрашенные или эмоционально насыщенные детали, не всегда соответствующие реальному событию.

2. Чем выше уровень личностной тревожности у подростков, тем ниже точность и полнота воспроизведения информации о криминальной ситуации.

3. Чем выше уровень сензитивности у подростков, тем ниже полнота и точность воспроизведения информации о криминальной ситуации, а также наблюдается акцент на эмоционально значимых аспектах события.

4. Подростки с различным уровнем индивидуально-психологических особенностей (тревожности, демонстративности и сенситивности) демонстрируют статистически значимые различия по точности и полноте воспроизведения информации о криминальной ситуации.

Методы исследования.

Методики, направленные на исследование акцентуаций характера (К. Леонгард, Х. Шмишек), оценка уровня тревожности (Ч. Спилбергер, Ю.Л. Ханин), выявление высокой чувствительности (Э. Арон, У. Сапцина).

Были использованы методы статистической обработки данных, включающие непараметрические критерии U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, критерий хи-квадрат, а также качественный анализ данных.

Выборка: 41 несовершеннолетний 16-17 лет, из них 15 юношей и 26 девушек. Все являются учащимися 10-х классов.

Эксперимент представлял из себя просмотр видеоматериала – инсценированная ситуация, отражающая элементы криминального события (кражи кошелька в общественном месте). Продолжительность видео составляла около тридцати секунд. После завершения просмотра участникам предоставлялась ссылка на опрос, состоящий из трёх блоков вопросов: открытые вопросы (оценка полноты воспроизведения), закрытые вопросы (оценка точности), дополнительные вопросы для качественного анализа, которые были направлены на выявление эмоционального фокуса, моральной оценки и личных интерпретаций события,

С помощью непараметрического критерия U Манна-Уитни были найдены статистически значимые различия по параметру сензитивности ($p = 0.002$). У девушек ($M = 12,69$; $SD = 3,62$) этот показатель был выражен больше, чем у юношей ($M = 9,00$; $SD = 3,02$). Также значимые различия по демонстративности ($p = 0.024$) показали большую выраженность данного качества у девушек ($M = 16,46$; $SD = 4,47$), чем у юношей ($M = 12,93$; $SD = 4,59$). По ситуативной и личностной тревожности значимых различий не было найдено ($p > 0.05$).

При проверке гипотез корреляционный анализ по критерию Спирмена выявил некоторые закономерности. Между уровнем демонстративности и характеристиками первого блока вопросов установлена обратная корреляционная связь средней силы ($r = -0,359$, $p < 0,05$), что свидетельствует о том, что при увеличении уровня демонстративности снижается качество ответов в данном блоке: подростки с выраженной демонстративностью склонны к менее точным и менее полным описанием событий, даже при фиксации на эмоциях.

Корреляция между демонстративностью и показателями второго блока оказалась крайне слабой и статистически незначимой ($r = -0,006$), что позволяет

сделать вывод об отсутствии связи между уровнем демонстративности подростков и вероятностью ошибок в закрытых вопросах.

Связь между демонстративностью и результатами третьего блока была положительной, но также статистически незначимой ($r = 0,124$), что может указывать на тенденцию к проявлению демонстративных черт в свободных рассказах, однако достоверность данной связи требует дальнейшего уточнения.

Анализ результатов при проверке второй гипотезы значимых корреляций между уровнем сензитивности и результатами первого, второго и третьего блока вопросов выявлено не было. Между сензитивностью и показателями первого блока установлена слабая отрицательная связь ($r = -0,306$), не достигшая уровня статистической значимости, что может указывать на тенденцию к снижению точности воспроизведения событий у более сенситивных подростков, однако данное предположение требует дополнительной проверки. Между сенситивностью и результатами второго блока была выявлена крайне слабая положительная связь ($r = 0,015$), а с результатами третьего блока - слабая положительная связь ($r = 0,085$), обе корреляции оказались статистически незначимыми.

Результаты корреляционного анализа при проверке третьей гипотезы показали отсутствие значимых связей между ситуативной тревожностью и результатами всех трёх блоков вопросов. Также не было выявлено значимых связей между личностной тревожностью и результатами первого и второго блоков. Однако между личностной тревожностью и результатами третьего блока установлена слабая отрицательная корреляция ($r = -0,386$, $p < 0,05$), что может свидетельствовать о том, что подростки с более высоким уровнем личностной тревожности проявляли меньше тревожных признаков при описании эмоционально окрашенных моментов. При этом необходимо учитывать, что связь носит слабый характер.

Для проверки четвертой гипотезы был проведен анализ по критерию хи-квадрат. Несмотря на то, что результаты анализа не показали статистически значимых различий между группами по всем трём блокам вопросов, в распределении ответов прослеживается устойчивая тенденция: подростки с более выраженным проявлением тревожности, сенситивности и демонстративности чаще фиксировали внимание на эмоциональной составляющей ситуации, демонстрировали трудности в воспроизведении фактической информации и были склонны к эмоциональной интерпретации событий.

Причинами отсутствия выраженных связей и различий могут быть несколько факторов. Во-первых, ограниченный объём выборки (41 человек) снижает статистическую мощность анализа и увеличивает вероятность ошибок

второго рода, при которых реальная связь остаётся незамеченной. Во-вторых, уровень индивидуально-психологической особенности у участников мог быть выражен недостаточно ярко для того, чтобы существенно влиять на особенности их ответов. Специфическое поведение в рамках опроса могло проявляться не столь интенсивно или проявляться не напрямую через ошибки. В-третьих, особенности проведения исследования (например, условия опроса, степень формальности обстановки) могли снизить естественное проявление индивидуально-психологических особенностей и тем самым повлиять на результаты.

Проведённое исследование позволило выявить устойчивые тенденции влияния индивидуально-психологических особенностей подростков — демонстративности, сенситивности и личностной тревожности — на характер воспроизведения информации о криминальной ситуации. Было установлено, что высокий уровень демонстративности может снижать точность и полноту воспроизведения событий, особенно при ответах на открытые вопросы. Уровень сенситивности демонстрирует слабую, но потенциально значимую связь с эмоциональной окраской воспоминаний. Повышенная личностная тревожность может влиять на степень выраженности эмоциональных реакций при описании пережитого.

Несмотря на отсутствие некоторых из предполагавшихся статистически значимых различий, наблюдаемые закономерности подтверждают необходимость дальнейшего изучения этой темы на более крупных выборках. В дальнейшем планируется расширить эмпирическую базу, уточнить инструментарий оценки воспроизведения информации, а также разработать практические рекомендации для специалистов, взаимодействующих с несовершеннолетними в условиях следственных действий.

Роль ассертивности в снижении социальной тревожности и номофобии у подростков

Верховникова Ю.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

По последним данным аналитического ресурса BankMyCell, на 2024 год число пользователей смартфонов в мире составляет 4,88 миллиарда человек (BankMyCell, 2025). Несмотря на большое количество преимуществ, избыточное использование мобильных телефонов может привести к разным видам проблемного поведения, одним из таких является номофобия – страх остаться без мобильного устройства или без доступа к нему в нужный момент.

Современные исследования активно изучают психологические качества, связанные с проблемным использованием смартфона. И одним из них является тревожность.

Тревожные расстройства, включая социальное тревожное расстройство (СТР), занимают третье место по распространенности среди психических заболеваний, затрагивая 301 миллион человек в мире (Javaid, S.F., Hashim, I.J., Hashim, M.J., 2023). В группу риска входит подростковый возрастной период. Однако малоизученным остается вопрос о том, как именно социальная тревожность связана с проблемным использованием цифровых устройств.

Ключевой задачей в изучении номофобии и социальной тревожности является разработка профилактических и коррекционных программ. Основное внимание уделяется развитию саморегуляции, однако также важно исследовать и другие феномены.

Одним из возможных защитных факторов может выступать ассертивность.

«Ассертивность рассматривается как центральный компонент структуры субъекта активности, проявляющийся главным образом в целеустремлённости, самоуверенности, ответственности, которые способны обеспечить самоэффективность человека. Ассертивный человек представлен как субъект, обладающий высоким уровнем интернальности, интенциональности, рефлексивности, внутреннего локуса контроля и способный осознанно управлять своими действиями при любых внешних условиях и обстоятельствах» (Алексеева Л. Ф., Лебедева И. В., 2009, с.39).

Развитие ассертивности в подростковом возрасте помогает несовершеннолетним уверенно выражать свою позицию, проявлять активность и автономность, стремиться к достижению целей, при этом уважая мнение

окружающих (Попова И.В., 2010). Это позволяет рассматривать ассертивность как потенциально эффективный ресурс в снижении уровня социальной тревожности и номофобии.

Нами было проведено исследование, цель которого заключалась в определении роли ассертивности в снижении социальной тревожности и номофобии у подростков.

Гипотезами исследования послужили предположения о том, что

1.Существует связь между номофобией и социальной тревожностью у подростков: чем выше уровень социальной тревожности у подростков, тем выше уровень склонности к номофобии.

2.Уровень ассертивности имеет значимую отрицательную корреляцию с уровнем социальной тревожности и номофобии у несовершеннолетних.

3.Развитие ассертивности в психологическом тренинге оказывает влияние на снижение социальной тревожности и номофобии у подростков.

Для проверки гипотез проводилась статистическая обработка в программе SPSS с помощью критерия Спирмена и критерия Вилкоксона.

В исследовании приняли участие 65 подростков (41 девушек и 24 юноши), учащихся 8-х классов общеобразовательной школы г. Москвы.

В качестве **методик** эмпирического исследования были использованы: Шкала проблематичного использования мобильного телефона [PUMP] (Русскоязычная версия В. Н. Колесникова, 2018); Опросник социальной тревоги и социофобии О.А. Сагалаковой, Д.В. Труевцева; Опросник ассертивности В.П.Шейнова; Шкала личностной тревоги Спилбергера – Ханина.

В результате корреляционного анализа была выявлена значимая прямая связь между уровнем социальной тревожности и уровнем номофобии ($r=0,499$), а также между номофобией и личностной тревожностью ($r = 0,455$). Таким образом, чем выше уровень социальной и личностной тревожности, тем выше уровень номофобии.

Кроме того, в исследовании выявлены статистически значимые обратные корреляции между уровнем ассертивности и уровнями социальной тревожности ($r=-0,710$) и номофобии ($r=-0,463$).

После первичного замера участники исследования были поделены на контрольную (50 чел.) и экспериментальную (15 чел.) группы. Для второй группы была разработана тренинговая программа на тему «Ассертивность», состоящая из 10 тренинговых занятий длительностью 50–55 минут. Была проведена короткая версия данной тренинговой программы, состоящая из 8 тренингов.

Программа опиралась на модели ассертивности таких авторов, как В. А. Шамиева, М. Смит, С. Стайн и Г. Бук.

Согласно результатам критерия Вилкоксона для связанных выборок, в экспериментальной группе выявлено статистически значимое снижение уровня социальной тревожности после прохождения тренинга по развитию асертивности ($p < 0,05$). Это свидетельствует об эффективности программы в снижении социальной тревожности у подростков.

По уровню номофобии наблюдалось снижение показателя, однако достигнутое значение $p = 0,073$ не достигает уровня статистической значимости. Тем не менее данный результат может указывать на возможную тенденцию влияния тренинга на снижение уровня номофобии.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о потенциальной коррекционной роли асертивности в снижении как социальной тревожности, так и номофобии. Вместе с тем необходимы дальнейшие эмпирические исследования, направленные на выявление факторов, способных выполнять коррекционную и профилактическую функции в контексте проблемного пользования цифровыми устройствами.

Литература

1. Алексеева Л.Ф., Лебедева И.В. Асертивность как основное свойство субъекта в психологии // Вестник практической психологии образования. – 2009. – № 1. – С. 39-42.
2. Попова И.В. Асертивность личности как фактор формирования жизнеутверждающей позиции подростков в различных психолого-педагогических условиях // Профессиональное образование: социально-культурные аспекты. – Пушкин: Царскосельские чтения, 2010.– С. 242-247.
3. BankMyCell. How Many People Have Smartphones Worldwide (2025) [Электронный ресурс] // BankMyCell. — URL: <https://www.bankmycell.com/blog/how-many-phones-are-in-the-world>
4. Javaid S.F., Hashim I.J., Hashim M.J. et al. Epidemiology of anxiety disorders: global burden and sociodemographic associations. Middle East Curr Psychiatry 30, 44 (2023).
5. Yildirim C., Correia A.-P. Nomophobia: An individual's growing fear of being without a smartphone — A systematic literature review [Электронный ресурс] // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – Vol. 17, № 2. – P. 580.– URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/2/580>

Влияние авторского тренинга на мотивационную готовность к школьному обучению у старших дошкольников

Воронина А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г.
Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Проблема подготовки детей старшего дошкольного возраста к школьному обучению является важной и актуальной в современной психолого-педагогической практике. Одним из ключевых аспектов этой подготовки является формирование мотивационной готовности и универсальных учебных действий (УУД), которые способствуют успешной адаптации к школьной жизни [1, с.260]. Готовность ребенка к школьному обучению представляет собой сложную и многокомпонентную характеристику, включающую в себя как когнитивные, так и эмоционально-личностные компоненты. Важной частью этой готовности является мотивация, которая играет решающую роль в успешности учебной деятельности. На сегодняшний день наблюдается недостаток исследований, фокусирующихся на целенаправленном воздействии на мотивацию через УУД, особенно в контексте дошкольного образования. Концепция УУД была разработана в рамках системно-деятельностного подхода и активно используется для анализа и организации учебной деятельности детей. Ключевые исследования в области УУД принадлежат таким ученым, как А.Г. Асмолов, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, которые рассматривали УУД как фундаментальные компоненты школьной подготовки, охватывающие когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты развития детей.

Мотивационная готовность к школьному обучению является многогранной характеристикой, включающей в себя мотивацию, эмоциональную стабильность, способность к саморегуляции, а также коммуникативные и познавательные навыки. Работы Л.И. Божович, Н.И. Гуткиной, А.К. Марковой [7, с. 75-77], и других ученых подчеркивают важность формирования этих компонентов в дошкольном возрасте для успешной адаптации детей к школьной жизни. Влияние этих факторов, особенно в условиях целенаправленного вмешательства, было изучено в ряде современных исследований, включая работы по адаптации дошкольников в школе и подготовке их к школьному обучению.

В настоящем исследовании предпринята попытка разработки, проведения и оценки эффективности авторского тренинга, направленного на развитие универсальных учебных действий (УУД) и мотивационной готовности к

школьному обучению у детей старшего дошкольного возраста [6]. Исследование проводится на базе ГБОУ Школа 170 им. А.П. Чехова с участием двух групп детей (экспериментальной и контрольной).

В процессе формирующего эксперимента в течение учебного года с детьми в экспериментальной группе проводился авторский тренинг для старших дошкольников, направленный на развитие универсальных учебных действий. Оценка изменений мотивационной готовности детей к школьному обучению на основе анализа данных до и после тренинга и сравнение результатов в экспериментальной и контрольной группах с использованием статистических методов анализа позволило выявить основные компоненты мотивационной готовности, которые наиболее подвержены изменениям под влиянием тренинга. Для анализа данных применяются статистические методы, включая Z-тест для независимых выборок и критерий Уилкоксона для парных выборок. Также использован коэффициент корреляции Спирмена для оценки связей между различными аспектами УУД и мотивационной готовности.

Исследование показало значимые изменения в мотивационной готовности детей в экспериментальной группе. На конец года у 96,3% детей в этой группе сформировалась мотивация к школьному обучению, что значительно превышает результаты контрольной группы (где этот показатель составил 65%). В экспериментальной группе наблюдается положительная динамика по всем компонентам мотивационной готовности, включая регулятивные, личностные и коммуникативные УУД. В контрольной группе изменения были менее выражены, что подтверждает эффективность тренинга как инструмента формирования мотивационной готовности к школьному обучению. Следует отметить, что в обеих группах дети проходили одинаковую стандартную подготовку к школе, которую вели учителя начальных классов.

Результаты показывают, что влияние тренинга на мотивационную готовность у дошкольников существенно повышает их готовность к школьному обучению. Особенno важны улучшения в саморегуляции, эмоциональной готовности и коммуникативных навыках, что делает детей более адаптированными к учебной деятельности в школе.

Дети контрольной группы не продемонстрировали существенного изменения в мотивационной готовности, что подтверждает вывод о недостаточности стандартных образовательных программ для формирования необходимых УУД у детей старшего дошкольного возраста. В отличие от этого, экспериментальная группа, прошедшая тренинг, показала значительные улучшения, что подтверждает эффективность авторского подхода в подготовке детей к школе. В экспериментальной группе ядром мотивационной структуры в конце года является мотивация, которая тесно связана с волей и эмоциональной

готовностью. В контрольной группе, напротив, структуры мотивации остаются разрозненными, и нет чёткой связи между мотивацией и другими компонентами УУД. Это ещё раз подтверждает, что в традиционных образовательных условиях не происходит того уровня интеграции, который наблюдается в экспериментальной группе. В контрольной группе, напротив, структуры мотивации остаются разрозненными, и нет чёткой связи между мотивацией и другими компонентами УУД. Это ещё раз подтверждает, что в традиционных образовательных условиях не происходит того уровня интеграции, который наблюдается в экспериментальной группе.

По завершении учебного года в экспериментальной группе наблюдается значительное улучшение в структуре взаимосвязей между компонентами мотивационной готовности и универсальными учебными действиями. Наибольшие корреляции были зафиксированы между мотивацией и коммуникацией ($\rho = 0.66$), что подтверждает развитие не только мотивации к обучению, но и коммуникативных навыков, которые играют ключевую роль в успешной адаптации к школьной жизни. Также следует отметить высокие корреляции между мотивацией и эмоциональной готовностью ($\rho = 0.60$), что указывает на формирование у детей готовности к школьному обучению, которая сопровождается положительным эмоциональным состоянием и внутренней мотивацией.

Кроме того, в экспериментальной группе наблюдается существенная взаимосвязь между волей и регуляцией ($\rho = 0.58$), что подтверждает интеграцию этих регулятивных УУД и свидетельствует о высоком уровне саморегуляции у детей. Эти результаты подтверждают эффективность авторского тренинга, направленного на развитие универсальных учебных действий, где все компоненты работают в едином контексте.

Таким образом, авторский тренинг, направленный на развитие универсальных учебных действий и мотивационной готовности к школьному обучению, оказался эффективным инструментом для улучшения всех ключевых компонентов школьной зрелости. Практика работы автора в начальных классах этой же школы и проведение измерений, не вошедших в данную работу, подтверждают, что активное вмешательство в процесс формирования УУД в дошкольном возрасте способствует успешной адаптации детей к учебной деятельности в школе, а также повышает уровень мотивационной готовности, что является необходимым условием успешного обучения.

Литература

1. Большакова О.Н., Жевлакова О.С. Проблема формирования мотивационной готовности детей к школе // Научный поиск: парадигмы, проекции, практики. – 2014. – С. 259-264.
2. Бурнашева Л.В., Дедюкина М.И. Организационно-педагогические условия формирования мотивационной готовности детей к обучению в школе // Актуальные проблемы развития личности в онтогенезе. – 2014. – С. 320-323.
3. Венерская Е.П. Особенности внутренней позиции школьника // Психология обучения. – 2016. – № 1. – С. 380-390.
4. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. – М.: Академия, 2004. – 288 с.
5. Ефимова О.Н., Шаповалова И.П. Мотивационная готовность как компонент психологической готовности к обучению в школе старших дошкольников // Вопросы дошкольной педагогики. – 2016. – № 3. – С. 109-112.
6. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / [А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.]; под ред. А.Г. Асмолова. — М.: Просвещение, 2008. — 152 с.
7. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. — М., 1983. — С. 69–87.

Роль предустановок в представлениях о насилии и агрессии по отношению к ребенку

Гамова Д. Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В. В.

Изучение представлений о насилии является актуальной проблемой и обусловлено наличием существенных противоречий в трактовке этого феномена обществом. Более того, затрагивая юридическую сторону, роль предустановок, влияющих на восприятие преступления в зависимости от статуса участника (жертвы, свидетеля, подозреваемого) и его возраста, малодифференцирована.

Цель исследования заключается в выявлении и описании роли предустановок у совершеннолетних в представлениях о насилии и агрессии по отношению к ребенку. Объектом исследования выступают представления о насилии и агрессии.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что на представления у совершеннолетних о насилии и агрессии по отношению к ребенку влияют различные предустановки, а именно: фактор предъявления установки является одним из значимых при оценке события.

Методологическую основу исследования составили научные труды, посвященные проблемам агрессии, эмпатии и насилия, в том числе работы Дозорцевой Е.Г. (Дозорцева Е.Г., Семья Г.В., 2021), Ениколопова С.Н. (анализ психологических механизмов агрессивного поведения), (Ениколопов С.Н., 2001). Были использованы: методика “Ассоциативный эксперимент”, понятия: ребенок, дошкольник, агрессия, насилие, свидетель, жертва, убийство, “Семантический дифференциал”, оцениваемые объекты: ребенок, дошкольник, агрессия, насилие, свидетель, жертва, убийство. Далее предъявлялись установки в текстовом формате, осуществлялся показ видеофрагмента из документального фильма об истории Бэт Томас, BBC, 1999 г. После чего запрашивались ассоциации к фильму, понятию «девочка Бэтти», семантический дифференциал к понятию «девочка Бэтти» (Osgood et al., 1957).

Выборку составили 77 человек в возрасте от 18 до 55 лет, (женщин – 76%, мужчин – 24%), проживающих в Москве и Московской области. Выборка разделена на 3 группы, в соответствии с предустановками, которые давались респондентам. А именно установка о том, что девочка Бэтти выступает в данной истории как: «свидетель» (группа «С»), «жертва» (группа «Ж»), «подозреваемая» (группа «П»).

Анализ результатов исследования проводился с использованием методов описательной статистики, РСС, ICC, прототипического анализа П. Верджса.

Изучение сложившихся представлений путем анализа ассоциаций как свободного нарратива, основанного на субъективном опыте людей показывает, что ядро представлений к понятию «ребенок» отражает позитивные, семейно-ориентированные ассоциации (семья, детство, радость). Ближняя периферия включает поведенческие и эмоциональные характеристики. Основное ядро ассоциаций к понятию «дошкольник» связано с институциональным контекстом (детский сад) и ключевыми характеристиками возраста (развитие, ребенок, игры, любознательность). Ближняя периферия дополняет образ эмоциональными и поведенческими характеристиками. Ядро ассоциаций к понятию «агрессия» формируют базовые эмоциональные состояния (злость, гнев, ярость) и их крайние проявления (насилие, боль). Ближняя периферия включает вербальные, физические проявления агрессии, а также сопутствующие эмоции. «Насилие» – ядро отражает физическую и эмоциональную боль, страх и жестокость как основные характеристики насилия. Ближняя периферия включает социальные и психологические аспекты. «Жертва» – ядро ассоциаций формируют физические

и эмоциональные страдания (боль, травма, страх), социальный контекст (насилие, несправедливость), состояние беспомощности. Ближняя периферия включает: эмоциональные оценки, характеристики жертвы.

Ядро ассоциаций к понятию «свидетель» формирует юридический контекст (суд, ответственность), роль свидетеля как наблюдателя, очевидца событий. Ближняя периферия включает эмоциональные состояния (страх, травма), функции свидетеля (правда, информация, помочь). «Убийство», ассоциации прочно связаны с физическим насилием, юридическими последствиями и глубокими эмоциональными переживаниями (кровь, смерть, преступление).

Сопоставляя предъявляемые установки по группам с представлением о девочке Бэтти можно выделить следующим образом: в группе «П» основное ядро ассоциаций рисует образ Бэт, как совершившей убийство, с выраженным психопатическими чертами (жестокость, отклонение, садизм), имеющей психологическую травму. Ближняя периферия дополняет портрет эмоциональными характеристиками (одиночество, ужас), моральной оценкой (дьявол, животное, больная и т.п.). В группе «С» историю Бэт воспринимают прежде всего как трагедию невинного ребёнка, где акцент смешён на возрастную уязвимость, а не на детали насилия. Превалирует негативный эмоциональный фон (ужас, травма, боль), Отмечается контраст в восприятии – сильная\слабая, подчеркивается глубина травмы физические и психические метафоры (рана, расщепление). Образ Бэт в группе «Ж» структурируется вокруг трех осей: физическое\эмоциональное страдание, социальная маргинальность и психическая девиация. Страдание – Сострадание – Ужас.

Переходя к общей характеристике предустановок в подгруппах, видно, что установка «подозреваемая» усиливает связь с «агрессией» и «преступлением». Установка «жертва» актуализирует эмпатию, связанную с «ребёнком» и «страданием». Результаты семантического дифференциала и анализ внутриклассовой корреляции (ICC) для понятия «девочка Бэтти» в каждой из подгрупп отражает: в подгруппе с установкой «Ж» понятие «девочка Бэтти» наиболее сильно ассоциируется с понятиями «насилие» и «жертва». Мы видим сильную внутриклассовую корреляцию в триаде Бэт-Насилие-Жертва (ICC = 0.713). В подгруппе с установкой «С» понятие «девочка Бэтти» наиболее сильно ассоциируется с понятием «свидетель» (ICC = 0.641). В подгруппе с установкой «П» понятие «девочка Бэтти» наиболее сильно ассоциируется с понятием «насилие» (ICC = 0.712). Анализируя связи между представлениями о понятии «девочка Бэтти» в трех подгруппах, мы видим сильнейшую корреляционную связь (ICC = 0.921) между представлением о девочке Бэтти в группах, которым предъявлялись установки «жертва» и «подозреваемый». Это можно

интерпретировать следующим образом: если респонденты видят в девочке Бэтти подозреваемую, то они также склонны видеть в ней жертву, и наоборот. Т.е., такая амбивалентность, в рамках установок, данных в контексте исследования, может возникать из-за того, что Бэтти видят в качестве как агрессора, так и жертвы. Что указывает на ролевое смешение. При этом связи представлений о девочке Бэтти между подгруппой «свидетель» и иными подгруппами отсутствует, что иллюстрирует влияние установок на представление об исследуемом объекте.

Выявленная амбивалентность восприятия подчеркивает сложность однозначной оценки ролей участников насильственных ситуаций и требует дальнейшего изучения механизмов, лежащих в основе подобных когнитивных искажений. Формирование представлений о насилии есть сложный многоуровневый процесс, включающий взаимодействие эмоциональных, социальных, когнитивных, личностных факторов, опосредованных возрастными и культурными особенностями. Понимание этих механизмов позволяет разрабатывать эффективные программы профилактики и коррекции.

Литература

1. Алишев Б.С. Понятие представление в современной психологии [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанского университета. 2014. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 14.04.2025).
2. Дозорцева Е.Г., Семья Г.В. (ред.). Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком: монография : пособие для электронного учебно-методического комплекса. — Москва: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. — 421 с. — ISBN 978-5-94051-256-1.
3. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60-71.
4. Osgood C., Tannenbaum P., Suci G. The measurement of meaning. Urbana., 1957.

Эмоциональная зависимость в межличностных отношениях как предиктор социально-психологической дезадаптации подростков

Даниска М.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Екимова В.И.

Изучению причин социально-психологической дезадаптации подростков, как и теме эмоциональной зависимости в межличностных отношениях посвящены работы многих современных исследователей. Однако, рассмотрение роли эмоциональной зависимости в социально-психологической дезадаптации подростков практически не проводилось.

Само понятие «эмоциональная зависимость» чаще встречается в работах по изучению межличностной аддикции или же зависимости подростков от учителей, а в качестве ключевых факторов риска дезадаптации подростков рассматриваются наследственность, неблагоприятная социальная среда, особенности семьи и воспитания.

Специфика же данного исследования заключается в рассмотрении эмоциональной зависимости как предиктора социально-психологической дезадаптации подростков.

Была выдвинута следующая гипотеза: эмоциональная зависимость в межличностных отношениях может служить предиктором социально-психологической дезадаптации подростков: подростки с проявлениями социально-психологической дезадаптации предрасположены к созависимости в межличностных отношениях, в большей степени привязаны к близкому окружению и в целом более склонны к возникновению зависимостей, чем их хорошо адаптированные сверстники.

В эмпирической части исследования использовались следующие методики:

- 1). Методика «Q -сортировка» В. Стефансона (psylab.info);
- 2). Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд (psylab.info);
- 3). Методика «Социометрия» (разработана Дж. Морено) (psylab.info);
- 4). Шкала созависимости Уайнхолд (Уайнхолд Б. К., Уайнхолд Дж. Б, 2011);
- 5). Опросник привязанности к родителям и сверстникам Г. Армсдена и М. Гринберга (Сабельникова Н.В., 2023);
- 6). Методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей

(Лозовая Г.В.) (guto-razvitiie.ru).

Исследование проводилось на базе ГБОУ Школа №1392 им. Д.В. Рябинкина г. Москвы.

В исследование приняли участие обучающиеся 5-8-х классов, в возрасте от 11 до 15 лет, средний возраст 12,5. Всего 90 человек. Из них 57 девушек (63,4%) и 33 юноши (36,6%).

Исходя из гипотезы исследования, были выделены 2 группы подростков по уровням социально-психологической адаптации:

Группа 1 - хорошо адаптированные подростки. В нее вошло 65 учащихся (72,2 % от общей выборки), средний возраст 12,8 лет. Из них 41 (63,1%) девушки и 24 (36,9%) юноши.

Группа 2 – подростки с проявлениями социально-психологической дезадаптации. В нее вошли 25 человек (27,8% от общей выборки), средний возраст 11,9 лет. Из них 16 (64,0%) девушек и 9 (36%) юношей.

Были использованы методы описательной статистики, непараметрический U-критерий Манна-Уитни, корреляционный и регрессионный анализ.

Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась с помощью программ SPSS, STATISTICA10 и Microsoft Excel.

По итогу проведения эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

1. Подростки с проявлениями социально-психологической дезадаптации имеют низкий социометрический статус, они неприняты и изолированы в коллективе среди сверстников. Хорошо адаптированные подростки стремятся к проявлению активности в группе сверстников.

2. Подростки с проявлениями социально-психологической дезадаптации демонстрируют внутреннее и внешнее стремление к принятию групповых стандартов и ценностей, при этом они в большей степени, чем их хорошо адаптированные сверстники склонны к зависимой позиции в межличностных отношениях.

3. Подростки с проявлениями социально-психологической дезадаптации в целом более склонны к аффективному поведению. Они стремятся сбежать от реальности путем изменения своего психического состояния путем постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях, сопровождающихся развитием интенсивных эмоций, в том числе и эмоциональной привязанности к близкому окружению.

В то же время, у хорошо адаптированных подростков наблюдается риск развития сексуальной, табачной и наркотической зависимостей, что может проявляться при вхождении подростка в соответствующую социальную микрогруппу с низким уровнем социальной ответственности.

4. Подростки с проявлениями социально-психологической дезадаптации имеют более выраженную привязанность к близким людям, в частности, к друзьям, т.е. они стремятся быть рядом со значимыми людьми, ощущая в таких отношениях себя в безопасности.

5. Подростки с проявлениями социально-психологической дезадаптации испытывают постоянную потребность в одобрении окружающих, однако неспособны испытывать чувство настоящей близости и любви. Они склонны поддерживать унижающие достоинство отношения, при этом не осознавая своих истинных желаний и потребностей и чувствуя себя бессильными что-либо изменить.

6. Подростки, проявляющие автономию в общении более адаптированы в обществе сверстников. Подростки же с проявлением зависимости в межличностных отношениях менее склонны принимать себя в силу своей склонности к зависимому и созависимому поведению. Их стремление к близкому общению негативно сказывается на принятие других и снижает чувствительность к внешнему контролю.

7. При повышении уровня зависимости у подростков понижается стремление проявлять активность в общении со сверстниками, что в свою очередь приводит к понижению социального статуса. Такие же виды зависимости как алкогольная и сексуальная напротив, оказывают положительное влияние на эти процессы.

8. Социально-психологическая адаптация подростков в значительной степени снижается при проявлениях общей склонности к зависимостям, а также при таких проявлениях эмоциональной зависимости в межличностных отношениях, как привязанность, зависимость и созависимость.

Таким образом, задачами психопрофилактической работы с подростками по предупреждению эмоциональной зависимости в межличностных отношениях должны стать: восполнение эмоциональных дефицитов; помочь в получении доступа к собственному эмоциональному опыту и использование его во взаимодействии с социумом; содействие в формирование адекватной возрасту самооценки; помочь в расширении «образа Я»; развитие саморегуляции; помочь в компенсации и развитие интеграции эмоционального опыта подростков.

Литература

1. Метод социометрических измерений («Социометрия) [сайт] – URL: <https://psylab.info> (дата обращения: 13.09.2024).
2. Методика «Q -сортировка» В. Стефансона [сайт] – URL: <https://psylab.info> (дата обращения: 13.09.2024).
3. Методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей

(Лозовая Г.В.) [сайт] – URL: http://gutorazvitie.ru/sites/default/files/documents/pav_sbornik_diagnosticheskikh_materialov.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

4. Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд [сайт] – URL: <https://psylab.info> (дата обращения: 13.09.2024).

5. Сабельникова Н.В. и др. Русскоязычная версия Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга //Психологический журнал, 2023. – Т.44. – №2. – С. 89 – 104.

6. Уайнхолд Б. К., Уайнхолд Дж. Б. Бегство от близости. избавление ваших отношений от контрзависимости – другой стороны созависимости [пер. с англ. Шепелевой Е. Э.], 2011. – 528 с. – ISBN 978-5-9573-1880-4.

Связь субъектности, жизнестойкости и уровня правосознания у лиц юношеского возраста

Иванова В.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В условиях жизни в современном обществе, включающих особенности политической, экономической сферы, а также высокую степень неопределенности и информационную перегрузку, человек сталкивается с необходимостью сохранять устойчивость, активность в различных сферах жизни в условиях стресса. Становится особенно важным рассмотрение таких характеристик, как субъектность, жизнестойкость и правосознание личности, которые позволяют достигать полноценного развития личности и выстраивать эффективное взаимодействие с обществом. При этом особенно важным оказывается становление данных феноменов в период юношеского возраста, который сопровождается значительным увеличением степени личной активности человека из-за чего становится сензитивным периодом для развития субъектности, жизнестойкости и правосознания (Слободчиков В.И., 2000).

Субъектность выступает качеством личности, отражающим способность становиться источником собственной активности, направленной на преобразование себя и окружающего мира (Ленглер О.А., 2012). Проанализировав научную литературу, было замечено, что наиболее часто выделяемыми компонентами субъектности является активность, личностная автономия, ответственность, рефлексивность, интернальный контроль и признание своей и чужой уникальности (Исаков М.В., 2008).

Другим исследуемым понятием становится жизнестойкость, которая согласно С. Мадди, отражает систему убеждений и установок человека, которые позволяют ему оставаться активным и препятствует негативным последствиям стресса. Так, основными компонентами жизнестойкости выделяется вовлеченность, контроль и принятие риска, которые отражают жизнестойкие убеждения (Maddi S.R., 2005).

Основываясь на работах А.Р. Ратинова, правосознание можно определить как часть сознания, которая отражает правовую действительность в форме юридических знаний и умений ими пользоваться, оценочных отношений к праву, правовых установок, регулирующих человеческое поведение в правозначащих ситуациях. В работах О.А. Гулевич структуру правосознания составляют аттитюды по отношению к закону, преступнику и преступлениям, наказаниям и работникам правовых институтов (Гулевич О.А., 2003).

В настоящее время совместный анализ, исследующий связи между данными феноменами, остается недостаточно представленным в психологии. Так, нами было проведено исследование, целью которого было выявление и описание связи между уровнем субъектности, жизнестойкости и правосознания у лиц юношеского возраста.

Гипотезой исследования является предположение о наличии связи между субъектностью, жизнестойкостью и уровнем правосознания у лиц юношеского возраста, а именно:

1. Существует прямая связь между уровнем субъектности и уровнем жизнестойкости у лиц юношеского возраста.
2. Существует прямая связь между уровнем субъектности и уровнем правосознания у лиц юношеского возраста.
3. Существует прямая связь между уровнем жизнестойкости и уровнем правосознания у лиц юношеского возраста.

Выборку исследования составили 60 человек в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст - 20 лет). Разделение по половому признаку составило: 15 мужчин (25%) и 45 женщин (75%).

В ходе проведения исследования были применены следующие методы и методики: опросник «Уровень развития субъектности личности» М.А. Щукиной, методика «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева), методика «Тест правового и гражданского сознания» Л.А. Ясюковой, а также использовался качественный анализ описанных респондентами ситуаций, в которых они справлялись с юридически значимой для них ситуацией вместе с ответами на смоделированные правозначающие ситуации. Математический анализ данных осуществлялся с помощью программы IBM SPSS Statistics 20, для выявления корреляционных связей использовался критерий Спирмена.

Так, была выявлена сильная прямая связь между субъектностью и жизнестойкостью ($r=0,879$, $p=<0,001$), т. е. при увеличении одного из феноменов другой также увеличивается, и наоборот. Можно говорить о том, что способность к осуществлению преобразовательной активности прямо сопряжена со способностью индивида сохранять устойчивость в условиях стрессовых ситуаций. Становится возможным предположить, что личность, обладающая субъектной позицией, ответственностью, автономностью, осознанным подходом к регуляции своей деятельности, будет проявлять себя более эффективно в стрессовых ситуациях, т. к. по отношению к ним не будет оказываться в состоянии жертвы обстоятельств, а присваивать себе авторство над выстраиванием своего уникального жизненного пути, воспринимая трудные жизненные ситуации как вызовы.

Кроме того, были выявлены прямые значимые связи между субъектностью и шкалами жизнестойкости: «Вовлеченность», «Контроль» и «Принятие риска». Связи аналогичного характера также были выявлены между жизнестойкостью и шкалами субъектности: «Активность», «Автономность», «Целостность», «Опосредованность», «Креативность», «Самоценность». Вероятно, что внутренний источник контроля и активности, признание своей уникальности, вовлеченность в настоящую переживаемую действительность становятся ключевыми характеристиками, позволяющими сохранять свою целостность и продуктивность деятельности в трудных жизненных ситуациях.

При этом значимой связи между субъектностью и правосознанием, а также между жизнестойкостью и правосознанием выявлена не была. Может быть высказано предположение о том, что в юношеском возрасте, являющимся переходным этапом, на котором происходит становление исследуемых феноменов, становление субъектности и жизнестойкости протекает еще независимо от уровня правосознания. Это также дает возможность для более детального исследования особенностей развития правосознания и методов для его осуществления.

Таким образом, становится возможным отметить, что для лиц юношеского возраста характерен средний уровень развития субъектности, жизнестойкости и правосознания, что соответствует возрастным особенностям данного периода, и обуславливается увеличивающейся долей самостоятельной активности, позволяющей перейти от детства к взрослости. При этом выявлена тенденция к тому, что человек, способный становиться источником своей внутренней преобразовательной активности, в большей мере становится способным выдерживать неблагоприятные жизненные обстоятельства, сохранять свою целостность и авторскую позицию в контексте своей жизнедеятельности.

Гипотеза о наличии прямой связи между субъектностью и жизнестойкостью получила свое эмпирическое подтверждение. Полученные данные могут быть использованы для разработки программ, нацеленных на развитие жизнестойкости, ответственности и активной жизненной позиции, в сфере психолого-педагогического сопровождения лиц юношеского возраста.

Литература

1. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация: (аналитический обзор): учеб. пособие для вузов. – М.: Международное общество им. Л. С. Выготского, 2003. – 273 с.
2. Исаков М.В. Показатели и структура субъектности: на материале становления профессиональной субъектности у студентов вузов : дис. ... канд. психол. наук / Исаков М.В. – Москва, 2008. – 242 с.
3. Ленглер О.А. Субъектность человека: психолого-педагогические основы // Молодой ученый. – 2012. – № 11 (46). – URL: <https://moluch.ru/archive/46/5654/> (дата обращения: 07.03.2025).
4. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. – Москва: Школьная пресса, – 2000. – 416 с.
5. Maddi S.R. On hardness and other pathways to resilience / American Psychology. – 2005. – 60 (3). – P. 261–265.

Проблема профессионального самоопределения подростков в контексте их личностных характеристик

Каримова В.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

В современных условиях усиливается необходимость раннего профессионального самоопределения подростков, однако многие школьники делают выбор профессии под влиянием внешних факторов, не учитывая собственные личностные особенности. Целью настоящего исследования стало выявление степени соответствия между профессиональными предпочтениями подростков и их индивидуальными психологическими характеристиками. Предметом исследования выступает соотношение личностных качеств и профессиональных предпочтений у подростков. Актуальность работы обусловлена растущей потребностью в адресной профориентационной

поддержке школьников, а также значением профориентационной деятельности как эффективного инструмента профилактики девиантного поведения, способствующего формированию ответственности, мотивации к обучению и осознанного выбора жизненного пути.

Исследование проводилось на базе государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа 444». Выборку составили учащихся 6-го класса, возраст которых составляет 12–13 лет. Общее число участников — 47 человек. Подростки обучаются в условиях дифференцированного образовательного процесса, что предполагает наличие различных образовательных профилей, соответствующих разным областям профессиональной деятельности. Участники заполняли специальную анкету, включающую вопросы о возрасте, поле, увлечениях, любимых и нелюбимых школьных предметах, а также выбранной профессии и их профиля обучения в средней школе. Подросткам предлагалось указать, какой учебный профиль они выбрали (медицинский, социально-экономический, ИТ, инженерный, обычный класс).

Для эмпирического анализа использованы диагностические методики: рисунок «Кем я хочу стать, когда вырасту?», пятифакторный опросник личности» («Большая пятерка») в адаптации А.Б. Хромова, тест Дж. Голланда в модификации Г. В. Резапкиной, а также методика диагностики мотивации профессиональной деятельности К. Замфира (в адаптации А. А. Реана).

На основе концепции Э. Ф. Зеера проведена интерпретация полученных данных. Согласно его подходу, профессионально важные качества (ПВК) включают в себя психологические характеристики личности, которые определяют успешность и эффективность профессиональной деятельности (Зеер Э.Ф., 1999). Основываясь на его концепции, мы провели сопоставление личностных характеристик подростков с их профессиональными предпочтениями. Анализ показал, что значительная часть подростков демонстрирует несоответствие между своими личностными качествами и выбранным профессиональным направлением. Это указывает на необходимость дальнейшей работы по профориентации, чтобы помочь подросткам лучше осознать свои сильные стороны и выбрать профессию, максимально соответствующую их личным качествам и склонностям.

Результаты показали, что лишь у 42% подростков профессиональные предпочтения полностью соответствуют их личностным особенностям. Это означает, что эти ребята выбрали профессию, которая наилучшим образом соответствует их интересам, способностям и чертам характера. У 13% выявлено частичное соответствие, возможно, эти подростки еще находятся в процессе поиска себя или испытывают сомнения относительно своего выбора. Частичное

соответствие может свидетельствовать о том, что профессия выбрана скорее под влиянием внешних факторов (например, давление родителей, популярность профессии), нежели исходя из внутренних предпочтений. У 45% — полное несоответствие, что указывает на необходимость усиления работы по профессиональному самоопределению. Например, девушка мечтает стать актрисой, однако результаты диагностики показывают несоответствие ее личностных качеств выбранной профессии. У девушки низкий уровень экстраверсии, выраженная обособленность, склонность к импульсивности и эмоциональной неустойчивости, а также преобладание практичности над экспрессивностью. При этом выявлен офисный и реалистичный тип личности, что указывает на предпочтение стабильной, структурированной деятельности, далёкой от творческой сферы. Такое расхождение говорит о риске профессиональной неудовлетворённости и подчеркивает необходимость целенаправленной профориентационной поддержки. Это тревожный сигнал, который может указывать на проблемы с самоидентификацией, недостаточную осведомленность о собственных интересах и склонностях либо же сильное влияние внешних обстоятельств (социальное давление, стереотипы). Несоответствие может привести к неудовлетворенности будущей работой и снижению мотивации.

Также диагностированы преобладание внешней положительной мотивации профессиональной деятельности. Почти половина подростков руководствуются внешними положительными стимулами. Это говорит о важности материальных и социальных выгод в выборе профессии, что является характерной чертой современного общества. Несмотря на меньший процент, наличие внутренне мотивированных людей свидетельствует о наличии интереса к самим процессам труда и развитию, что положительно сказывается на долгосрочной приверженности выбранной профессии. Значительная доля подростков действует под давлением страха неудачи или наказаний. Этот факт требует особого внимания, так как такие мотивы могут снижать эффективность и приводить к эмоциальному дискомфорту.

Полученные результаты подтверждают важность системного подхода к профориентации в школьной среде. На основании анализа проведенных исследований и полученных данных были разработаны комплексные рекомендации, направленные на улучшение ситуации с профессиональным самоопределением подростков. Также была разработана программа психокоррекции для учащихся общеобразовательных школ, направленная на содействие подросткам в осознании своих профессиональных склонностей и выборе профессии, соответствующей их личностному потенциалу. Благодаря ей учащиеся смогут точнее оценить свои возможности и потребности, правильно

расставляя приоритеты в процессе выбора профессии. Кроме того, была подготовлена специальная памятка, содержащая рекомендации по выбору подходящей профессии. Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов в образовательных учреждениях для совершенствования профориентационной работы.

Литература

1. Зеер, Э. Ф. Психология профессий : учебное пособие для вузов / Э. Ф. Зеер. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного профессионально-педагогического университета. — 1999. — 280 с.

Возрастные особенности участников буллинга

Кириленко Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Буллинг представляет собой сложное социально-психологическое явление, особенности которого во многом определяются возрастом его участников. В данной работе рассматриваются ключевые возрастные аспекты буллинга – от дошкольного до юношеского периода – с анализом характерных форм, причин и последствий травли на каждом этапе развития личности.

Буллинг как социально-психологический феномен демонстрирует возрастную динамику проявлений, детерминированную психологическими и социальными особенностями участников. В дошкольном возрасте буллинг носит преимущественно импульсивный и эмоциональный характер, что контрастирует с более осознанными формами школьной травли (Шалагинова К.С., 2020). Младшие школьники проявляют агрессию преимущественно в неформальной среде (например, детские площадки), при этом гендерный анализ показывает преобладание мальчиков среди агрессоров (Марцинковская Т.Д., 2020). Подростковый период характеризуется максимальной распространностью буллинга, что объясняется процессами групповой динамики и становлением иерархических структур в коллективах. Особую проблему представляет кибербуллинг, отличающийся повышенной латентностью (Жарова Д.В., 2021). В юношеском возрасте сохраняется высокая распространенность травли (18-68% случаев) (Rospenda K.M., 2013), однако ее проявления приобретают более

изощренные формы (верbalная агрессия, психологическое давление). Эмпирические исследования подтверждают наличие корреляционной связи между буллингом и аддиктивным поведением в студенческой среде (Snodgrass M.A., 2024). Полученные данные свидетельствуют о необходимости разработки дифференцированных профилактических программ с учетом возрастной специфики участников образовательного процесса и обязательным вовлечением всех субъектов воспитательной системы.

В исследовании приняли участие 100 учащихся (62 юноши и 38 девушек) в возрасте 11-16 лет из ГБОУ Школы №2025 г. Москвы, разделённые на две возрастные группы: подростки (11-14 лет) и юноши (15-16 лет). Для исследования применялся индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик и опросник выявления буллинг-структуры Е.Г. Норкиной.

Результаты исследования индивидуально-типологических особенностей участников буллинга выявили существенные возрастные различия. Установлено, что подростки-агрессоры демонстрируют статистически значимо более высокие показатели экстраверсии ($M=15,73$; $SD=2,1$) по сравнению с юношеской группой ($M=13,43$; $SD=1,8$), а также повышенный уровень агрессивности ($M=16,12$; $SD=2,3$ против $M=13,1$; $SD=1,9$). В юношеской группе агрессоров отмечается преобладание таких характеристик, как спонтанность ($M=16,23$; $SD=2,4$), ригидность ($M=15,77$; $SD=2,0$) и эмоциональная лабильность ($M=16,13$; $SD=2,2$), что существенно превышает аналогичные показатели в контрольной выборке (соответственно $M=12,5$; $M=13,04$; $M=12,62$).

Анализ психологических особенностей жертв буллинга выявил у подростков парадоксальное сочетание высокой агрессивности ($M=20,0$; $SD=2,5$), тревожности ($M=20,69$; $SD=2,8$) и спонтанности ($M=18,73$; $SD=2,3$), формирующие специфический паттерн "жертва-агрессор". В отличие от подростковой группы, юноши-жертвы характеризуются выраженной экстраверсией ($M=19,9$; $SD=2,6$) при относительно низком уровне тревожности ($M=15,52$; $SD=2,1$).

Возрастные различия в личностных характеристиках участников буллинга проявляются следующим образом: если подростки, склонные к агрессии, отличаются выраженной экстраверсией и повышенной агрессивностью, то в юношеском возрасте агрессоры чаще демонстрируют ригидность установок и эмоциональную неустойчивость. Анализ психологических особенностей жертв показывает, что для подростков характерна комбинация высокой тревожности с импульсивностью поведения, тогда как жертвы юношеского возраста, напротив, склонны проявлять экстравертированные черты личности.

Полученные данные свидетельствуют о наличии устойчивых паттернов взаимосвязи личностных характеристик у участников буллинга. Полученные

результаты подчёркивают необходимость дифференцированного подхода к профилактике буллинга с учётом возрастных особенностей: для подростков акцент следует делать на развитии самоконтроля, для юношей – на регуляции эмоциональной сферы. Выявленные закономерности требуют дальнейшего изучения на более репрезентативных выборках с применением лонгитюдного дизайна исследований.

Литература

1. Жарова Д.В. Психологические особенности подросткового буллинга [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2021. – № 3. – С. 79-84.
2. Марцинковская Т.Д. Психология развития. - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2020. - 528 с.
3. Шалагинова К.С., Чилачава М.И. Предпосылки проявления буллинга в дошкольной образовательной организации как индикатор неблагополучия в детском коллективе // Концепт. – 2020. – № 6. – С. 164–169.
4. Rospenda K.M., Richman J.A., Wolff J.M., Burke L.A. Bullying victimization among college students: negative consequences for alcohol use [Электронный ресурс] // Journal of Addictive Diseases. – 2013. – Vol. 32, No. 4. – P. 294–306.
5. Snodgrass M.A., Smith, S.L., Gregus S. Understanding Children and Adolescents' Experiences Being Bullied: A Mixed-Methods Study [Электронный ресурс] / M.A. Snodgrass, S.L. Smith, S. Gregus // Trends in Psychology. – 2024. Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s43076-024-00385-0> (дата обращения: 11.04.2025).

Развитие наглядно-образного мышления у детей с расстройством аутистического спектра посредством игровой деятельности

Князева Ю.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Консультант – Куприянова Е.А.

Данная работа связана с актуальной областью научных исследований, посвящённой первичной психопрофилактике диагностируемых дефицитов по уровню сформированности наглядно-образного мышления у младших школьников с расстройством аутистического спектра, составляющего группу дополнительного мышления и закладывающего последующие этапы развития

мыслительных операций, а именно понятийный и логический интеллект, без которых затруднён переход учеников в общеобразовательное учебное заведение, так как социальные нормы и правила не осознаются или не принимаются в полной мере, то есть целью является успешная социализация и адаптация в обществе через интеграцию этой категории младших школьников и преодоление их социально-психологической дезадаптации.

Проведён анализ отечественных и зарубежных исследований, направленный на раскрытие психологического конструкта «наглядно-образное мышление», описаны особенности данного вида мыслительных операций с компонентным содержанием у лиц с расстройством аутистического спектра, специфика и возможности игровой составляющей в психоразвивающем контексте (Е. Р. Баенская, Р. Волкмар, М. М. Либлинг, О. С. Никольская). Определён уровень развития наглядно-образного мышления у детей младшего школьного возраста с расстройством аутистического спектра и у детей старшего дошкольного возраста с нейротипичным развитием при условии выравнивания групп по среднему возрасту психологического развития с помощью методик: «Разрезанные картинки» С.Д. Забрамной, «Времена года» С.Д. Забрамной (Забрамная С.Д., 1998; Забрамная С.Д., Боровик О.В., 2003), тест «Кубики Кооса» С. Кооса (Филимоненко Ю.И., Тимофеев В.И., 2021).

Цель работы заключается в разработке и адаптации с учётом возрастных и психологических особенностей игровой программы для повышения уровня наглядно-образного мышления у детей младшего школьного возраста с расстройством аутистического спектра.

Основная гипотеза заключается в предположении о том, что спроектированная и адаптированная с учётом возрастных и психологических особенностей игровая программа позволит повысить уровень развития наглядно-образного мышления у детей. В качестве дополнительных гипотез выделены следующие:

- После проведения специализированной игровой программы уровень развития наглядно-образного мышления у детей младшего школьного возраста с расстройством аутистического спектра повысится до уровня развития по их психологическому возрасту;

- У детей с нейротипичным развитием, принимающих участие в специализированной игровой деятельности, уровень развития наглядно-образного мышления станет выше, чем у детей той же возрастной группы с нейротипичным развитием, не участвующих в ней.

В проведённом исследовании выборку составили 60 респондентов: 36 мальчиков и 24 девочки, которые были определены в три группы:

- Экспериментальная группа – респонденты, имеющие спектр психологических характеристик, определяющих расстройство аутистического спектра, и принимающие участие в игровой деятельности, 20 человек (в возрасте от 7 до 11 лет): 13 мальчиков, 7 девочек. Средний возраст группы составил 9,2, а средний возраст психологического развития 5,1.

Экспериментальная группа респондентов младшего школьного возраста приравнивается к старшему дошкольному возрасту по среднему возрасту психологического развития, учитывая который были составлены контрольные группы.

- Контрольная группа 1 – респонденты с нейротипичным развитием, принимающие участие в игровой деятельности, 20 человек (в возрасте 5 лет): 12 мальчиков, 8 девочек. Средний возраст группы составил 5,5, а средний возраст психологического развития 5,4.

- Контрольная группа 2 – респонденты с нейротипичным развитием, не принимающие участие в игровой деятельности, 20 человек (в возрасте 4 - 5 лет): 9 мальчиков, 11 девочек. Средний возраст группы составил 5,7, а средний возраст психологического развития 5,3.

В результате анализа и интерпретации результатов с применением методов математической статистики, а именно по критерию знаковых рангов Уилкоксона для связных выборок, были получены следующие данные по выбранным психодиагностическим методикам:

После участия респондентов в игровой программе у детей младшего школьного возраста с расстройством аутистического спектра наблюдается достоверное повышение уровня применения навыков работы и выполнения действий в уме с визуально воспринимаемыми объектами, комбинаторного составления элементов, способностей к использованию навыков накопленных суждений и представлений об окружающем мире, выстраивания логических связей и восприятия образов как единой картины с использованием речевого компонента и умений пространственного восприятия предметной картины с помощью аналитических способностей и реализации деятельностных операций после проведения игровой деятельности, что демонстрирует уровень статистической значимости различий результатов первичного и повторного замеров по методике «Разрезанные картинки» $p < 0,001$, по методике «Времена года» $p = 0,002$, по тесту «Кубики Кооса» $p < 0,001$.

До проведения игровой программы не выявлено различий между старшими дошкольниками, определёнными в контрольную группу 1 и контрольную группу 2, показатели развития наглядно-образного мышления по трём методикам находятся на приближённо равном уровне, однако после участия в игровом взаимодействии были получены следующие результаты.

При анализе результатов до и после проведения формирующего эксперимента у старших дошкольников, принимавших участие в игровой программе, после её прохождения выявлен более высокий уровень развития наглядно – образного мышления, включая навыки комбинаторного составления элементов, целостного восприятия образов и установления между ними логических связей с использованием речевых конструктов, выполнения действий в уме с визуально воспринимаемыми объектами, в использовании личностных суждений о предметном мире. Значимость различий между результатами первичного и повторного замеров по методике «Разрезанные картинки» составила $p = 0,003$, по методике «Времена года» – $p=0,009$.

У старших дошкольников с нейротипичным развитием, не принимавших участие в игровой программе, не обнаружено значимых изменений в уровне развития наглядно-образного мышления, включая составные аспекты, в начале и в конце формирующего эксперимента, что может говорить об отсутствии значимых сдвигов в развитии данного вида мыслительных операций без воздействия дополнительного фактора: различия результатов первичного и повторного замеров не достигают уровня статистической значимости ($p > 0,05$): по методике «Разрезанные картинки» $p = 1,000$, по методике «Времена года» $p=0,796$, по тесту «Кубики Кооса» $p = 0,458$.

Таким образом, полученные результаты демонстрируют результативность разработанной с учётом возрастных и психологических особенностей детей игровой программы, направленной на психологическое развитие уровня сформированности наглядно-образного мышления.

Литература

1. Забрамная С.Д. От диагностики к развитию: Материалы для психолого-педагогического изучения детей в дошкольных учреждениях и начальных классах школ. Серия “Школа для всех”. – М.: Новая школа, 1998. – 144 с.
2. Забрамная С.Д., Боровик О.В. Практический материал для проведения психолого-педагогического обследования детей. Пособие для психолого-педагогических комиссий. – М.: Владос, 2003. – 118 с.
3. Филимоненко Ю.И., Тимофеев В.И. Тест Векслера детский вариант, измерение уровня развития интеллекта, методическое руководство.– Санкт-Петербург : ИМАТОН, 2021. – 106 с.

Связь самоотношения с уровнем одиночества и конфликтности у лиц подросткового возраста со склонностью к девиантному поведению

Кузовкина В.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Консультант – Дегтярев А.В.

В сложившихся условиях социальной нестабильности, информационной и эмоциональной перегрузки подростки претерпевают изменения в структуре отношения к собственной личности (самоотношения), и связанных с данным, феноменов одиночества и конфликтности, характерных для подросткового возраста, в связи с чем возрастает риск возникновения девиантных паттернов поведения, проявляющихся в различных формах. Однако, несмотря на очевидную взаимосвязь между структурой самоотношения и подростковой девиантностью, согласно анализу публикаций электронной научной библиотеки Elibrary.ru (РИНЦ), наблюдается дефицит современных научных работ, посвящённых данной проблематике. Существующие исследования зачастую не успевают отражать новые социальные реалии, что создаёт пробел в понимании особенностей формирования девиаций в подростковом возрасте, влекущих различные последствия в будущем.

Нами было проведено исследование, целью которого является выявление связи самоотношения с уровнем одиночества и конфликтности у подростков со склонностью к девиантному поведению.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют значимые различия в показателях самоотношения, уровне одиночества и конфликтности у подростков со склонностью к девиантному поведению и подростков, не склонных к девиантному поведению.

Характеристика материала исследования (выборка). Участие в исследования явилось добровольным, на базе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 1788». В исследовании приняли участие 100 человек (59 девочек, 41 мальчик) в возрасте от 11 до 15 лет (средний возраст – 13 лет).

В соответствии с результатами методики «Склонность к девиантному поведению» (СДП) Э.В. Леус, выборка была разделена на две группы. В экспериментальную группу вошли подростки, склонные к различным формам девиантного поведения – 50 человек (30 девочек, 20 мальчиков). В контрольную группу вошли подростки, не склонные к девиантному поведению (29 девочек, 21 мальчик).

Методики исследования. В данном исследовании с целью распределения респондентов в экспериментальную и контрольную группу была использована методика «Склонность к девиантному поведению» (СДП) Э.В. Леус (Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев, Р.В. Чиркина, А.В. Лаврик, 2017). Методики: Шкала одиночества «UCLA» Д. Расселла в модификации М. Фергюсона (Емельянов С.М., 2004), «Самооценка конфликтности» В.Ф. Ряховского (Райгородский Д.Я., 2004), тест-опросник «Самоотношение» В.В. Столина, С.Р. Пантилеева (Глуханюк Н.С., 2006). Для анализа данных были использованы методы математической статистики: t-критерий для независимых переменных; коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

По результатам исследования было выявлено, что подростки со склонностью к девиантному поведению обладают более высоким уровнем одиночества, характеризующегося недостатком социальных контактов, непониманием со стороны окружающих и сопутствующими негативными переживаниями. Было выявлено, что подростки, склонные к девиантному поведению, обладают более низким показателем глобального самоотношения ($p=0,05$), выражавшегося в значимо более низком уровне самоуважения, самоинтереса, аутосимпатии и склонности к самообвинению. Была выявлена обратная связь между показателем глобального самоотношения и уровнем одиночества у подростков, склонных к девиантному поведению ($r=-0,343$). Чем ниже показатель глобального самоотношения, тем выше уровень одиночества, выражющийся в недостатке социальных контактов, близких межличностных взаимоотношений и сопутствующих негативных переживаниях.

Было выявлено, что подростки, склонные к девиантному поведению, обладают более высоким уровнем конфликтности, чем подростки, не склонные к девиантному поведению ($p=0,05$). Данная тенденция может быть связана со множеством факторов, с одной стороны – склонностью к переживанию одиночества, которая может снижать мотивацию подростков к просоциальному поведению, в сочетании с отсутствием ожидания положительного отношения от окружающих, повышая вероятность конфликтных реакций. С другой стороны, предположительно, данный факт может интерпретироваться в контексте социально-психологических механизмов самоутверждения личности асоциальной направленности, согласно которому индивид сознательно идёт на эскалацию конфликта с целью завоевания уважения или укрепления собственного статуса в социальной группе.

Наша работа позволяет сделать вывод о том, что подростки с выраженной склонностью к девиантному поведению обладают более высоким уровнем конфликтности и более низким уровнем глобального самоотношения,

связанного с повышенным уровнем одиночества, выражавшегося в недостатке общения и коммуникативных связей. и более высоким уровнем одиночества и конфликтности. Таким образом, перспективы развития темы включают в себя дальнейшие исследования, направленные на уточнение особенностей самоотношения подростков, склонных к девиантному поведению и их связи с феноменами одиночества и конфликтности с целью более детального изучения данной темы в контексте развития современных подростков.

Литература

1. Глуханюк Н.С. Практикум по психодиагностике : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Н.С. Глуханюк. - 3-е издание, исправленное. - Воронеж : Московский психолого-социальный институт, 2006. - 207 с.
2. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев, Р.В. Чиркина, А.В. Лаврик, – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 198 с.
3. Райгородский Д.Я. Практическая психоdiagностика: Методы и тесты: учебное пособие – Самара: Издат. дом «Бахра-М», 2004. – 672 с.
4. С. М. Емельянов. Практикум по конфликтологии. СПб.: Питер, 2004.

Особенности психологического благополучия у старших дошкольников в ситуациях риска буллинга

Остапенко К.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г.
Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Явление буллинга представляет собой фактор риска психологического неблагополучия у детей старшего дошкольного возраста, поскольку он нарушает базовые потребности в безопасности, принятии и положительном социальном взаимодействии.

За проявлением травли может стоять множество факторов. Например, индивидуальные особенности ребенка-инициатора, стиль воспитания в семье и детском саду (Холодова О.Л., 2020; Терешкина И.Б., 2022). Буллинг часто

направлен против детей, которые отличаются от остальных внешне или по поведению (Шалагинова К.С., 2020).

Дошкольники, подвергающиеся травле, зачастую тревожны, зажаты, скромны, робки, молчаливы. Страх перед повторными актами агрессии может вызывать у них стремление к социальной изоляции (Чувашова А.Г., 2020). Психологически благополучные дети более выносливы к неблагоприятным факторам. Они могут быть вполне устойчивыми в ситуации буллинга (Матвеева О.Н., 2021).

В 2025 году нами было проведено исследование с целью описания особенностей психологического благополучия у старших дошкольников в ситуациях риска буллинга.

Мы предположили, что для детей старшего дошкольного возраста с риском буллинга характерны специфические особенности психологического благополучия, отличающиеся от особенностей психологического благополучия детей старшего дошкольного возраста без риска буллинга. Для детей старшего дошкольного возраста с риском буллинга характерно негативное эмоциональное состояние, высокий уровень тревожности и несформированность произвольных компонентов, а также низкий уровень представления ребенка о его взаимоотношениях с окружающими, о себе и своём месте в системе значимых для ребёнка социальных взаимодействий. Для детей старшего дошкольного возраста без риска буллинга характерно позитивное эмоциональное состояние, низкий уровень тревожности и сформированность произвольных компонентов, а также более высокий уровень представления ребенка о его взаимоотношениях с окружающими, о себе и своём месте в системе значимых для ребёнка социальных взаимодействий.

В исследовании приняли участие 48 детей в возрасте от 5 до 7 лет (средний возраст – 6 лет), являющихся воспитанниками дошкольного отделения МБОУ Столбовской СОШ городского округа Чехов Московской области. В выборку вошли 29 мальчиков (средний возраст 6 лет) и 19 девочек (средний возраст 6 лет).

Нами были использованы следующие методики: авторская социально-демографическая анкета; модифицированная методика «Буллинг» Д. Олвеуса; методика «Каков ребёнок во взаимоотношениях с окружающими людьми?» Р.С. Немова; методика «Особенности межличностных отношений» для детей в модификации Г.Р. Хузеевой; методика «Проективные рассказы» Е.В. Кучеровой; методика «Графический диктант» Д.Б. Эльконина; тест тревожности Р. Тэммпла В. Амена, М. Дорки, методика «Лесенка» В. Г. Щур.

В ходе исследования было выявлено, что для детей с риском буллинга в большей степени характерен деловой мотив общения. Ребенок выстраивает взаимодействие с окружающими преимущественно на основе внешней цели.

Такие дети склонны избегать широкого круга общения, не проявляют инициативу, потому что боятся быть отвергнутыми, не стремятся к лидерству и предпочитают подчинённую позицию. Это делает их уязвимыми к доминированию со стороны более активных детей, особенно в условиях, где взрослые не всегда замечают такие тенденции. Их реакция на отвержение – обида, уход, жалобы – говорит о недостатке адаптивных стратегий преодоления конфликтов. Это может способствовать формированию репутации «плачущего», «обидчивого» ребенка, что, в свою очередь, провоцирует риск буллинга.

Отношения со взрослыми также могут быть напряжёнными: часто проявляется сопротивление. Несмотря на это, у большинства детей отмечается адекватная самооценка, что может рассматриваться как потенциальный ресурс.

Средний уровень развитости межличностных отношений и коммуникативных качеств указывает на наличие базовых навыков, но недостаточную способность эффективно их применять. Это может мешать детям успешно взаимодействовать в группе, вступать в переговоры, отстаивать свои интересы, а значит – защищать себя. Обнаруженные негативные эмоциональные состояния говорят о внутреннем напряжении, которое снижает гибкость поведения. Установленный средний уровень тревожности отражает умеренные сложности в приспособлении к социальным ситуациям.

У детей старшего дошкольного возраста без риска буллинга наблюдается высокий уровень психологического благополучия, что проявляется в позитивных межличностных отношениях и эмоциональной устойчивости. Ведущий мотив общения – игровой, что характерно для данного возраста.

Отношения со сверстниками у детей положительные. Они готовы помочь другим и рассчитывают на помощь в ответ. Такие дети стремятся к расширению круга общения, проявляют автономность, берут на себя ответственность, способны к самостоятельным решениям. В ситуациях отвержения выбирают конструктивные стратегии (договариваются, организуют свою игру). Это подтверждается развитыми навыками саморегуляции.

Нами было установлено, что взаимодействие со взрослыми строится на сотрудничестве и доверии. Коммуникативные навыки хорошо развиты, ребенок легко включается в общение, проявляет инициативу и гибкость.

У таких детей преобладают позитивные эмоциональные состояния. Низкий уровень тревожности подтверждает адаптированность ребенка к социальной среде.

Характерная для них адекватная самооценка свидетельствует о реалистичном восприятии себя. В совокупности все эти факторы создают устойчивую основу для гармоничного развития ребенка и снижают вероятность вовлеченности в буллинг.

Психологическое благополучие детей с риском буллинга в целом нельзя охарактеризовать как устойчивое или полноценное. Несмотря на наличие отдельных позитивных показателей, выявленные особенности указывают на сниженный уровень психологического благополучия. Таким образом, совокупность наблюдаемых характеристик может способствовать включённости ребенка в буллинговые сценарии в качестве жертвы. Дети без риска буллинга демонстрируют высокий уровень психологического благополучия: они эмоционально устойчивы, уверены в себе, успешно взаимодействуют со сверстниками и взрослыми. У них сформированы ключевые навыки саморегуляции, сотрудничества и позитивного отношения к себе и окружающим.

Литература

1. Матвеева О. Н. Факторы, определяющие эмоционально-личностное благополучие детей 6-7 лет // Форум молодых ученых. – 2021. – №12 (64). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-opredelyayuschie-emotsionalno-lichnostnoe-blagopoluchie-detey-6-7-let>
2. Терешкина И.Б., Гусева Ю.Е., Семенова Г.В. Буллинг. Специфика проявления в детском саду // Дошкольное воспитание. – 2022. - №10. – С. 43-51.
3. Холодова О.Л., Логинова Л.В. Факторы эмоционального благополучия старших дошкольников: обзор современных исследований // Современное дошкольное образование. – 2020. – №4 (100). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-emotsionalnogo-blagopoluchiya-starshih-doshkolnikov-obzor-sovremennoy-issledovaniy>
4. Чувашова А.Г., Конарева И.Н. Представления о психологическом благополучии детей дошкольного возраста в контексте культурно-деятельностной парадигмы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2020. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-psihologicheskem-blagopoluchii-detey-doshkolnogo-vozrasta-v-kontekste-kulturno-deyatelностnoy-paradigmy>
5. Шалагинова К.С., Чилачава М.К. Предпосылки проявления буллинга в дошкольной образовательной организации как индикатор неблагополучия в детском коллективе // МНИЖ. – 2020. – №6-2 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-proyavleniya-bullinga-v-doshkolnoy-obrazovatelnoy-organizatsii-kak-indikator-neblagopoluchiya-v-detskom-kollektive>

Социальная адаптация и профориентация подростков с академической одаренностью

Отрыванова Е.Л.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Академическая одаренность представляет собой особый вид общей одаренности, характеризующийся комплексным набором психологических и когнитивных особенностей. Этот феномен проявляется в выраженных способностях к обучению, умении самостоятельно получать знания, критическом мышлении и высокой познавательной мотивации. Важно отметить, что академическая одаренность может проявляться как в общем высоком уровне обучаемости, так и в выдающихся способностях в отдельных областях знаний (Лейтес Н.С., 2000).

Профессиональный потенциал академически одаренных подростков базируется на их уникальных когнитивных способностях. Они не только быстро воспринимают новую информацию, но и качественно её обрабатывают и анализируют. Это создает хорошую основу для развития в профессиональной сфере и возможность стать высококлассными специалистами в выбранной сфере деятельности.

Психологические особенности социальной адаптации подростков с академической одаренностью требуют особого внимания. Их ключевой спецификой является дисбаланс между интеллектуальным и социальным развитием. Подростки с академической одаренностью отличаются особой эмоциональной чувствительностью и уязвимостью, поэтому им особенно важна поддержка и понимание со стороны окружающих, признание их уникальности.

Одаренные подростки часто испытывают трудности в построении межличностных отношений со сверстниками. Они могут воспринимать общение с обычными сверстниками как скучное, недостаточно содержательное и не соответствующее их интеллектуальным запросам (Савенков А.И., 2024). Однако в условиях жесткой конкуренции среди сверстников с сопоставимыми способностями у некоторых одаренных подростков формируется так называемый «кризис мотива достижений» – состояние, при котором личностная рефлексия начинает доминировать над интеллектуальной (Яковлев Б.П., Банщиков А.Г., 2021). Это выражается в потере интереса к учебе и снижении внутренней мотивации, вызванном завышенными ожиданиями и давлением извне. Такие изменения могут привести к апатии, замкнутости или конфликтам

– формам девиантного поведения. Часто подростки воспринимают временные неудачи как признак исчерпания своих возможностей, что ведет к значительному снижению мотивации, в некоторых случаях – к регрессу одаренности до среднего уровня (Савенков, А.И., 2024).

В условиях высокой конкуренции и давления внешних ожиданий у одаренных подростков может развиваться аддиктивное поведение, в частности, трудоголизм. Это проявляется как патологическая зависимость от работы или учебы, когда подросток чрезмерно погружается в учебную деятельность, пытаясь компенсировать, в том числе, внутренние конфликты, страхи и неуверенность (Романчева С.С., Бусарова О.Р., 2024). Такая аддикция может привести к эмоциональному выгоранию, снижению продуктивности и значительному ухудшению психоэмоционального состояния.

В своей работе Б.П. Яковлев и А.Г. Банщиков отмечают, что «воздействие на организм человека любого неблагоприятного фактора усиливается, если такое влияние воспринимается как неизбежное, неуправляемое, неизменное. Это в большой мере относится к комплексу школьных факторов риска, которые ребенок не в силах изменить, минимизировать или исключить. Опасность влияния стресс-факторов риска усиливается и тем, что их воздействия на рост, развитие и состояние здоровья детей проявляются не сразу, аккумулируются (накапливаются) в течение нескольких лет. Кроме того, микро-симптоматика этих нарушений не привлекает внимание педагогов и родителей до тех пор, пока они не переходят в выраженную патологию» (Яковлев Б.П., Банщиков А.Г., 2021). Из этого следует, что всем вышеописанным состояниям требуется системный профилактический подход.

При профессиональной ориентации подростки с академической одаренностью часто демонстрируют высокий уровень профессиональной идентичности, однако могут испытывать трудности в выборе конкретной специализации из-за широты интересов и способностей. Важно помочь им сформировать реалистичные карьерные цели и постепенно адаптироваться к будущей профессиональной деятельности.

Психологическая подготовка к профессиональной деятельности подростков с академической одаренностью должна включать развитие навыков саморегуляции, стрессоустойчивости, профессиональной коммуникации и работы в команде. Необходимо формировать у подростков понимание того, что высокий интеллект – это лишь один из компонентов профессиональной успешности. Не менее значимыми являются целеустремленность, способность к самоорганизации, креативное мышление и развитые коммуникативные навыки, которые требуют целенаправленного развития и формирования. Важно развивать у них способность к критическому мышлению, инновационному

подходу к решению профессиональных задач и непрерывному самообразованию.

Создание целостной системы поддержки включает работу не только с самими подростками, но и с их окружением – родителями, педагогами и наставниками. Только совместными усилиями специалистов разных профилей можно обеспечить успешную интеграцию одаренных подростков в высокопрофессиональное сообщество в будущем.

Система профессиональной поддержки подростков с академической одаренностью должна учитывать следующие аспекты:

- создание среды, насыщенной интеллектуальными стимулами и возможностями для общения с единомышленниками;
 - организация специализированных образовательных программ с учетом особенностей академически одаренных подростков;
 - развитие профессиональных компетенций через проектную деятельность и исследовательскую работу;
 - формирование навыков тайм-менеджмента и самоорганизации;
 - развитие эмоционального интеллекта и социальных навыков;
 - создание условий для профессионального наставничества
- (Белоусова А.К., Пищик В.Л., Мочалова Ю.В. и др., 2023)

Профессиональное развитие академически одаренных подростков представляет собой сложный процесс, требующий системного подхода и постоянной поддержки. Эффективная интеграция социальной адаптации и профориентационной работы может способствовать формированию психологической устойчивости, снижению рисков девиантного поведения и обеспечение полноценной самореализации подростков с академической одаренностью.

Литература

1. Белоусова А.К., Пищик В.Л., Мочалова Ю.В. и др. Организационная психология. Часть 2: аспирантура, бакалавриат, магистратура, специалитет : учебник / Под ред. И. В. Абакумовой. – Москва : КноРус, 2023. – 296 с. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.litres.ru/book/alla-konstantinovna/organizacionnaya-psihologiya-chast-2-aspirantura-baka-71955751/> (дата обращения: 06.05.2025).
2. Лейтес Н.С. Возрастная одаренность школьников / Н.С. Лейтес. - М.: Академия, 2000. - 320 с.
3. Романчева С.С., Бусарова О.Р. (2024). Особенности склонности к аддикциям и эмоционального интеллекта у выпускников физико-математических классов. Психология и право, 14(4), 232–246. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024000003>.

4. Савенков А.И. Психология детской одаренности : учебник и практикум для вузов – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 337 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16952-8.

5. Яковлев Б.П., Банщиков А.Г. Психологический кризис и психическая нагрузка одарённых детей в условиях образовательного процесса [Электронный ресурс] – Москва, 2021. – 232 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiy-krizis-i-psihicheskaya-nagruzka-odarennyh-detey-v-usloviyah-obrazovatelnogo-protsessa/viewer> (дата обращения: 13.05.2025).

Методические основания исследования ценностно-смысловой сферы у подростков и молодых взрослых с химической зависимостью

Павлова М.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Актуальность исследования личности зависимых, в частности, их ценностно-смысловой сферы, с одной стороны, формируется из необходимости установления аномальных изменений структуры личности для анализа последствий зависимости в целом. С другой стороны, регулятивные характеристики ценностно-смысловой сферы могут играть важную роль для реабилитации пациентов с химическими зависимостями и достижения качественной, длительной ремиссии.

Исследование ценностей и смыслов встречает несколько проблем в виде социальной желательности, их частичной неосознаваемости, большого количества случайных ответов в ситуациях закрытого выбора в опросниках (Гарванова М.З., 2014, Леонтьев Д.А., 1998). С учетом этой проблемы представим методические основы, примененные в исследовании ценностно-смысловой сферы у подростков и молодых взрослых с химической зависимостью. Психодиагностический инструментарий исследования составили:

1. ЦТО в психосемантической модификации (Дозорцева Е.Г., 2004);
2. Методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева (Леонтьев Д.А., 1999);
3. Модифицированная методика М. Рокича (Карелин А.А., 2007).

Первой обследуемым предлагалась методика ЦТО в психосемантической модификации. Методика представляет собой цветоассоциативный эксперимент

на основе восьмицветового теста Люшера и позволяет устанавливать как осознаваемое, так и частично неосознаваемое отношение к различным смысловым категориям, выраженным в стимульном материале. После дважды разложенного набора цветовых карточек испытуемому предлагается по внутреннему ощущению соотнести цвета с последовательно озвучиваемым экспериментатором стимульным материалом: набором слов и фраз, описывающих те или иные сферы жизни. Стимульный материал образуют как общие, характерные для исследуемых возрастных групп стимулы, так и специфичные, связанные с зависимостью. Результаты цветоассоциативной методики могут быть проанализированы с помощью корреляционного и кластерного анализа, что позволяет установить корреляционные связи между понятиями и особенности смысловой сферы за счет группирования понятий в комплексы смыслов.

Следующей предлагалась методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева, где респонденту задается вопрос: «Зачем людям...?» с продолжением в виде простой формулировки того или иного дела. Далее вопрос многократно повторяется к данным испытуемым ответам до того момента, пока цепь не дойдет до предельного смысла, то есть к такому ответу, к которому вопрос «зачем» уже не находит продолжения. В нашей работе использовались два первичных вопроса, на основе чего и инструкция была представлена в два этапа:

«Я задам Вам вопрос, начиная со слова «зачем», Вам нужно отвечать так, чтобы Ваш ответ начинался со слова «чтобы». Вопрос звучит так: Зачем люди выходят из дома? Можете дать несколько ответов». У групп зависимых, в особенности у молодых взрослых, последствия заболевания нередко проявляются в виде когнитивного снижения, ослабления познавательной активности и быстрой истощаемости, что может приводить к утомлению и низкой продуктивности. Кроме того, результаты могут зависеть и от мотивации респондента на прохождение достаточно долгой процедуры исследования. В связи с указанными опасениями мы стремились максимально поддержать активность респондентов в процедуре обследования предложением дать несколько формулировок. Далее следовал второй этап инструкции:

«Теперь перейдем ко второму вопросу: Зачем люди употребляют психоактивные вещества? К ним в основном относят алкоголь, наркотики, никотин. Ответить также необходимо, начиная словом «чтобы». Можете дать несколько ответов». Далее процедура повторялась в том же порядке, что на первом этапе. Второй вопрос предположительно мог продемонстрировать большее осмысление испытуемыми основных групп специфичной сферы, связанной с употреблением алкоголя или наркотиков. Интерпретация

результатов проводилась с помощью структурного и контент-анализа смыслового древа.

Завершала психодиагностику модифицированная методика исследования ценностных ориентаций М. Рокича. Сперва список терминальных ценностей предъявлялся в форме опросника с оценкой каждого пункта по степени важности. Модификация была введена в качестве упрощения задачи пациентам с зависимостью и для более удобной обработки данных, позволяющей устанавливать корреляции в ответах испытуемых. Однако такой вариант процедуры может усиливать проявление социальной желательности и увеличивать число случайных ответов, в связи с чем после заполнения опросника обследуемым предлагался бланк со списком тех же ценностей и две дополнительные инструкции. В первой предлагалось определиться с тремя самыми важными и тремя самыми неважными ценностями, пронумеровав их на поле слева как «1,2,3» для важных, и «18,17,16» для неважных соответственно. В последней инструкции по такому же принципу необходимо отметить три ценности, на которые испытуемый опирался в жизни чаще всего, и три, на которые реже всего.

Методический инструментарий был подобран таким образом, чтобы хоть отчасти преодолеть барьеры исследования ценностно-смысловой сферы у подростков и молодых взрослых с химической зависимостью, отразить их отношение к различным смысловым категориям, оценить структуру и зрелость смысловой сферы, а также устойчивость ценностных ориентаций.

Литература

1. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением : монография. – Москва: Научно-исследовательский институт общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 2004. – 352 с.
2. Гарванова М.З., Гарванов И.Н. Исследование ценностей в современной психологии // III международная научная конференция «Современная психология». – Казань: Бук, 2014. – С. 5-20.
3. Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов. – Москва: Эксмо, 2007. – 416 с.
4. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1 – С. 13–25.
5. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС). – Москва: Смысл, 1999. – 36 с.

Коммуникативный тренинг как метод психологической коррекции созависимых отношений в юношеском возрасте

Погорелова А.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Л. Спенн и Дж. Л. Фишер определяют созависимость следующим образом: «Дисфункциональный способ взаимодействия с другими, характеризующийся чрезмерной сосредоточенностью на внешнем, отсутствием выражения собственных чувств и поиском личного смысла исключительно через отношения с другими людьми» (Spann L., Fischer J. L., 1990).

В юношестве данный феномен связан с характеристиками возрастного периода, а именно с формированием идентичности, стремлением найти себя и собственное место среди других.

В этом возрастном периоде навык построения гармоничных межличностных отношений находится на этапе развития. Эмоциональная насыщенность, присущая коммуникации юношей, конфликтность, а также дефицит умения конструктивно выстраивать межличностное общение обуславливают нестабильность во взаимодействии с социумом, тем самым делая юношей уязвимыми перед формированием созависимости.

Коммуникативный тренинг, выступающий методом психологической коррекции в юношеском возрасте, является частью системы психопрофилактики и рассматривается как средство укрепления личностных ресурсов (Петровская Л. А., 1989).

Целью настоящего исследования стало определение эффективности влияния коммуникативного тренинга на созависимость в отношениях в юношеском возрасте.

В исследовании приняли участие 53 респондента юношеского возраста (средний возраст 19,5 лет), студенты вузов г. Москвы. Их склонность к созависимости определялась на основании результатов методик «Тест на созависимость по Уайнхолду», «Тест на созависимость» (Дж. Фишер, Л. Спенн; адаптация В.Д. Москаленко). Вся выборка была разделена на две группы случайным образом, в контрольную группу вошли 29 человек (9 юношей 20 девушек), в экспериментальную – 24 человека (3 юноши и 21 девушка).

Оценка эффективности тренинга определялась посредством «Методики диагностики межличностных отношений» (Т. Лири) и вышеуказанных тестов.

Программа коммуникативного тренинга была построена на принципах гуманистического, личностно-ориентированного и деятельностного подходов. Работа в группе способствовала развитию навыков самораскрытия, рефлексии, эмпатии, осознанию и отстаиванию личных границ, а также навыков конструктивного взаимодействия.

На констатирующем этапе эксперимента сравнительный анализ показал, что значимых различий по показателям используемого инструментария не выявлено.

В ходе формирующего эксперимента было проведено сравнение уровня созависимости участников экспериментальной группы до и после участия в программе коммуникативных тренингов. Результаты анализа показали достоверные различия в результатах участников до и после коммуникативных тренингов по шкале созависимости Спенн-Фишер ($t(23) = 8,021$, $p < 0,001$), а также по шкале созависимости Уайнхолда ($W = 1,5$, $p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что уровень созависимости у испытуемых значительно снизился после прохождения коммуникативного тренинга.

Также были выявлены положительные сдвиги в показателях межличностных отношений у экспериментальной группы: по шкалам Я-реальный имеются значимые различия по таким стилям, как Зависимый ($t(23) = 4,496$, $p < 0,001$), Альтруистический ($t(23) = -3,620$, $p = 0,001$), Подчиняемый ($W = 18$, $p = 0,022$), Дружелюбный ($W = 177$, $p = 0,029$); по шкалам Я-идеальный - Авторитарный ($W = 18$, $p = 0,001$), Зависимый ($W = 3,5$, $p = 0,001$). Данный результат свидетельствует о том, что респонденты, принявшие участие в тренинге, приобрели навыки, которые позволили им ощущать себя более уверенно в процессе межличностного взаимодействия, свободнее выражать свои мысли и чувства, а также выстраивать конструктивное общение.

В контрольной группе значимых изменений в уровне созависимости не было зафиксировано ($W = 25$; $p = 0,022$). Также как и не было выявлено значимых различий в показателях межличностных отношений на втором этапе замера.

Следовательно, можно утверждать, что позитивные изменения в экспериментальной группе обусловлены влиянием реализованного коммуникативного тренинга, а не естественным развитием личности респондентов или внешними факторами.

Таким образом, коммуникативный тренинг продемонстрировал эффективность влияния по формированию психологической автономии и снижению склонности к созависимости у лиц юношеского возраста.

Результаты экспериментального исследования могут быть использованы для разработки программ по профилактике созависимого поведения в юношеском возрасте, направленных на повышение коммуникативных навыков

и формирование адекватной оценки себя и своей жизни, а также на развитие автономии юношей и девушек.

Литература

1. Петровская Л. А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. – Изд-во МГУ, 1989.
2. Spann L., Fischer J. L. Identifying co-dependency //The Counselor. – 1990. – Т. 8. – №. 27. – С. 27-31.

Склонность к интернет-зависимости и смысловая сфера старших школьников

Редька Я. Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гурина О. Д.

Анализ литературы, исследование опыта и научных разработок последних лет в контексте склонности к интернет-зависимости старших школьников показал, что наблюдается недостаток изученности и оценки специфики ценностно-смысловой сферы старшеклассников, склонных к интернет-зависимости. В этой связи нами была предпринята попытка выявить наличие данной склонности и дать характеристику ценностно-смысловой сферы старших школьников, обладающих ею.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей ценностно-смысловой сферы старших школьников с разным уровнем склонности к интернет-зависимости.

Гипотезы исследования:

1. У старших школьников с разным уровнем склонности к интернет-зависимости наблюдаются различия в предпочтаемых терминальных и инструментальных ценностных ориентациях: среди терминальных ценностей старшие школьники с низким риском возникновения интернет-зависимого поведения наиболее значимыми выбирают такие ценностные ориентации как активная деятельность жизни, свобода, творчество, а среди инструментальных – ответственность, самоконтроль, широта взглядов и смелость в отстаивании своего мнения;

2. Старшие школьники со склонностью к возникновению и сформированным и устойчивым интернет- зависимым поведением демонстрируют более низкий уровень осмыслинности жизни, выражаящийся

в отсутствии целей, веры в собственные силы, а также в неудовлетворенности жизнью, по сравнению со школьниками с минимальным риском возникновения интернет-зависимого поведения;

3. У старших школьников с разным уровнем склонности к интернет-зависимости наблюдаются различия в Я-концепции: старшие школьники с низким уровнем склонности к интернет-зависимости имеют интегрированную Я-концепцию, в то время как школьники со склонностью к возникновению и сформированным, устойчивым интернет- зависимым поведением имеют несогласованный, рассеянный образ Я.

В исследовании приняли участие 106 респондентов: 75 старшеклассников ГБОУ г. Москвы «Школа № 814» в возрасте от 16 до 18 лет (средний возраст – 16,89). Дополнительную выборку составил 31 старшеклассник МАОУ СШ № 17 г. Белогорск в возрасте от 16 до 18 лет (средний возраст – 17,19).

Методики исследования: Шкала интернет-зависимости Чена (шкала CIAS) (в адаптации В. Л. Малыгина); Методика изучения ясности «Я»-концепции (Дж. Кэмпбелл); Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Д. А. Леонтьев); Методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича.

По результатам «Шкалы интернет-зависимости Чена» старшеклассники были разделены на 3 группы: 31 респондент с минимальным риском возникновения интернет-зависимого поведения, 49 – со склонностью к возникновению интернет-зависимого поведения и 26 – со сформированным и устойчивым интернет- зависимым поведением. По «Методике изучения ясности «Я»-концепции (Дж. Кэмпбелл)» были выявлены статистически значимые различия между группой с минимальным риском возникновения интернет- зависимого поведения и группами со склонностью к возникновению ($p=0,04$) и со сформированным и устойчивым интернет- зависимым поведением ($p=0,003$). У старших школьников с низким уровнем склонности к возникновению интернет- зависимого поведения преобладает четкое и осознанное восприятие себя, они характеризуются способностью адекватно оценивать свои сильные и слабые стороны, в отличие от старших школьников со склонностью к возникновению и сформированным и устойчивым интернет- зависимым поведением. По «Тесту смысложизненных ориентаций (СЖО) (Д. А. Леонтьев)» нами также были выявлены статистически значимые различия. Старшие школьники с минимальным риском возникновения интернет- зависимого поведения демонстрируют более высокий уровень осмыслинности жизни, нежели старшие школьники со склонностью к возникновению ($p=0,015$) и сформированным и устойчивым интернет- зависимым поведением ($p=0,003$). По «Методике изучения ценностных ориентаций М. Рокича» также были выявлены статистически значимые различия. Так, между группами старших школьников с

минимальным риском возникновения интернет-зависимости и со сформированным и устойчивым интернет-зависимым поведением, наблюдаются различия в предпочтении таких терминальных ценностей как активная деятельность жизни ($p=0,001$), жизненная мудрость ($p=0,001$), познание ($p=0,019$), счастье других ($p=0,029$), развлечения ($p=0,001$) и счастливая семейная жизнь ($p=0,003$). Для старших школьников со сформированным и устойчивым интернет-зависимым поведением менее предпочтительными являются активная деятельность жизни, жизненная мудрость, познание и счастье других, а более предпочтительными для старших школьников с минимальным риском возникновения интернет-зависимости в свою очередь являются развлечения и счастливая семейная жизнь. Кроме того, в группах респондентов со склонностью к возникновению интернет-зависимого поведения и сформированным и устойчивым интернет- зависимым поведением также наблюдаются различия в предпочтаемых ценностных ориентациях. Старшие школьники со сформированным и устойчивым интернет- зависимым поведением меньшее предпочтение отдают таким ценностям как жизненная мудрость ($p=0,031$), любовь ($p=0,049$), познание ($p=0,001$) и счастье других ($p=0,039$), а респонденты со склонностью к формированию интернет- зависимого поведения менее предпочтительными считают материально обеспеченную жизнь ($p=0,049$), продуктивную жизнь ($p=0,048$), развлечения ($p=0,001$) и счастливую семейную жизнь ($p=0,039$). Также между данными группами наблюдается различие по предпочтению инструментальной ценности – воспитанность ($p=0,002$), старшие школьники со сформированным и устойчивым интернет- зависимым поведением отдают ей меньшее предпочтение. В остальном по предпочтению инструментальных ценностей значимых различий обнаружено не было.

Таким образом, в ходе исследования была частично подтверждена гипотеза № 1 и полностью подтвердились гипотезы № 2 и 3. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для разработки и обоснования психокоррекционных и профилактических программ работы с интернет- зависимым поведением.

Литература

1. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 1. – С. 90-100.
2. Егоров А.Ю. Особенности личности подростков с интернет- зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2005. – Т. 5. – № 2. – С. 20-27.

3. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 27-54.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
5. Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С. и др. Интернет- зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие. – М. МГМСУ. – 2011. – 32 с.
6. Учебно-методическое пособие «Риски в цифровой среде: диагностика, профилактика, коррекция». – М: АНО «Центр глобальной ИТ-кооперации», 2024. – 152 с.

Социально-психологический тренинг как способ работы с психологической суверенностью подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению

Ротко М.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Подростковый возраст – это период активного развития личности, характеризующийся эмоциональной нестабильностью, поиском идентичности и повышенной чувствительностью к внешним влияниям. Подростки, склонные к девиантному поведению, часто испытывают трудности в установлении и поддержании здоровых личных границ, что усугубляет их проблемы и приводит к конфликтам с окружающими (Чуйкова М.А., Разуваева Т.Н., Ковтун Ю.Ю., 2024).

Психологическая суверенность, понимаемая как способность человека сохранять автономию, защищать свои границы и чувствовать себя уверенно, становится важным ресурсом для подростков (Иванова Ю.В., 2023). Развитие суверенности может помочь им преодолеть внутренние конфликты, снизить уровень агрессии и сформировать более здоровые взаимоотношения с окружающими.

В рамках социально-психологических тренингов подростки получают возможность взаимодействовать со сверстниками в безопасной и поддерживающей среде, что способствует развитию социальных навыков, эмпатии и умения разрешать конфликты (Шпаков А. Э., Рябченко С., 2023).

Работа с психологической суверенностью подростков, склонных к отклоняющему поведению, может помочь не только конкретным юношам и девушкам, но имеет и общественное значение. Развитие у подростков навыков саморегуляции и уважения к себе и другим способствует снижению уровня агрессии, конфликтов и правонарушений в обществе (Mulaosmanovic N., Macanović N., Smolović V., 2023).

Целью нашего исследования было выявление и описание влияния социально-психологического тренинга на развитие психологической суверенности подростков, склонных к отклоняющему поведению. Основной гипотезой исследования послужило следующее предположение: социально-психологический тренинг способствует развитию психологической суверенности подростков со склонностью к отклоняющему поведению. Дополнительной гипотезой стало предположение, что участие в тренинге способствует снижению выраженности склонности подростков к отклоняющему поведению.

В качестве выборки были привлечены учащиеся двух 7-х классов ГБОУ Школа №507 г. Москва (52 человека в возрасте 12-14 лет). Один класс – 25 человек (11 девочек и 14 мальчиков) был отнесён к экспериментальной группе, которая принимала участие в тренингах, другой класс – 27 человек (14 девочек и 13 мальчиков) – стал контрольной группой, не принимавшей участие в тренингах. Методиками эмпирического исследования стали: опросник «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леус, А.Г. Соловьева (Методическое руководство..., 2017), опросник «Суверенность психологического пространства – 2010», С.К. Нартовой-Бочавер (С.К. Нартова-Бочавер, 2014). Для численной обработки данных мы использовали следующие **методы** математической статистики: U-критерий Манна-Уитни (для оценки исходных различий между группами) и критерий Вилкоксона (для сравнения результатов первого (до тренинга) и второго (после тренинга) тестирования в каждой группе). Исходные различия между экспериментальной и контрольной группами отсутствовали по всем изучаемым показателям отклоняющегося поведения и психологической суверенности ($p>0,05$).

После проведения тренинга (в его основу легли методические разработки Грецова А.Г. (2011) и программа «Круг сообщества» (Коновалов А.Ю., Путинцева Н.В., 2018)) подростки экспериментальной группы показали достоверно более высокие результаты по шкалам:

1. Суверенность физического тела ($p=0,031$), что указывает на снижение дискомфорта в отношении физического контакта.
2. Суверенность территории ($p=0,002$), что отражает возрастание чувства защищённости в своём пространстве.

3. Суверенность привычек ($p<0,001$), что говорит о росте способности самостоятельно организовывать собственный режим дня.

4. Выраженные изменения по общему показателю психологической суверенности ($p<0,001$) указывают на общее укрепление автономии и психологической устойчивости подростков.

5. По шкале суверенность вещей наблюдается тенденция к значимым изменениям ($p=0,088$), что можно рассматривать как потенциально положительный эффект тренинга, требующий дополнительного изучения в дальнейших исследованиях.

Таким образом, участие в тренинге способствовало росту психологической автономии подростков.

Проведение тренинга способствовало также снижению выраженности ряда форм отклоняющегося поведения в экспериментальной группе:

1. Снижение значений по шкале делинквентного поведения ($p=0,001$) указывает на эффективность тренингового воздействия в профилактике правонарушающего поведения у подростков.

2. Снижение показателей по шкале агрессивного поведения ($p=0,008$) свидетельствует о формировании более конструктивных стратегий реагирования в конфликтных ситуациях.

3. Снижение склонности к самоповреждающему поведению ($p=0,007$) может быть связано с повышением уровня поддерживающего социального взаимодействия, развитием навыков рефлексии в процессе групповой работы.

Отсутствие выраженных изменений по шкале зависимого поведения ($p=0,245$) может объясняться тем, что этот вид отклоняющегося поведения требует более длительного и целенаправленного вмешательства, чем было предусмотрено в рамках данного тренинга.

В контрольной группе отсутствовали выраженные изменения в различных аспектах психологической суверенности, что подтверждает, что изменения в экспериментальной группе могут быть обоснованно связаны с воздействием тренинговой программы, а не с естественными изменениями.

Таким образом, социально-психологический тренинг является эффективным средством профилактики девиантного поведения подростков через развитие психологической суверенности. На основе проведенного исследования были разработаны практические рекомендации, направленные на повышение уровня психологической суверенности подростков. Полученные данные могут использоваться в рамках работы школьных психологов, социальных педагогов, специалистов по профилактике девиантного поведения для формирования устойчивости подростков к негативным внешним влияниям.

Литература

1. Гречов А.Г. Тренинги развития с подростками: творчество, общение, самопознание – СПб. : Питер, 2011. – 416 с.
2. Иванова Ю.В. Границы как показатель суверенности психологического пространства личности //Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. – 2023. – Т. 4. – №. 3. – С. 109-113. – DOI: 10.54158/27132838_2023_4_3_109
3. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В.Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев, Р.В.Чиркина, А.В. Лаврик – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 198 с.
4. Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства-2010» //Психологический журнал. – 2014. – Т. 35. – №. 3. – С. 105-119.
5. Коновалов А.Ю., Путинцева Н.В. Круг сообщества // Каталог психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде. Методическое пособие для педагогов-психологов по материалам программ - лауреатов XIV Всероссийского конкурса лучших психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде – Москва, 2018. – С. 191-195.
6. Чуйкова М.А., Разуваева Т.Н., Ковтун Ю.Ю. Характеристики межличностных отношений подростков, склонных к различным формам девиантного поведения //Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №. 5 (143). – DOI: 10.60797/IRJ.2024.143.26
7. Шпаков А.Э., Рябченко С.С. Важность тренинга социальных навыков для подростков //Научные высказывания. – 2023. №22 (46). – С. 56-59. – URL:
https://nvjournal.ru/article/VAZhNOST_TRENINGA_SOTsIALNYH_NAVYKOV_DLJa PODROSTKOV (дата обращения: 05.05.2025).
8. Mulaosmanovic N., Macanović N., Smolović V. Social skills and aggressive behavior of adolescents //International Review. – 2023. – №. 1-2. – Pp. 33-38. – DOI: 10.5937/intrev2302042m

Оценка внушаемости и склонности к фантазированию у детей младшего школьного возраста

Свирина Е.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Показания несовершеннолетних, наделенных в рамках уголовного процесса процессуальным статусом свидетеля или потерпевшего, в некоторых обстоятельствах могут являться основным источником доказательств. Преступления на сексуальной почве против детей чрезвычайно трудно поддаются оценке, поскольку единственными доказательствами часто являются рассказы жертв и подозреваемых о расследуемых событиях (Boychuk T., 1991). Искажение информации, которое может проявляться вследствие повышенной внушаемости и склонности к фантазированию ребенка, способно повлиять на формирование доказательств, и, соответственно, на квалификацию совершенного в отношении несовершеннолетнего преступления.

У детей картина искажений свидетельских показаний может быть сложной (Дозорцева Е.Г., 2021). При проведении уголовно-процессуальных действий с несовершеннолетними необходимо учитывать внутренние и внешние факторы, влияющие на качество и объем предъявляемой информации. К первым относятся возрастные особенности детей младшего школьного возраста, а именно внушаемость, которая является нормативной индивидуально-психологической особенностью до подросткового возраста. Следовательно, вероятность предъявления информации, подвергнутой искажениям, выше у детей более младшего возраста. Одним из внешних факторов, влияющих на точность предъявляемых сведений и отсутствие в них искажений, является способ проведения допроса.

В настоящее время остро стоит проблема оценки надежности показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Однако методических средств определения повышенной внушаемости и склонности к фантазированию несовершеннолетних, участвующих в уголовном процессе, недостаточно. Таким образом, имеется необходимость разработки методики оценки внушаемости и склонности к фантазированию у несовершеннолетних, в частности, у детей младшего школьного возраста.

Рассматривая вопрос применения методических средств определения повышенной внушаемости и склонности к фантазированию у несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в зарубежных странах, следует

обратить внимание на шкалу внушаемости Гизли Гуджонссона, изначально разработанную с целью объективного измерения уязвимости или склонности людей к суггестивному воздействию и/или к даче ошибочных показаний при опросе.

Шкала внушаемости Г. Гуджонссона является широко используемым и хорошо изученным криминалистическим инструментом для измерения внушаемости при допросе (Gudjonsson G.H., 1997). Процедура проведения данной методики заключается в том, что человеку зачитывают вслух историю, после чего просят воспроизвести все, что он запомнил. Спустя 50 минут просят снова вспомнить предъявляемую ранее историю. После этого задаются 20 вопросов, имеющих отношение к предъявляемой ранее информации, 15 из которых вводят в заблуждение, а 5 являются нейтральными. Далее, после того как испытуемым были даны ответы, ему сообщают, что при ответе на вопросы он допустил ряд ошибок и нужно еще раз ответить на те же самые вопросы, чтобы улучшить результат. На основе ответов испытуемого рассчитывается общий балл внушаемости, который состоит из совокупности изменений в ответах после повторного воспроизведения вопросов и количества вопросов, вводящих в заблуждение, на которые испытуемый ответил неверно.

В связи с тем, что шкала Гуджонссона не рассчитана на работу с детьми, можно адаптировать ее для несовершеннолетних, используя те же методические приемы на доступном детям материале. Предлагается использовать более простой и понятный рассказ и сократить количество вопросов, представленных в методике, до 15 (10 вопросов из которых содержат недостоверные сведения, а 5 – являются нейтральными). Аналогичным образом может быть выполнена и вторая часть методики с внушающим воздействием экспериментатора. Внушаемость по отношению к провоцирующим вопросам оценивается в баллах от 0 до 10, где каждый балл отражает неправильный ответ на вопрос. Внушаемость под влиянием экспериментатора также рассчитывается в диапазоне от 0 до 15 баллов, где учитываются любые явные изменения в ответах на наводящие вопросы по сравнению с предыдущим испытанием. Склонность к фантазированию в модифицированной методике оценивается посредством фиксации искажений информации и привнесений при свободном изложении текста. В настоящее время нами проводится экспериментальная работа для адаптации описанной методики.

На основании предложенных методических разработок по выявлению и оценке внушаемости и склонности к фантазированию могут быть дополнены рекомендации по тактике проведения процессуальных действий с участием несовершеннолетних, а также по опросу детей младшего школьного возраста в условиях следственной ситуации.

Литература

1. Boychuk T. Criteria-Based Content Analysis of children's statements about sexual abuse [Электронный ресурс]: A field-based validation study / Arizona State University // ProQuest Dissertations & Theses Global. Ann Arbor, 1991. 120 p.
2. Gudjonsson G.H. The Gudjonsson suggestibility scales manual. L.: Psychology Press, 1997.
3. Дозорцева Е.Г. Надежность свидетеля и его показаний в судебно-психологическом аспекте // Юридическая психология: вчера, сегодня, завтра (к 100-летию А.Р. Ратинова): сб. материалов круглого стола (Москва, 17 апр. 2020 г.) / под науч. ред. О.Д. Ситковской. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2021. – С. 88.

Индивидуально-психологические особенности и склонность к отклоняющемуся поведению у представителей субкультуры квадроберов

Тарасенко Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Квадробинг представляет собой новую, недостаточно изученную субкультуру, которая быстро распространяется среди детей и подростков. Актуальность данного исследования обусловлена ростом популярности квадроберов, чья деятельность часто сопровождается риском и девиантным поведением. Недостаток знаний о психологических особенностях представителей этой субкультуры затрудняет понимание механизмов формирования их поведенческих стратегий.

Проблема заключается в сложности выявления взаимосвязи между индивидуально-психологическими аспектами и склонностью к нарушению социальных норм, что критично для профилактики негативных проявлений. Кроме того, феномен квадробинга остается малоизученным, и на январь 2025 года в базе данных ELIBRARY опубликовано лишь 7 статей по этой теме.

На сегодняшний день отсутствует единый подход к изучению молодежных субкультур, что привело к множеству теоретических подходов. К. Гелдер выделяет шесть классических подходов:

1. Субкультуры как побочное следствие капитализма, формирующиеся вне трудовой деятельности и сосредоточенные на досуге.
2. Субкультуры как «внеклассовое образование», акцентрирующее

внимание на личных интересах и игнорирующее социальную классификацию.

3. Субкультуры как территориальная идентичность, где общий физический простор становится ключевым элементом принадлежности.

4. Субкультуры как ответ на личностные кризисы и стремление к социальной интеграции.

5. Субкультуры как форма эскапизма, проявляющаяся через стиль, поведение и атрибуты.

6. Субкультуры как форма протesta против массовой культуры и способ преодоления социального отчуждения.

Эти подходы взаимодополняют друг друга, создавая основу для исследования субкультур и их взаимодействия с обществом (Саранцева М.Е., 2023).

Перейдём к раскрытию понятия такой новой субкультуры как квадробинг, что в переводе с латыни означает аэробика / движение на четырех конечностях. Психологи рассматривают квадробику как форму «вторичной идентификации», где подростки могут исследовать различные аспекты своей личности, используя маску квадробера как средство самовыражения (Gelder K.S., 2004).

Квадробика – это социальное явление, при котором, преимущественно подростки, подражают движениям и поведению животных, используя костюмы и маски, что воспринимается как субкультура, тренд или форма неформального спорта

Квадробинг стал специфическим примером субкультуры, объединяющим подростков через самовыражение, борьбу со стрессом и желание избежать осуждения. Субкультуры, включая квадробинг, могут представлять риск из-за их влияния на самооценку, границы личности и адаптацию подростков. Важными психологическими аспектами изучения субкультур являются самоотношение подростков, их уровень адаптивности, понимание личных границ и потребности в самовыражении (Викулина Е.А., 2024).

Девиантное поведение, связанное с субкультурами, может проявляться в нарушении общественных норм, причинении вреда себе или окружающим, но при этом не связано с психической патологией. Квадробинг может рассматриваться как пример девиантного поведения, так как вызывает осуждение и негативные эмоции в обществе, а также участник данной субкультуры может навредить себе (Лепешев Д.В., Доскенова Д.А., Галкин Е.Е., Мамедов С.М., 2024).

Для нашего исследования в целях сбора социально-демографической информации об участниках, а также разделения на группы была создана авторская анкета.

Нами была подобрана батарея методик.

1. Роджерс К., Даймонд Р., адаптация Прихожан А.М. «Методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА)»;
2. Хартер С., адаптация Радиной Н.К. и Терещенковой Е.Ю. «Опросник самовосприятия подростков»;
3. Нартова-Бочавер С.К. «Опросник суверенности психологического пространства (СПП)»;
4. Леус Э.В., Соловьёв А.Г. «Тест склонности к девиантному поведению».

В исследовании приняли участие 112 респондентов.

После предварительной обработки данных выборку эмпирической части исследования составили 70 человек. С целью получения наиболее точной картины результатов исследования из группы «С1» случайным образом было исключено 4 участника, из группы «С2» – 2 человека для уравнивания групп.

1. Группа «С1» – лица, причисляющие себя к субкультуре квадроберов – 35 человек. Из них респондентов мужского пола – 11 чел. (в возрасте от 10 до 15 лет, средний возраст – 12 лет), респондентов женского пола - 24 чел. (в возрасте от 10 до 15 лет, средний возраст – 12 лет).

2. Группа «С2» – лица, не причисляющие себя к субкультуре квадроберов – 35 человек. Респондентов мужского пола – 17 чел. (в возрасте от 10 до 15 лет, средний возраст – 12 лет), респондентов женского пола - 18 чел. (в возрасте от 10 до 15 лет, средний возраст – 12 лет).

По результатам проведенного исследования из психологических особенностей членов субкультуры квадроберов были выделены следующие. Респонденты демонстрируют низкие способности к адаптации, а также испытывают значительные трудности в принятии социальных норм и правил. Несмотря на такие сложности, в группе «С1» наблюдается высокий уровень самопринятия и интернальный локус контроля. Это сочетание позволяет им с уверенностью утверждать свои взгляды на мир и защищать свои ценности. Такая уверенность не коррелирует с их социальными связями: подростки из группы «С1» имеют низкую самооценку в отношении своих ориентаций на соблюдение социальных норм, а также в показателях самоконтроля и чувства принадлежности к социальной группе. Кроме того, респонденты группы «С1» переживают состояние физической депривированности, что приводит к ощущению дискомфорта от прикосновений, запахов и любых форм тактильного взаимодействия. Эти аспекты нередко проявляются в нарушениях привычек и распорядка дня, в результате чего у подростков возникают дополнительные стрессовые факторы. Тем не менее, подростки из группы «С1» активно отстаивают свои взгляды и ценности, что указывает на их убежденность в правильности своего мировоззрения. Все вышеперечисленные особенности могут приводить к склонности к аутоаггрессивному поведению, подчеркивая

глубокую внутреннюю борьбу между стремлением быть принятым обществом и неготовностью отказаться от своего самобытного «я».

Литература

1. Викулина Е.А., Зимина Л.В. Квадробинг как психолого-педагогическая проблема современного мира // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 14 октября 2024 года. – Москва: ООО "Интернаука", 2024. – С. 17-21.
2. Лепешев Д.В., Доскенова Д.А., Галкин Е.Е., Мамедов С.М. Маска квадробера как проблема психологии личности // Наука и реальность. –2024. – № 4 (20). – С. 5– 12.
3. Саранцева М.Е. (Пост)субкультура: современные подходы к исследованию молодежных субкультур // Национальные культуры в межкультурной коммуникации : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф.,– Минск : БГУ, 2023. – С. 90-95.
4. Gelder K.S.: Cultural histories and social practice Edited: London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2006. –197 p.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Особенности учебной мотивации и отношения к учению у студентов со склонностью к академическому киберлафингу

Давыдкина М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Широкое распространение цифровых технологий стирает границы между виртуальным и реальным миром, между учебой/работой и развлечениями в сети. Ученики и студенты, имея под рукой смартфоны и иные гаджеты со свободным доступом в глобальную сеть Интернет, могут обращаться к онлайн-ресурсам прямо во время занятий и не всегда это происходит с целью решения поставленных педагогом задач. Термин «cyberloafing» появился в зарубежной научной литературе в начале 2000-х годов для описания нежелательного поведения сотрудников на рабочем месте. Данный факт побуждает исследователей рассматривать киберлафинг как вид непродуктивного поведения в профессиональной или академической среде.

В современных исследованиях авторы рассматривают академический киберлафинг как новую форму отклоняющегося (девиантного) поведения, обусловленного использование цифровых технологий и гаджетов, поскольку он представляет собой нарушение принятых в учебной среде норм и правил и приводит к ухудшению академических результатов у школьников и студентов (Сиврикова Н.В., 2024). Результаты исследований по влиянию на успеваемость неоднозначны, однако большинство из них демонстрируют негативные тенденции. Но несмотря на рост интереса к данной теме эмпирических исследований в области изучения академического киберлафинга в студенческой среде крайне мало.

Нами проведено исследование, целью которого является выявление и описание особенностей учебной мотивации у студентов высших учебных заведений со склонностью к академическому киберлафингу.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что у студентов со склонностью к академическому киберлафингу и без склонности к академическому киберлафингу существуют различия в уровне учебной мотивации, а именно:

1. Чем ниже уровень внутренней учебной мотивации и отношения к

учению, тем выше уровень склонности к академическому киберлафингу у студентов.

2. Чем выше уровень склонности к академическому киберлафингу, тем выше показатели по шкале академической амотивации у студентов.

В исследовании приняли участие 118 человек. Выборку составили 108 человек (42 юноши и 63 девушки) в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст респондентов – 21,6 лет). Все респонденты являются студентами высших учебных заведений (очная форма), расположенных на территории России. По результатам методики «Шкала киберлафинга Y. Akbulut в адаптации Н.В. Сивриковой» выборка была разделена на 2 группы: контрольная группа «К», в которую вошли студенты высших учебных заведений с низким уровнем склонности к академическому киберлафингу – 52 человека (17 мужчин и 35 женщин) и группа сравнения «С1», в которую вошли студенты высших учебных заведений с высоким уровнем склонности к академическому киберлафингу – 56 человек (25 юношей и 31 девушка). Участие в исследовании было добровольным, проводилось в онлайн-формате с использованием Google Forms, социальной сети «Вконтакте» и мессенджера «Telegram».

В исследовании применялась авторская анкета с тематическими вопросами, направленная на сбор социально-демографической информации о респондентах, и следующие методики: 1. Шкала киберлафинга Y. Akbulut, адаптация Н.В. Сивриковой (Сиврикова Н.В., 2024), 2. Опросник “Шкалы академической мотивации” Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осины (Гордеева Т.О., 2014), 3. Шкала «Отношения к учению у студентов ВУЗа» Ю.М. Орлова (Орлов Ю.М., 1984).

По результатам исследования была обнаружена положительная корреляция между общим уровнем склонности к академическому киберлафингу и шкалами экстернальной мотивации ($r= ,366^{**}$) и амотивации ($r= ,549^{**}$). В этом случае с повышением уровня склонности к академическому киберлафингу происходит утрата интереса к учебной деятельности, учебный процесс воспринимается как вынужденная мера, обусловленная необходимостью следовать требованиям, диктуемым социумом, студент учится, чтобы избежать возможных проблем, при этом потребность в автономии максимально фрустрируется. С повышением уровня склонности к академическому киберлафингу понижается познавательная мотивация ($r= -,568^{**}$), мотивация достижения ($r= -,553^{**}$) и мотивация саморазвития ($r= -,477^{**}$). Студенты, не склонные к академическому киберлафингу в большей мере стремятся узнать новое, понять изучаемый предмет, развивать свои способности и потенциал в учебной деятельности, стремятся добиться максимально высоких результатов в

учебе по сравнению со студентами, имеющими выраженную склонность к академическому киберлафингу.

Была выявлена отрицательная корреляция между отношением к учению и склонностью к различным видам академического киберлафинга ($p < 0,01$). Чем выше уровень склонности к академическому киберлафингу, тем ниже уровень отношения к учению у студентов ($r = -,647^{**}$). Студенты с высоким уровнем склонности к академическому киберлафингу показывают довольно низкую заинтересованность изучаемыми дисциплинами, часто отмечаются опоздания или пропуски лекций и семинаров, как следствие наличие долгов по учёбе или отработок, нежелание работать самостоятельно и вести конспекты или записи по ходу занятий. Напротив, студенты с низким уровнем склонности к академическому киберлафингу демонстрируют большую заинтересованность процессом учения и получением профильных знаний, реже отмечаются отвлечения по время занятий, студенты демонстрируют стремление работать самостоятельно, систематически, стараясь избегать академических задолженностей и отработок за пропуски занятий.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что у студентов со склонностью к академическому киберлафингу и без склонности к академическому киберлафингу существуют различия в уровне учебной мотивации, что подтверждает основную гипотезу исследования. Частная гипотеза №1 частично подтверждена, было выявлено, что с повышением уровня склонности к академическому киберлафингу снижаются показатели по таким шкалам внутренней мотивации как познавательная мотивация, мотивация достижения и мотивация саморазвития, а также снижается уровень отношения к учению. Однако в нашем исследовании связи между мотивацией самоуважения, которая также относится к одному из видов внутренней учебной мотивации и общим уровнем склонности к академическому киберлафингу найдено не было, при этом была найдена связь между мотивацией самоуважения и отвлечением студентов на просмотр и загрузку различного контента в сети ($r=-,245^*$) во время занятий и посещение игровых сайтов, спортивных сайтов ($r=-,194^*$). Частная гипотеза №2 была подтверждена ($r= 0,549^{**}$), студенты с высоким уровнем склонности к академическому киберлафингу в большей степени демонстрируют отсутствие интереса и ощущения осмыслинности учебной деятельности.

Согласно результатам зарубежных исследований киберлафинг не связан с учебной мотивацией, в нашем исследовании была предпринята попытка перепроверить данный факт на российской выборке студентов. В итоге было выявлено, что академический киберлафинг связан как с учебной мотивацией, так и с отношением к учению у студентов высших учебных заведений.

Литература

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. – 2014. – №4. – С. 96–107.
2. Орлов Ю.М. Потребностно–мотивационные факторы эффективности учебной деятельности студентов вуза : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Орлов Юрий Михайлович. – Москва, 1984. – 531 с.
3. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г. Девиантное поведение в современном мире: в фокусе внимания медиапотребление : монография. – Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, – 2024. – 230 с.

Отношение к смерти на разных этапах профессионализации студентов юридических психологов

Плахтий Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибальт В.В.

Данное исследование затрагивает проблему столкновения юридического психолога с тематикой смерти. Отношение – это активная позиция личности, выражаясь через эмоциональный отклик на внешние события. Оно основано на личном опыте и определяет уникальное поведение человека в взаимодействии с окружающим миром (Мясищев В.Н., 1998). При поступлении на факультет юридической психологии далеко не каждый студент осознает с какими аспектами жизни ему придется столкнуться, как опыт повлияет на его отношение к смерти.

Модель ПВК (профессионально важных качеств), представленная Н.В. Лаврекиным, для юридических психологов подходит для специалиста, работающего с темой смерти, так как представляет нам целый комплекс качеств, который позволит эффективно помогать клиентам, переживающим кризисы, потери и экзистенциальные страхи. Тем не менее, в нашем исследовании мы отдельно отметим эмпатию и рефлексивность. Именно благодаря эмпатии становится возможным понять состояние другого человека для оказания психологической помощи. Рефлексивность же как умение анализировать и

познавать себя способствует развитию всех профессионально важных качеств личности (Лаврекин Н.В., 2017).

В МГППУ профессиональная подготовка студентов факультета Юридической психологии описывается через систему модулей, объединяющих теоретическую подготовку с практическим опытом (Богданович Н.В., 2012). В данном контексте становится важным проанализировать, как изменяется отношение к смерти на разных этапах профессионализации студентов и связаны ли данные изменения с развитием выбранных профессионально важных качеств.

Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий отношения к смерти на разных этапах профессионализации студентов юридических психологов.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть категорию «отношение» в психологии и подходы к ее пониманию.
2. Раскрыть психологическую феноменологию отношения к смерти и современные отечественные и зарубежные исследования.
3. Описать динамику отношения к смерти в разные возрастные периоды, специфику студенческого возраста и отношения к смерти в период молодости.
4. Рассмотреть профессионально важные качества психологов и юридических психологов, имеющих значение в процессе работы с темой смерти.
5. Раскрыть этапы профессионализации студентов юридических психологов.
6. Выявить и описать особенности отношения к смерти на разных этапах профессионализации студентов юридических психологов.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют особенности отношения к смерти на разных этапах профессионализации студентов юридических психологов, а именно:

1. У студентов 1 курса отношение к смерти будет характеризоваться преобладанием избегания темы смерти, низким уровнем принятия смерти, а также низким или средним уровнем развития эмпатии и низким уровнем рефлексивности.
2. У студентов 3 курса отношение к смерти будет характеризоваться преобладанием страха смерти, низким уровнем принятия чувств по отношению к смерти, а также средним уровнем развития эмпатии и средним уровнем рефлексивности.
3. У студентов 4-5 выпускных курсов отношение к смерти характеризуется преобладанием нейтрального принятия смерти, высоким

уровнем принятия чувств по отношению к смерти, а также высоким уровнем развития эмпатии и рефлексивности.

В исследовании приняли участие 60 человек, все они являются студентами МГППУ факультета Юридическая психология. В ходе обработки полученных данных, в выборку эмпирической части вошли 60 человек в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 20 лет). Из них респондентов мужского пола 5 человек (8,33%) в возрасте от 18 до 25 (средний возраст 21 год), респондентов женского пола 55 человек (91,66%) в возрасте от 18 до 22 (средний возраст 20 лет).

Все респонденты отметили, что родились в России и в данный момент проживают в Москве – 90% (54 человека) и в Московской области – 10% (6 человек).

Выборка была разделена на три равные группы (33,3% - 20 человек): студенты 1 курса; 3 курса; 4 курса бакалавриата и 5 курса специалитета.

Методики исследования:

1. Авторская анкета, собирающая первичные сведения о респондентах.
2. Профиль аттитюдов по отношению к смерти, DAP-R.
3. Отношение к жизни, смерти и кризисной ситуации.
4. Опросник рефлексивности А.В. Карпова.
5. Опросник эмоциональной эмпатии (Emotional Empathic Tendency Scale, EETS).

Не было выявлено значимых различий между курсами по шкалам эмпатических тенденций и рефлексивности. Кроме того, данные шкалы не имеют значимых корреляций со шкалами из методик «Профиль аттитюдов по отношению к смерти, DAP-R» и «Отношение к жизни, смерти и кризисной ситуации». Мы можем предположить, что:

- а) развитие профессионально-важных качеств в малой степени влияют на отношение к смерти у студентов юридических психологов;
- б) профессионально-важные качества влияют на отношение к смерти, но это не рефлексия и не эмпатия;
- в) данная выборка оказалась не чувствительной к конкретным методикам, что подразумевает подбор новых.

Избегание смерти отрицательно коррелирует с нейтральным принятием, принятием смерти, принятием чувств по отношению к смерти и наличием смысла смерти. Человек, который избегает тему смерти, на подсознательном уровне не может принять её факт в своей жизни. Шкала принятие чувств по отношению к смерти отрицательно коррелирует со шкалой страха смерти. Респондент, испытывающий страх при столкновении с темой смерти, также испытывает трудности в принятии этих чувств, что может и привести к избеганию.

Шкалы наличие смысла смерти, концепция смерти и приближающее принятие имеют положительную корреляционную связь. Выбор данных шкал чаще встречается у первых курсов, что указывает на наличие у данной группы убеждений в существовании жизни после смерти. Тем не менее, у студентов 1 курса отношение к смерти характеризуется преобладанием нейтрального принятия, наличия смысла смерти, средним уровнем развития эмпатии и рефлексивности.

У студентов 3 курсов избегание темы смерти проявляется чаще, чем у других курсов. Также студенты 3 курсов в большей степени связывают приближающее принятие и избавляющее принятие, а не разделяют, как другие курсы. У студентов 3 курса отношение к смерти характеризуется преобладанием нейтрального принятия смерти, средним уровнем принятия чувств по отношению к смерти, средним уровнем развития эмпатии и рефлексивности.

Студенты 4-5 курсов больше, чем другие курсы склонны относятся к смерти с позиции избавляющего принятия. Отношение к смерти характеризуется преобладанием нейтрального принятия смерти и чувств по отношению к ней, средним уровнем развития эмпатии и рефлексивности.

Результаты данного исследования могут способствовать дальнейшему развитию мер поддержки студентов психологов, сталкивающихся с тематикой смерти, а также разработке программ по развитию необходимых профессионально важных качеств.

Литература

1. Богданович Н.В. К вопросу о подготовке юридических психологов // Коченовские чтения "Психология и право в современной России" : Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием, Москва, 18–20 октября 2012 года. – Москва: Московский городской психолого-педагогический университет, 2012. – С. 196-198.
2. Гаврилова Т.А. Об адаптации опросника "профиль аттитюдов по отношению к смерти - переработанный" (DAP - R), разработанного П. Т. П. Вонгом, Г. Т. Рикером и Дж. Гессер // Теоретическая и экспериментальная психология. - 2011. - №1. – С. 46-57
3. Лаврешкин Н.В. Групповой тренинг как метод развития профессионально важных качеств юридического психолога. [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017(7). – № 1. – С. 250-263.
4. Мясищев В.Н. Психология отношений. - М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1998. - 356 с.

Социо-психологические предикторы прокрастинации в студенческой среде

Рудницкая А.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Актуальность выбранной темы обосновывается тем, что прокрастинация как склонность откладывать дела на более поздний срок, приводящее к неблагоприятным последствиям (Руднова Н.А., 2019), затрудняет учебу и достижения студентов. По данным Американской психологической ассоциации, от 80 до 95% сталкиваются с данным феноменом при написании курсовых работ (American psychological association, 2010). Так, изучение причин прокрастинации необходимо для разработки эффективных профилактических мер.

Проблематика данного явления заключается в том, изучение прокрастинации началось с 80-ых годов (Ковылин В.С., 2013), и уже выявлена связь данного феномена с конкретными факторами, например, локусом контроля (Михайлова И.В., 2021) и перфекционизмом (Андреевская С.В., 2019). Однако, необходимо комплексно исследовать предикторы прокрастинации, учитывая как личностные особенности, так и влияние среды.

Нами было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении особенностей связи социо-психологических предикторов в формировании прокрастинации.

В рамках исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1. В группах с высоким и низким уровнем прокрастинации существуют различия по личностной структуре.

2. Чем выше уровень прокрастинации, тем выше уровень погруженности в интернет-среду, то есть люди с высоким уровнем прокрастинации являются чрезмерно активными пользователями социальных сетей.

3. Компоненты, входящие в состав академической мотивации, обладают прогностической ролью для уровня прокрастинации. Иными словами, чем ниже уровень академической мотивации, тем выше уровень прокрастинации.

4. Уровень саморегуляции влияет на уровень прокрастинации, то есть существуют статистические значимые различия у 3 групп с высоким, средним, низким уровнем прокрастинации по уровню саморегуляции.

В исследовании приняли участие 80 человек: 35 мужчин и 45 женщин в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 20,8 лет), являющиеся студентами МГППУ, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, МИРЭА, РГГУ, РЭУ имени Г.В. Плеханова.

Методиками исследования послужили: «Пятифакторный опросник личности» Х. Тсуи (в адаптации Хромов А.Б., 2000), «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросанова (Моросанова Б.И., Бондаренко И.Н., 2015), «Шкала академической мотивации» Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин (Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н., 2014), «Индекс погруженности в интернет-среду» Л.А. Регуш, Е.В. Алексеева, О.Р. Веретина, А.В. Орлова, Ю.С. Пежемская (Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С., 2021), «Шкала общей прокрастинации» К. Лэй (адаптация Виндекер О.С, Останина М.В., 2014).

Обработка данных проходила с помощью программы IBM SPSS Statistics 26. Сначала был использован тест Колмогорова-Смирнова, далее выбирался критерий.

Для проверки гипотезы №1 использовался U-критерий Манна–Уитни. Результаты демонстрируют ($p<0,05$), что группа с высоким уровнем прокрастинации обладает такими чертами, как доминирование, отделенность, самоуважение, естественность, безответственность, импульсивность, любопытство и ригидность. В группе с низким уровнем прокрастинации наблюдаются подчиненность, привязанность, уважение, ответственность, тревожность и эмоциональная лабильность.

При использовании коэффициента ранговой корреляции Спирмена для гипотезы №2 не выявлено ярко выраженной корреляционной связи (при $r>0,7$) между уровнем прокрастинации и общим уровнем погруженности в интернет-среду ($r=0,236$, $p>0,05$), цифровым потреблением ($r=-0,09$, $p>0,05$), цифровой компетентностью ($r=0,047$, $p>0,05$), эмоциональным отношением к цифровой среде ($r=0,367$, $p<0,05$).

В рамках гипотезы №3 с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена была выявлена высокая корреляционная связь между «Прокрастинацией» и различными типами мотивации: «Интроецированной» ($r=0,757$, $p<0,01$), «Экстернальной» ($r=0,754$, $p<0,01$) и «Амотивацией» ($r=0,812$, $p<0,01$). Кроме того, «Прокрастинация» отрицательно коррелирует с «Мотивацией самоуважения» ($r=-0,711$, $p<0,01$). Так, люди, откладывавшие дела на поздний срок, могут действовать под влиянием внешних факторов, таких как стыд за невыполненные задачи, а также испытывают отсутствие смысла в учебной деятельности, что усиливает прокрастинацию. Откладывание дел также

связано с низким стремлением к общественному признанию и улучшению самооценки через достижения в учебе.

В рамках последней гипотезы использовались критерий Краскела-Уоллиса для анализа влияния уровня саморегуляции и критерий Манна-Уитни для выявления различий между группами по уровню прокрастинации. Люди, не склонные к феномену, отличаются высокой саморегуляцией, адаптируясь к ситуациям и осознанно выбирая задачи ($p<0,001$), наиболее часто используя стиль «Программирование» для эффективности планирования ($p<0,001$). Прокрастинаторы, напротив, при общем низком уровне указанных навыков и страха критики ($p<0,001$), не отдают предпочтения определенному стилю. Группа со средней прокрастинацией применяет «Гибкость», адаптируясь к возникающим проблемам ($p<0,001$).

На основе эмпирических данных был построен профиль личности студента с высоким уровнем прокрастинации, включающий ранее указанные черты личности для группы, приверженной данному феномену, а также разработаны рекомендации по профилактике прокрастинации для педагогов, включая различные форматы занятий (дебаты, викторины), и для психологов, предусматривающие индивидуальные консультации и тренинги для развития внутреннего смысла учебной деятельности и адаптационного потенциала личности.

Таким образом, полученные данные способствуют расширению знаний о прокрастинации, понимании и локализации конкретных причин, стимулирующих и ориентированно-препятствующих развитию данного феномена.

Литература

1. Андриевская С.В., Колдунова Е.В. Прокрастинация и перфекционизм у современной студенческой молодёжи // Актуальные вопросы науки и практики: сборник научных трудов по материалам XIV Международной научно-практической конференции, Анапа, 05 ноября 2019 года. – Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2019. – С. 36-42.
2. Ковылин В.С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2013. – № 2(2). – С. 22-41.
3. Михайлова И.В., Жаркова Ю.П. Особенности самоактуализации и локуса контроля у студентов с разным уровнем прокрастинации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. -

2021. - №3. – С. 24-38. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoaktualizatsii-i-lokusa-kontrollya-u-studentov-s-raznym-urovnem-prokrastinatsii> (дата обращения: 24.03.2025).

4. Руднова Н.А. Индивидуально-личностные предикторы прокрастинации в разные периоды взрослоти: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.13 - психология развития, акмеология (психологические науки) / Наталья Александровна Руднова, Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2019. – 187 с.

Академический киберлафинг, жизнеспособность и адаптация у студентов юридических психологов

Шугай В.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Все чаще распространяется проблема, когда ученики и студенты пользуются интернет пространством на занятиях не для учебы, а для того, чтобы полистать ленту, написать другу, заказать что-либо в онлайн магазине. Такому явлению дали название – академический киберлафинг. Профессия юридических психологов требует повышенной внимательности и ответственности на занятиях. Киберлафинг может отвлекать от учебного процесса, снижать концентрацию внимания и приводить к прокрастинации, что негативно оказывается на академической успеваемости студентов и будущей профессиональной деятельности.

В.К.Г. Лим предложил двухфакторную модель киберлафинга, в которой выделил два вида активности: сёрфинг в сети (частота использования интернета для посещения сайтов, не связанных с учебой или работой) и пользование электронной почтой (проверка, отправка, получение электронных писем личного характера). Данная модель способствовала созданию диагностической шкалы киберлафинга, однако не включала в себя такой фактор, как социальные сети (Сиврикова Н.В., 2024).

А.Л. Бланшар и К.А. Хенл рассмотрели две формы киберлафинга: незначительный и серьезный. К первой относятся такие паттерны поведения, как отправка и получение личных сообщений и писем на работе или учебе. Ко второй

форме киберлафинга причисляют онлайн казино, порнографию, просмотр блогов и чатов (Сиврикова Н.В., 2024).

Целью исследования является выявление и описание особенностей академического киберлафинга, жизнеспособности и адаптации у студентов юридических психологов.

Гипотезой исследования послужило предположение, что склонность к академическому киберлафингу связана с особенностями жизнеспособности и адаптации студентов юридических психологов, а именно:

1. Студенты, имеющие высокую склонность к академическому киберлафингу, имеют более низкие показатели жизнеспособности личности (самомотивация и достижения, позитивные установки и гибкость, адаптивные стили поведения) и более низкие показатели адаптации (адаптивность, принятие других и себя, эмоциональный комфорт);

2. Студенты, имеющие среднюю склонность к академическому киберлафингу, имеют менее выраженные показатели жизнеспособности личности (активность и инициатива, социальная компетентность и поддержка) и более низкие показатели адаптации (внутренний и внешний контроль, принятие себя и других);

3. Студенты, имеющие низкую склонность к академическому киберлафингу, имеют более высокие показатели жизнеспособности личности (самоорганизация и планирование будущего, эмоциональный контроль и саморегуляция, самоуважение) и более высокие показатели адаптации (внутренний и внешний контроль, доминирование, принятие других).

Выборку эмпирической части исследования составили 104 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Из них респондентов мужского пола 31 чел., респондентов женского пола 73 чел. Все респонденты являются студентами факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ.

Выборка была разделена на 3 группы:

- Группа сравнения 1 - студенты с высоким уровнем академического киберлафинга – 23 человек. Из них 7 мужчин и 16 женщин.

- Группа сравнения 2 – студенты с средним уровнем академического киберлафинга – 58 человек. Из них 17 мужчин и 41 женщина.

- Группа сравнения 3 – студенты с низким уровнем академического киберлафинга – 23 человек. Из них 7 мужчин и 16 женщин.

Методики исследования:

1. Авторская демографическая анкета.
2. Шкала киберлафинга, предложенная Y. Akbulut (в адаптации Н.В. Сивриковой) (Сиврикова Н.В., 2024);

3. Опросник «Жизнеспособность личности» (А.А. Нестерова) (Нестерова А.А., 2017);

4. Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд (в адаптации А.К. Осницкого) (Дворянчиков Н.В., 2017).

По результатам исследования студенты с высоким уровнем киберлафинга ($N=23$) имеют отрицательную связь между «Самомотивация» и «Шоппинг». Так мы можем предполагать, что немотивированный к преодолению трудностей студент, чаще пользуется интернетом на занятиях для совершения онлайн покупок. Также прослеживается положительная корреляция между «Контент» и «Непринятие других», может предполагать, что студенты, не нуждающиеся в живом взаимодействии со своими одногруппниками и преподавателями склонны просматривать контент на парах.

Студенты со средним уровнем киберлафинга ($N=58$) имеют отрицательную связь между «Игры» и «Принятие других». Следовательно студенты, не нуждающиеся в межличностном общении, совместной деятельности, имеют тенденцию играть в онлайн игры на занятиях в учебном заведении.

Студенты с низким уровнем киберлафинга ($N=23$) имеют положительную корреляционную связь между «Киберлафинг» и «Социальная компетентность». Так, чем выше социальные знания, коммуникативные умения и мотивационно-регулятивные качества личности, тем выше тенденция использования интернета на занятиях. Таким образом, можно предположить, что студенты с низким уровнем киберлафинга, если используют интернет на занятиях, то это можно расценивать как проактивное и многозадачное поведение социально компетентной личности. Также прослеживается отрицательная корреляционная связь между «Шоппинг» и «Принятие других», «Шоппинг» и «Ведомость». Таким образом, чем выше у студентов потребность в совместной деятельности, общении, стремление быть подчиненным в решении совместной задачи, тем ниже тенденция совершать онлайн покупки во время занятий.

Студенты, имеющие высокую склонность к академическому киберлафингу имеют высокие показатели по шкалам «Жизнеспособность личности», а также более низкие показатели по шкалам «Адаптивность», «Принятие других и себя», «Эмоциональный комфорт». Таким образом, выдвинутая гипотеза частично подтвердилась.

Студенты, имеющие среднюю склонность к академическому киберлафингу, имеют средние показатели жизнеспособности личности по шкалам «Активность и инициатива», «Социальная компетентность и поддержка», а также имеют более низкие показатели по шкале «Внешний контроль», «Дезадаптивность», «Непринятие себя», «Эмоциональный

дискомфорт», «Ведомость» и Эскапизм. Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась частично.

Студенты, имеющие низкую склонность к академическому киберлафингу, имеют более высокие показатели жизнеспособности личности по шкале «Позитивные установки», а также имеют более высокие показатели адаптации по шкалам «Адаптивность», «Принятие себя», «Принятие других», «Эмоциональный комфорт». Следовательно, выдвинутая гипотеза подтвердилась частично.

Таким образом, данное исследование было направлено на изучение и понимание взаимосвязи между академическим киберлафингом, жизнеспособностью и адаптацией у студентов юридических психологов. Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки и внедрения эффективных программ психологической поддержки, направленных на повышение психологической устойчивости и успешной адаптации студентов к учебной среде.

Литература

1. Нестерова А.А. Разработка и валидизация методики "жизнеспособность личности" // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. - № 4. – С. 93-108.
2. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+»: методическое руководство / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев, Р.В. Чиркина, А.В. Лаврик. – Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 198 с.
3. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г. Девиантное поведение в современном мире: в фокусе внимания медиапотребление // Министерство просвещения Российской Федерации: монография / под общ. ред. Е.М. Харланова, В.И. Пищик. – Челябинск: Издательство: ЮУрГГПУ, 2024. – 230 с.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Особенности восприятия жизненного пути несовершеннолетними осужденными в зависимости от их уровня жизнестойкости

Левин Л.М.

Научно-исследовательский институт ФСИН России
(г. Москва)

Научный руководитель – Дикопольцев Д.Е.

Анализ официальной статистики показывает заметное снижение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Уменьшилась также численность несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Это свидетельствует о положительных тенденциях динамики преступности несовершеннолетних и совершенствовании профилактической работы с подростками. Стал более сложным и качественный состав несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы, которые все чаще отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления. Это требует разработки и внедрения дополнительных психопрофилактических программ для ресоциализации правонарушителей, что, в свою очередь, вызывает необходимость поиска дополнительных ресурсов у подростков и коррекции различных личностных особенностей.

Одним из значимых источников для поиска факторов, сдерживающих от совершения повторных правонарушений, могут стать автобиографические воспоминания (особенно ранние) и их взаимосвязь с различными личностными характеристиками, в т.ч. с жизнестойкостью. Многие психологические исследования (Дебольский М.Г., Огор А.Ю., 2014; Дебольский М.Г., Чернышкова М.П., 2015) подчеркивают, что именно в ранних воспоминаниях закладываются и прослеживаются базовые ценности человека, на основе которых он строит всю свою дальнейшую жизнь и паттерны поведения.

Жизнестойкость, в свою очередь, включает в себя такие элементы, как вовлеченность, уверенность в возможности контроля над ее событиями, готовность к риску (Maddi, 1987). Данный феномен определяется как система знаний о себе, о мире, об отношениях, которая складывается из трех факторов, перечисленных выше (Maddi, 1987). В этой связи взаимосвязь жизнестойкости и ранних воспоминаний представляется весьма важным конструктом.

С целью реализации поставленных целей и задач было проведено эмпирическое исследование обсуждаемых феноменов. В исследовании приняло участие 120 человек:

- 1) 30 молодых людей, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательной колонии;
- 2) 25 молодых людей, приговоренных к наказанию, альтернативному изоляции правонарушителя от общества, и состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ);
- 3) 20 девушек, отбывающих наказание в воспитательной колонии;
- 4) 45 правопослушных подростков (девушек и юношей), не находящихся в конфликте с законом.

Базами для исследования послужили воспитательные колонии, находящиеся в Центральном федеральном округе России; ряд филиалов уголовно-исправительной инспекции, а также общеобразовательные организации общего образования.

В ходе проведения исследования использовались такие методы и методики, как контент-анализ личных дел осужденных, анализ индивидуальных случаев (case study), полуструктурированное интервью для уточнения биографических данных и значимых событий; проективная методика «Линия жизни»; Тест жизнестойкости (Методика С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева).

Интересными являются результаты исследования взаимосвязи жизненного пути несовершеннолетних правонарушителей с уровнем их жизнестойкости.

Так, в группе юношей, содержащихся в воспитательной колонии, большинство респондентов продемонстрировали низкий (15 ребят) и средний (10 опрошенных) уровень жизнестойкости. Анализируя «Линию жизни» для каждой группы, обратили на себя внимание следующие особенности. Подростки с низким уровнем жизнестойкости склонны описывать свою жизнь как простое перечисление фактов, не прослеживая взаимосвязь между собственными поступками и их последствиями; отсутствие саморефлексии в целом своего жизненного пути; события будущего либо вообще отсутствуют, либо представлены весьма абстрактно. Осужденные к лишению свободы юноши, обладающие средним уровнем жизнестойкости, описывают события своей жизни более развернуто и подробно, дальнейшие планы являются более конкретными, однако прослеживается отсутствие понимания связи между событиями, происходящими с ребятами, в жизни. Часть ребят (5 респондентов), показавших высокий уровень жизнестойкости, описывают события своей жизни подробно и развернуто, понимают причинно-следственные связи происходящего с ними в жизни, а также строят адекватные и реалистичные планы на будущее.

Примечательно, что в группе подростков, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в ходе исследования не было выявлено ребят с низким уровнем жизнестойкости, в результате чего сформировалось две группы – со средним (15 респондентов) и высоким (10 человек) уровнем жизнестойкости. Результаты условно осужденных ребят в некоторой степени схожи с результатами подростков, находящихся в местах лишения свободы. Ребята, состоящие на учете в УИИ и показавшие средний уровень жизнестойкости, продемонстрировали низкий уровень саморефлексии жизненного пути, непонимание причинно-следственных событий своей жизни, отсутствие целей и планов на будущее. Подростки с высоким уровнем жизнестойкости имеют абстрактные планы на будущее, не задумываются о причинах тех или иных событий.

Осужденные к лишению свободы девушки продемонстрировали только средний уровень жизнестойкости. Несмотря на схожесть воспоминаний по содержанию с событиями их сверстников-юношей, наблюдаются и некоторые отличительные моменты. Так, девушкам было более свойственно раскрывать события своей жизни максимально подробно, раскрывая свои чувства и эмоции. Однако причинно-следственные связи между событиями жизни устанавливаются достаточно слабо. При этом события прошлого и будущего касаются преимущественно родительской или своей собственной семьи, взаимоотношений с членами семьи.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, могут быть полезны сотрудникам различных служб уголовно-исполнительной системы, работающим с отмеченными категориями осужденных. Также обсуждаемые данные могут помочь существенно индивидуализировать программу сопровождения подростков. При разработке индивидуальной программы психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, особый акцент следует делать на развитие умения видеть причинно-следственные связи между а также на совершенствование навыков построение четких и реалистичных планов на будущее. Представляется также целесообразным, провести дополнительное исследование в уголовно-исполнительных инспекциях, направленное на выявление связи между уровнем жизнестойкости и событиями собственной жизни несовершеннолетних осужденных, чтобы выявить причины иных тенденций связи, чем у подростков, отбывающих наказание в воспитательной колонии.

Литература

1. Дебольский М.Г., Огор А.Ю. Научный взгляд на проблему ранних воспоминаний и самооценки преступников [Электронный ресурс] — Психология и право. — 2014. — №3. — С. 114–124.
2. Дебольский М.Г., Чернышкова М.П. Влияние субъективной картины жизненного пути осужденных на их поведение в период отбывания наказания и риск совершения рецидива преступлений после освобождения — Юридическая психология. — 2015. — № 2. — С. 17-19.
3. Maddi S. The Hardiness Enhancing Lifestyle Program for Improving Physical, Mental and Social Wellness // National Wellness Institute. — 1987. - Vol.53. - № 3. — Р. 101-115.

Исследование акцентуированности характера осужденных, которым неотбытая часть уголовного наказания в исправительной колонии заменена принудительными работами

Фролова П.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Дворянчиков Н.В.

Руководствуясь целями гуманизации условий отбывания наказания, снижения рецидива, повышения эффективности исправления осужденных, в том числе лиц, совершивших тяжкие преступления, уголовным и уголовно-исполнительным законодательством предусмотрена замена неотбытой части наказания в исправительной колонии более мягким видом наказания – принудительными работами (УК РФ, ст.80). Порядок привлечения осужденных к альтернативной мере наказания и условия их содержания в исправительном центре регламентированы уголовно-исполнительным законодательством (УИК РФ, гл. 8.1).

Цель настоящего исследования заключается в попытке установить особенности характерологических черт личности осужденных, которые ранее отбывали наказание в исправительной колонии, а в настоящее время содержатся в исправительном центре и привлекаются к принудительному труду. Полученные данные могут стать теоретической основой для дальнейшей коррекционной работы с осужденными.

Необходимо отметить, что уголовное наказание в виде принудительных работ назначается и лицам, впервые совершившим не тяжкое преступление.

Практика показывает, что такие осужденные условия содержания в исправительном центре воспринимают как достаточно суровые, что может становиться фактором, влияющим на формирование пенитенциарного стресса (Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., 2015). Поэтому гипотезой исследования послужило следующее предположение: осужденные, ранее отбывшие наказание в исправительной колонии, места отбывания принудительных работ воспринимают адекватно или другими словами, наблюдается тенденция к принятию ситуации «такой, какая она есть».

В исследовании приняли участие 19 респондентов в возрасте от 32 до 74 лет. Респонденты были отобраны по следующим критериям: 1) наличие судимости, 2) первоначальное отбытие наказания в колонии, 3) нахождение в местах принудительных трудовых работ (ПТР) на момент исследования. В исследовании применялась методика Г. Шмишека, созданная на основе концепции Карла Леонгарда (Karl Leonhard). Обработка полученных данных заключалась в подсчете результатов, совпадающих с ключом по каждой шкале, характеризующей акцентуированную черту личности, и отдельно, по показателю искренности.

Установлено, что у преступников, отбывших значительные сроки в колонии строго режима, но продолжающие нести уголовное наказание в местах принудительных трудовых работ уровень эмотивности всегда преобладает над уровнем тревожности. Средний балл эмотивности в выборке $M=13,26$ в то время, как средний балл тревожности $M=6,0$. Полученные данные могут быть истолкованы как положительная тенденция к принятию ситуации, в которой находятся осужденные. Это может быть истолковано, как смирение с условиями содержания, установленным режимом, с фактом наличия судимости, с необходимостью осуществлять работу, которая зачастую сопряжена с напряженным трудом на производстве и т.п. В некоторых случаях (4), у респондентов балл по шкале тревожности - 0. Данный показатель может указывать на наличие вытесненной тревожности, что демонстрирует желание испытуемого принадлежать к социуму, взаимодействовать с людьми, стремление избегать одиночества.

Проведенное исследование позволило определить особенности акцентуированности характера преступников, осужденных по разным статьям, отбывших наказание в колонии и находящихся в местах принудительных работ. Гипотеза о склонности осужденных к принятию ситуации «такой, какая она есть», смирению с обстоятельствами - подтвердилась. Замена неотбытой части наказания в виде лишения свободы, более мягким наказанием – принудительными работами, является эффективным средством исправления осужденных.

Литература

1. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2015. - № 5(2). - С.105–116.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2015100208>

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ. ЗАРУБЕЖНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Построение оценки риска радикализации в подростковой и молодёжной среде в рамках теории неопределенности-идентичности (М. Хогг)

Налетова Д. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н. В.

В последние годы отмечается рост актуальности проблемы радикализации различных социальных групп, что связано с увеличением количества групп с экстремистской направленностью. Несмотря на высокую потребность общества в выявлении на ранних стадиях радикализации, на данный момент отсутствует единая концепция механизма вовлечения человека в экстремистские и террористические организации, а также не выявлены факторы, определяющие склонность к радикализации. Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие модели оценки риска радикализации направлены только на лица, которые уже вовлечены в экстремистские организации. Поэтому возникает большая потребность в выявлении и предотвращении радикализации на ранних этапах формирования склонности к радикальным взглядам.

Анализ существующих зарубежных моделей оценки риска радикализации (TRAP-18, PIRA) выявляет их ограниченность в валидности и актуальности для предупреждения радикализации в подростково-молодёжной среде. Указанные инструменты ориентированы на изучение лиц, уже подвергшихся процессу радикализации, что не позволяет выделять ранние маркеры склонности к вовлечению в экстремистские группы. Модель 3N (J. Bélanger и др.) дополняет существующие подходы, выделяя взаимосвязанные компоненты радикализации — социальное отчуждение (потребность), оправдывающий насилие нарратив и поддерживающую сеть. Однако её применение в профилактике и диагностике рисков на доклинических стадиях пребывает на раннем этапе апробации.

В данном исследовании предлагается эмпирическая проверка показателей риска радикализации в подростково-молодёжной среде на основе теории неопределенности-идентичности М. Хогга, получившей значительную эмпирическую поддержку. Согласно теоретическим положениям, чувство неопределенности в самовосприятии и социальной идентификации, характерное для подросткового возраста (Э. Эриксон), становится базовым фактором, способствующим поиску принадлежности к высокоэлитативным группам с

чёткой структурой и крайними взглядами. В качестве основного инструмента исследования, созданной Дворянчиковым Н. В., Бовиной И. Б. и Мельниковой Д. В, планируется анкетирование учащихся старших классов и студентов вузов с целью выявления характеристик групповой идентификации и социальных идентичностей.

Выборку составили ученики школ г. Москвы и студенты московских вузов. Всего в исследовании приняли участие 868 респондентов, 543 – ученики, 325 – студенты. На первом этапе респондентам предлагалось пройти методику М. Куна–Т. Макпартлена «Кто я?». Для выявления и исследования структуру представления о социальной идентичности применялась методика П. Вержеса.

В обеих группах зона ядра составляет традиционно позитивные, социально одобряемые характеристики («чистый», «дружелюбный», «творческий»). Сравнение с учениками показывает, что у студентов ролевой статус приобретает ещё большую весомость. Значимую роль играет информация о семье (сестра, сын, ребёнок) и пол (мужчина, женщина). Также творческие и самоприсваиваемые идентичности присутствуют в ядре и у учеников, и у студентов, что свидетельствует о важности самовыражения и индивидуальной активности для обеих групп. Экзистенциально-универсальные характеристики («человек», «землянин»/«вселенско-оceanический») также входят в ядро, что указывает на наличие у обеих групп потребности в широкой, «надкатегориальной» идентичности.

У учеников этничность находится на периферии, тогда как у студентов этот признак появляется уже в зоне ядра, приобретая большую значимость. Это может быть связано с расширяющимся социальным кругом, самостоятельностью и повышением сознательности в старшем возрасте. У студентов отмечается категория «отрицание (не христианин)», что указывает на появление рефлексии, противопоставления себя традиционной религиозной идентичности, чего нет в ядре у школьников. Для школьников «будущее» чаще выступает в категории значимости, у студентов этот признак присутствует, но интегрируется через образовательные/профессиональные и личностные ожидания, становится менее выделенным в представлениях. Ведущую роль у учеников играют одобряемые качества, принадлежность к семье, классу, творческая самореализация. У студентов наблюдается усложнение структуры идентичности: к стандартным категориям добавляются этническая самоидентификация, проявляется отказ от стандартных моделей (религиозные ценности), расширяется спектр индивидуальных характеристик, связанных с личным опытом, уникальностью, успешностью и самостоятельностью.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б. Легитимизация терроризма в подростково-молодежной среде: от механизмов радикализации к модели оценки риска [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2022. - Том 12. - № 4. - С. 154–170. DOI: 10.17759/psylaw.2022120412
2. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2023. - Том 13. - № 3. - С. 93–107. DOI: 10.17759/psylaw.2023130307).
3. Bélanger J.J., Moyano M., Muhammad H., Richardson L., Lafrenière M.-A., McCaffery P., Framand K., Nociti N. Radicalization Leading to Violence: A Test of the 3N Model // Front. Psychiatry - 2019. - Vol. 10. - Art. 42. - P. 1-12. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00042
4. Belton E. Profiles of Individual Radicalisation in Australia (PIRA): Introducing an Australian Open-Source Extremist Database // Perspectives on Terrorism. - 2023. - Vol. 17. - № 1. - P. 18–35.
5. Hogg M.A. . Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // European Review of Social Psychology. - 2021. - Vol. 32. - P. 235-268. doi:10.1080/10463283.2020.1827628

Апробация пятифакторного опросника личности FFICD и опросника межличностного функционирования SIFS на российской выборке мужчин и женщин

Семенченко Н.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Расстройства личности имеют широкую распространённость по всему миру. Согласно статистике, приведённой Lenzenweger M.F. и соавторами, расстройствами личности страдают 9% от всего населения Земли. Для эффективного выявления расстройства и его лечения ВОЗ использовали категориальный подход, выделяя 8 типов расстройств. Разделение расстройств по категориям имеет свои недостатки, такие как высокая коморбидность, отсутствие возможности определения выраженности отдельных симптомов, в результате чего снижается точность и скорость постановки диагноза. В

одиннадцатом пересмотре МКБ было принято решение обратиться к дименсиональному подходу, который рассматривает расстройства личности одновременно в двух континуумах. Такой способ диагностирования способствует наиболее эффективной постановке диагноза и подбору методов помощи людям, страдающим расстройством личности.

Для диагностики расстройства личности было предложено использовать шкалу личностного и межличностного функционирования (SIFS) и пятифакторный опросник личности (FFiCD). Опросники были успешно валидизированы на широких англоязычных выборках. Данная работа связана с апробацией вышеуказанных опросников на российской выборке для их дальнейшего внедрения в научную и практическую деятельность, согласно МКБ-11.

Цель нашего исследования - установить валидность опросников «Шкала личностного и межличностного функционирования (SIFS)» и «Пятифакторный опросник личности (FFiCD)» на российской выборке мужчин и женщин, не страдающих расстройствами личности.

Нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. По результатам проверки на нормальность распределения не будет выявлено значимых различий.
2. Шкалы опросника SIFS будут иметь значимую корреляцию со шкалами опросника FFiCD.

Исследование проводилось дистанционно при использовании сервиса Google Forms. В прохождении опросников приняло участие 108 человек, в результате отбора в группу исследования попало 38 человек, из которых 19 мужчин и 19 женщин возрастом от 19 до 43 лет. Диагностический инструментарий составили три методики:

1. Опросник для отбора испытуемых, состоящий из 15 вопросов.
2. Пятифакторный опросник личности (FFiCD).
3. Шкала личностного и межличностного функционирования (SIFS).

Результаты исследования показали, что шкала «негативная аффективность» опросника FFiCD связана в большей или меньшей степени со всеми пунктами SIFS, что подтверждает высокое влияние негативного лабильного эмоционального фона на тяжесть расстройства личности. Меньше всего корреляционных связей выявлено с шкалой «Диссоциальность», которая характеризуется манипулятивным поведением, агрессивностью и склонностью к асоциальному поведению. Шкала «Ананкастность» не имеет корреляционных связей с шкалами опросника SIFS.

Первая гипотеза подтверждена частично, так как ненормальное распределение было выявлено по шкале «Отчужденность» опросника FFICD. Также значимые различия были выявлены по шкале «Идентичность» опросника SIFS. Мы считаем, что такие различия могут быть вызваны неточностями в опроснике, предоставленном для выделения людей, подходящих для группы нормы, в результате чего в исследуемую группу могли попасть люди, страдающие недиагностированными психическими расстройствами или пребывающими в нестабильном состоянии. Кроме того, стоит учитывать маленький объём выборки, также влияющий на общую картину исследования.

Вторая гипотеза нашла своё подтверждение в выраженных связях между шкалами двух опросников. Положительная корреляция между шкалой «Негативная аффективность» и всеми шкалами опросника SIFS может свидетельствовать о связи негативных эмоциональных состояний (например, тревога, раздражительность, ранимость и другие) со всеми аспектами, говорящими о тяжести состояния респондента. Также в ходе исследования было обнаружено, что у людей, склонных к депрессивным состояниям, раздражительности и тревожности наблюдаются нарушения самооценки, рефлексии, мотивации и эмоциональной саморегуляции. У людей, склонных к импульсивным, необдуманным поступкам, не способных к прогнозированию последствий, как правило, наблюдаются проблемы в мотивационной сфере, нестабильная самооценка, а также низкий уровень сознания, пониманию чужих переживаний и терпимости к чужим мнениям. Люди, характеризующиеся как агрессивные и враждебные, могут пренебрегать социальными нормами и нормами морали, доминировать над другими людьми или использовать их. Отчуждённые, закрытые люди стремятся к абстрагированию, что ведёт к трудностям в выстраивании близких доверительных отношений. Сниженная эмоциональность может доходить до неспособности испытывать удовольствие и положительные эмоции.

Литература

1. Горинов В.В., Корзун Д.Н., Васюков С.А. Классификация и диагностика расстройств личности в свете положений пересмотра Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем // Российский психиатрический журнал. - 2018. - № 2. - С. 50-54.
2. Самылкин Д.В., Демидова Л.Ю., Гадисов Т.Г., Никитский И.С., Ткаченко А.А., Харитоненкова Е.Ю., Жабин М.О., Семенченко Н.А., Дворянчиков Н.В. Валидность и внутренняя согласованность русскоязычной версии опросника личностного и межличностного функционирования (SIFS) // Российский психиатрический журнал. - 2023. - №4. - С. 64-71.

3. Самылкин Д.В., Демидова Л.Ю., Гадисов Т.Г., Никитский И.С., Ткаченко А.А., Харитоненкова Е.Ю., Жабин М.О., Семенченко Н.А., Дворянчиков Н.В. Валидность и внутренняя согласованность русскоязычной версии пятифакторного личностного опросника для МКБ-11 (FFiCD) // Российский психиатрический журнал. - 2024. - №3. - С. 67-74.

4. World Health Organization. International classification of diseases for mortality and morbidity statistics (11th Revision), 2022. - URL: <https://archive.org/details/international-classification-of-diseases-for-mortality-and-morbidity-statistics-> (дата обращения: 18.05.2025).

Психологический портрет лиц молодого возраста, занимающихся общественно-политической деятельностью

Ельмееева М.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Современная молодежь в возрасте от 20 до 35 лет, принимающая активное участие в общественно-политической деятельности, вызывает особый интерес со стороны социальных психологов и политологов. Период, соответствующий ранней взрослости и поиску профессиональной принадлежности по завершении образовательных учреждений, объясняет специфичность феномена «молодежное политическое лидерство». В.А. Зорин подчеркивает, что повышенное внимание к такой молодежи обуславливается не только молодым возрастом, но и ярко выраженным стремлением к самореализации в общественно-политическом поле. Кроме того, они имеют высокую мотивацию к достижениям, в основе которой находится сочетание потребностей в общественном признании, карьерной реализации и самоактуализации (Зорин В.А., 2022).

Нередко молодые политические лидеры на пути своего становления принимают участие в государственных проектах и образовательных программах, направленных на обновление кадрового состава власти, и теперь не только обладают пониманием своего места в политической системе, но и являются активными участниками законотворческого процесса в законодательных органах власти регионов Российской Федерации.

Лица, занимающиеся общественно-политической деятельностью, понимают необходимость получения электоральной поддержки, достигаемой посредством публичности и повышенного чувства ответственности. Работа с населением предполагает развитые коммуникативные навыки, аналитическое и стратегическое мышление (Палитай И.С., 2020). Особенно следует отметить важность индивидуальных личностно-значимых качеств, представляющих собой критерии пригодности человека к какой-либо специализированной деятельности для ее эффективного выполнения. Их формирование, по мнению И.Г. Гладких, осуществляется при взаимодействии индивида со средой посредством адаптации и развития личности через изменение окружающей действительности (среды) с учетом существующих потребностей и нужд

(Гладких И.Г., 2024). А.Р. Кубанов справедливо указывает на то, что многие черты личности появляются в процессе профессионализации личности (Кубанов А.Р., 2021).

Согласно положениям социальной психологии, молодежное политическое лидерство следует рассматривать в трех ключевых компонентах: личность, роль и образ (Селезнева А.В., 2023). Именно определенные личностные особенности, согласно теории черт Л. Бернарда, В. Бинхам, делают человека лидером, поэтому в политико-психологическом анализе личности политического лидера изучаются следующие аспекты (Ольшанский Д.В., 2001):

1. Я-концепция как система представлений человека о самом себе, оказывающих влияние на реакции и принятие решений в конкретных социальных условиях;
2. ценностно-смысловая составляющая в контексте ориентации на идеологические постулаты и детерминацию политического поведения;
3. политическая мотивация как система причин активности и стремлений в политической деятельности, включающих потребности в престиже и влиянии, достижения и аффилиации в социальной группе;
4. стиль межличностных отношений как способ взаимодействия с другими политическими деятелями – экстраверсия и доминантность в общении;
5. морально-нравственные качества, этические представления, социальный и эмоциональный интеллект.

Перечисленные выше категории могут рассматриваться в качестве элементов профессиограммы современного общественно-политического деятеля, а также использоваться психологами-исследователями для полного и всестороннего изучения личности молодых представителей политической элиты.

Настоящее исследование позволяет описать ранее отсутствующие в литературе психологические особенности лиц молодого возраста, занимающихся общественно-политической деятельностью.

Объектом являются особенности личности молодых взрослых, занимающихся общественно-политической деятельностью.

Предметом выступают индивидуально-типологические особенности, макиавелизм и эмоциональный компонент эмпатии молодых взрослых, занимающихся общественно-политической деятельностью.

В ходе эмпирического исследования использовались следующие методы: «Шкала макиавелизма личности (МАСН-IV)» (Р. Кристи и Ф. Гейс), «Индивидуально типологический опросник» (Л.Н Собчик) и «Опросник эмоциональной эмпатии» в адаптации (А. Мехрабян и Н. Эпстайн). Для

обработки результатов использовались описательная статистика, качественный анализ и U-критерий Манна-Уитни.

Участниками стали депутаты муниципального и регионального уровня и их помощники, сотрудники центрального аппарата политической партии, руководители общественных приемных региональных отделений политической партии и эксперты профильных комитетов в возрасте от 20 до 35 лет. База проведения анкетирования – парламентская политическая партия. Участие приняли 35 мужчин и 31 женщина, всего – 66 человек. Средний возраст – 25,4 лет. Средний возраст мужчин – 26,01 лет, женщин – 24,7 года.

Полученные результаты эмпирического исследования позволяют составить обобщенные психологические портреты лиц молодого возраста, занимающихся общественно-политической деятельностью.

Лица молодого возраста, осуществляющие общественно-политическую деятельность, отличаются стремлением представить себя в более выгодном и социально одобряемом образе, что соответствует их актуальной профессиональной потребности управлять впечатлением и мнением потенциальных сторонников и избирателей для сохранения правопорядка и лояльности к власти. Молодые общественно-политические деятели стремятся к привлечению сторонников и сохранению их лояльности посредством эмоционального воздействия. В начале своего профессионального становления им важнее ориентироваться на идеи и изменения в обществе, чем на демонстрацию собственной силы и авторитета. Особенno ценным в качестве приоритетного стиля работы является ведение конструктивного диалога, лишенного агрессивной настойчивости, а также понимание позиции своего оппонента, что обуславливается гибкостью и адаптивностью представителей общественно-политической деятельности. Им свойственна предприимчивость, связанная с открытостью к расширению круга контактов, неконформный стиль мышления, достаточная гибкость суждений, опирающихся на объективные факты. Присущи сочетания умения презентовать себя, убедительность и искренность в общении, вовлеченность в его чувственную сторону. Наряду с периодическим использованием лести и манипуляций в общении в собственных интересах лицами молодого возраста, занимающимися общественно-политической деятельностью (макиавелизм), им свойственна добросовестность, открытость, честность. Они обладают выраженной эмоциональной устойчивостью и саморегуляцией, низкой выраженностью раскованности и импульсивности, а также гармоничным сочетанием сензитивности и рефлексивности. Отличаются готовностью проявить сочувствие, понимание и заботу о тех, кому нужна поддержка.

Настоящие результаты могут быть использованы в профессиональной деятельности социальных педагогов, педагогов-психологов, политтехнологов общественно-политических организаций и специалистов психологической службы в органах государственной власти в целях разработки развивающих программ по формированию у лиц, занимающихся общественно-политической и/или законотворческой деятельностью, профессионально важных личностных качеств, способствующих эффективному выполнению возложенных на них обязанностей в структурах законодательной власти федерального, регионального и местного уровней.

Литература

1. Гладких И.Г. Формирование профессионально значимых качеств сотрудников правоохранительных органов как педагогическая проблема // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. - 2024. - №19. - С. 22-28.
2. Зорин В.А. Политико-психологические характеристики российских молодежных политических лидеров // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2022. - №4. - С. 61-72.
3. Кубанов А.Р. Профессионально-психологические требования к личности сотрудника органов внутренних дел // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. - № 70-4. - С. 378-381.
4. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - 166 с.
5. Палитай И.С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011-2021 гг.) // Полис. Политические исследования. - 2022. - № 4. - С. 148-160.
6. Селезнева А.В., Томаев А.Х. Молодежное политическое лидерство в фокусе политической психологии: концептуальные основания // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2023. - №2. - С. 7-25.

Изменение самоэффективности психологов-практиков в процессе профессионального обучения

Кириллова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Буслаева Е.Л.

Современные научные исследования, касающиеся проблемы формирования профессионального самосознания личности, акцентируют внимание на изучении феномена самоэффективности, который является одним из ключевых для осуществления специалистом профессиональной деятельности на высоком качественном уровне.

Понятие «самоэффективность» было выдвинуто А. Бандурой в 70-х годах двадцатого века. По мнению А. Бандуры человек боится и избегает тех социальных ситуаций, с которыми думает, что не сможет справиться. При этом активно и наступательно он ведет себя в случае уверенности в своих способностях и веры в успех своих действий. Самоэффективность человека проявляется в том, как он думает, чувствует и действует (Кисельникова Н. В. и др., 2021).

По теме самоэффективности имеется широкий ряд зарубежных исследований (Бандура, 1977; Шамбли, 1979; Мэддакс, 1986; Пинтрич, 1990; Манжу, 2019; Зиммерман 2000; Нэвилл, 2007; Тьяс, 2020; Тран, 2020; Код, 2020; и др.), а также отечественных (Булынко, 2009; Погорелов, 2012, Коломиец, 2015, Шиленкова, 2020, В.Г. Ромек, М.В. Чистова, Т.М. Маланьина, Т.О. Гордеева, А.В. Бояринцева, Ю.Н. Гончаров, Р.Л. Кричевский, Е.А. Могилевкин Р. Шварцер, А.Н. Алексюк, О.О. Богатырева, Т.И. Васильева, Т.О. Гордеева, К.М. Гайдар, О.А. Шепелева и др.). В российской науке большой вклад в исследование феномена самоэффективности внес М.И. Гайдар (Гайдар М.И., 2008).

Данная проблема активно изучается, при этом основное направление исследований находится в плоскости влияния самоэффективности на результаты деятельности человека, в том числе продолжает изучаться связь самоэффективности с учебными достижениями (Шанк, 1991; Зиммерман, 1994; Ф. Пахарес и Л. Грэм, 1999; Зиммерман, 2000; Шанк, 2002; Ричардсон, 2012; Китиканан, 2017; Роббинс, С.Б., Лаувер, К., Ле, Х., Дэвис, Д., Лэнгли, Р. и Карлстром, А. 2004; Ашер, 2009 и др.).

А. Бандура определяет самоэффективность личности как индивидуальное отношение человека к производимой деятельности, которое осуществляется при помощи обращения личности к внутренним персональным ресурсам,

способностям развития, подбора определенных средств, действий и создания конкретного плана деятельности (Гордеева Т.О., Шепелева Е.А., 2006). Поэтому сложно переоценить значение укрепления самоэффективности в работе психолога-практика.

Авторами русскоязычной версии шкалы оценки самоэффективности психологов-консультантов и психотерапевтов фактором, связанным с самоэффективностью психолога-консультанта, выделена способность применять навыки предпрактической подготовки, которая влияет на самоэффективность помогающих навыков. Помимо навыков предпрактической подготовки консультанту необходим навык, влияющий на самоэффективность, - это воспринимаемая им способность применять базовые помогающие навыки в условиях реальной сессии, управляя ей. А также необходим навык, формирующийся в ситуации консультирования - эффективно работать с клиентами, которые пережили травмирующее жизненное событие, находятся в клинической депрессии, не видят изменений в своем состоянии в процессе терапии и т.д. Здесь под эффективностью работы понимается способность разработать успешный план сессии, точно отвечать на вопросы клиента, успешно применять саморегуляцию. Проявленность указанных навыков у консультанта психолога напрямую влияет на его самоэффективность (Кисельникова Н.В., 2021).

Не столь распространенными в научной среде, но набирающими популярность, являются исследования, в которых рассматривается влияние учебной деятельности или других видов деятельности на изменение профессиональной самоэффективности специалистов-психологов либо будущих психологов. За последние годы в России сформирован интерес к этой теме. Уманской И. А. и Голубевым В.В. в 2020 году было проведено исследование «Самоэффективность и совладающее поведение студентов в период обучения в ВУЗе». В фокусе внимания ученых была взаимосвязь самоэффективности и совладающего поведения студентов, было выявлено их значимое изменение от курса к курсу во время обучения (Уманская И.А., Голубев В.В., 2020).

В исследовании Газизовой Р.Р., Сайфуллиной Г.Ф. и Сулеймановой Ф.М. на тему самоэффективности психологов на этапе обучения в вузе выявлена роль личной самоэффективности в профессиональной деятельности психолога (Газизова Р.Р., Сайфуллина Г.Ф., Сулейманова Ф.М., 2024). Проведенное экспериментальное исследование свидетельствовало о том, что студенты недостаточно серьезно и внимательно относятся к развитию своих возможностей, не полностью рассматривают более широкий круг перспектив, связанных с будущей профессией. Авторы пришли к выводу, что на этапе обучения в вузе психологов необходима организация целенаправленной работы

по развитию личностной самоэффективности. В профессиональной деятельности психолога важными являются не только методы работы, но и его личностные качества, то есть основной инструмент работы психолога – сама личность специалиста (Газизова Р.Р., Сайфуллина Г.Ф., Сулейманова Ф.М., 2024).

Профессиональную деятельность и личность психолога связывает профессиональное самосознание. Процесс формирования профессионального самосознания связан с укреплением самоэффективности специалиста.

Личностная самоэффективность психолога предусматривает осознание им наличия у себя профессионально важных качеств (ПВК), которые, будут востребованы при выполнении профессиональных функций, обеспечат успешность решения стоящих перед ним задач, и уверенность в своей способности актуализировать их, используя как особое средство в работе с людьми, как профессиональный инструмент. Именно наличие личностной самоэффективности создает у специалиста психологическую готовность к самостоятельной трудовой деятельности, позволяет приступить к выполнению своих функций и обязанностей, определяемых задачами и содержанием этой деятельности. Поэтому личностная самоэффективность достраивает систему ПВК до логического конца, представляет собой то психологическое, субъектное по своей природе условие, при котором ПВК действительно реализуются в трудовой деятельности. Она обеспечивает для ПВК свойство достаточности, без которого они не могут выполнить свою главную функцию – способствовать успешному решению субъектом стоящих перед ним профессиональных задач (Гайдар М.И., 2008).

Проблема изменения самоэффективности психологов-практиков в процессе профессионального обучения, в высшем учебном заведении или на курсах повышения квалификации, актуальна для изучения в настоящее время в нашей стране, поскольку связана с формированием профессионального самосознания специалистов, повышения их способности к практической деятельности и, как следствие, лучшей помощи людям. Укрепление самоэффективности психологов в процессе их профессионального обучения и создание специальных условий для этого, становится актуальной практической задачей построения образовательного процесса в образовательных учреждениях.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения // СПб.: Евразия, 2000. - 318 с.
2. Гордеева Т.О., Шепелева Е.А. Гендерные различия в академической и социальной самоэффективности и копинг-стратегиях у современных

российских подростков // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. - 2006. - № 3. - С. 78–85.

3. Газизова Р.Р., Сайфуллина Г.Ф., Сулейманова Ф.М. Исследование самоэффективности психологов на этапе обучения в вузе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. - 2024. - Т. 13. - № 7А. - С. 168-177.

4. Гайдар М.И. Личностная самоэффективность студентов-психологов и возможности ее развития в процессе профессиональной подготовки // Вестник университета. – 2008. – № 10. – С. 306-308.

5. Кисельникова Н.В., Альмухаметова Т.Н., Данина М.М., Куминская Е.А., Лаврова Е.В., Крашенинников Д.Э., Поджио В.А.. Русскоязычная версия шкалы оценки самоэффективности психологов-консультантов и психотерапевтов // Психология. Журнал ВШЭ. - 2021. - Т. 18. - № 4. - С. 700 - 717.

6. Уманская И.А., Голубев В.В. Самоэффективность и совладающее поведение студентов в период обучения в вузе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26. – № 1. – С. 118-123.

«Образ войны» у участников боевых действий, переживших тяжелый стресс

Киров Р.Н.

Московский государственный психолого-педагогический
университет
(г. Москва)

Научный руководитель — Сафуанов Ф.С.

Нельзя оспорить тот факт, что человек на протяжении всей жизни регулярно сталкивается со стрессорами, в результате воздействия которых возможно возникновение психической травмы. Однако нынешняя политическая и социальная ситуации выводят данную проблему на качественно иной уровень. Рост числа локальных военных конфликтов, гибридных войн, проведение специальной военной операции на территории Украины, вовлеченность огромного числа людей в боевые действия ведут, как к росту заболеваемости психическими расстройствами (в том числе, стрессовыми), так и появлению «новой психологической организации» личности - «психологии комбатанта». Это, в свою очередь, ставит перед психологами, психотерапевтами и психиатрами значительное число серьезных задач разного рода:

исследовательских, диагностических, терапевтических, реабилитационных и конечно профилактических.

Один из создателей военной психологии Г.Е. Шумков, писал: «В громадных битвах, в которых принимают участие тысячи воинов, каждый из них в самом себе переживает душевную войну, душевную драму. И из этой личной борьбы каждый воин выходит победителем или побежденным» (Шумков Г.Е., 1909).

По мнению А.Г. Кааяни, являясь универсальным механизмом выживания в сложных и изменяющихся условиях боевой обстановки, боевой стресс выступает своеобразной доминантой, придающей «окраску» и энергию всем чувствам и переживаниям участника боевых действий (Кааяни А.Г., 2024).

Под боевым стрессом принято понимать многоуровневый процесс неспецифической активности, нацеленный на адаптацию к конкретным стресс-факторам или боевой обстановке в целом и обеспечение выживания в жизнеопасной ситуации (Литвинцев С.В. с соавт., 2005). Процессы боевого стресса реализуются на физиологическом, когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях, обеспечивая целостную реакцию организма, нервной системы, психики, индивидуума, личности, субъекта деятельности на боевые стрессоры.

Наверное, не будет являться преувеличением тезис о том, что у любого человека, в том или ином качестве участвовавшего в боевых действиях, меняются представления о мире. У комбата становятся иными взгляды на себя и окружающих, на жизнь и смерть, на мир и войну, преобразуются ценности и установки. Для кого-то эти изменения происходят достаточно постепенно, а для кого то чувствительно и болезненно. Война может иметь самые трагические последствия для психики человека; она, как отмечает Н. В. Тарабрина, «потрясает сами базовые убеждения индивида относительно его «самости» как неуязвимой и имеющей ценность как таковой, а также относительно мира как безопасного и справедливого» (Тарабрина Н.В., 2009). И именно в связи с этим изменения представлений о войне у комбатантов («образ войны»), как неотъемлемой, а периодами важнейшей, составляющей «образа мира», вызывают исследовательский интерес.

Понятие «образ мира» было введено А.Н. Леонтьевым (Леонтьев А.Н., 1979) для решения проблем обобщения огромной совокупности эмпирических данных, накопленных при исследованиях восприятия человека. Образ мира предшествует конкретному акту восприятия, создает контекст, в котором воспринимаются предметы и явления, объединяет социальный и индивидуальный опыт, наполняет предметы значением.

В отечественной психологии существует и успешно развивается психосемантический подход к экспериментальному изучению конструирования субъектом образа окружающего мира и его составляющих. Данная позиция представлена работами В. Ф. Петренко (Петренко, 1982) и его последователей. В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других, самого себя. Среди получивших наибольшее распространение методов экспериментальной психосемантики могут быть названы: метод определения понятия; метод сравнения; метод классификации; метод субъективного шкалирования; ассоциативный эксперимент; метод личностных конструктов Дж. Келли; метод семантического дифференциала.

Важность междисциплинарного и многовекторного изучения проблемы «человека воюющего» и значимость этого явления, как социальную, так и психологическую, подчеркивала Е.С. Сенявская (Сенявская Е.С., 1999). Существуют работы, анализирующие образ мира комбатанта и его представления о войне с позиций историко-антропологического, психолингвистического, культурологического, нарративного подходов. Вместе с тем в доступной литературе нам удалось обнаружить немногие работы, посвященные психосемантическому анализу образа мира и образа жизни комбатанта (Серкин В.П., 2015; Желателев Д.В., 2018).

Целью нашего исследования является исследование «образа войны» у комбатантов, переживших тяжелый стресс. В качестве важных задач работы мы, помимо выделения и описания существующих подходов к изучению «образа мира» комбатантов, выделяем выявление особенностей «образа войны» комбатантов, переживших тяжелый стресс (с признаками посттравматического стрессового расстройства - ПТСР) по сравнению с военнослужащими, не имеющими опыта участия в боевых действий и участников боевых действий без признаков ПТСР (посттравматического стрессового расстройства), а также обнаружение и описание специфики представлений о войне у участников боевых действий в зависимости от представленности и тяжести основных проявлений ПТСР, а также интенсивности боевого стресса. На основании проведенного ассоциативного эксперимента на выборке 56 военнослужащих, не имевших опыта боевых действий, была построена репертуарная оценочная решетка отношения испытуемых к войне, которая в дальнейшем будет использована в эмпирической части исследования. Наиболее частотными существительными, полученными в результате эксперимента были: смерть, оружие, боль, победа, кровь, голод, конфликт, разрушение, страх и политика. Наиболее частотными прилагательными являлись: кровавая, холодная, жестокая, страшная, беспощадная, священная, информационная, долгая, смертельная, ужасная.

По нашему мнению, более целостное понимание того, как и каким образом меняются представления о «войне» у лиц, перенесших боевой стресс, позволит дополнить и обогатить диагностические подходы к выявлению посттравматических стрессовых расстройств, возможно, более точно оценивать эффективность психотерапевтических и психофармакологических интервенций.

Литература

1. Желателев Д.В., Калашников И.Ж., Карпова Е.А. Образ смерти в сознании бывших военнослужащих, участников боевых действий // XXII Царскосельские чтения : материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2018 года. Том 2. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 282-286.
2. Кааяни А. Г. Боевой стресс: проблемы определения и классификации // Вестник Московского университета МВД России. - 2024. - № 1. - С. 254–264. DOI 10.24412/2073-0454-2024-1-254-264.
3. Леонтьев А.Н. Образ мира. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. - 1979. - № 2. - С. 3-13.
4. Литвинцев С.В., Снедков Е.В., Резник А.М. Боевая психическая травма. - М. : Медицина, 2005. - 432 с.
5. Петренко В.Ф. Экспериментальная психосемантика: Исследования индивидуального сознания // Вопросы психологии. - 1982. - № 5. – С. 23.
6. Сенявская Е.С. «Психология войны в 20 веке: исторический опыт России». - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. - 383 с.
7. Серкин В.П. Изменения образа мира, образа жизни и представлений о себе при переживании экстремальной ситуации: новые эмпирические данные и рекомендации // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2015. – № 5. – С. 322-334.
8. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 304 с.
9. Шумков Г.Е. Психика бойцов во время сражений // Выпуск 1. СПб.: б.и., 1909. - 51 с.

Половые особенности профессионального выгорания, психологических защит и прокрастинации у сотрудников правоохранительных органов

Корнева С. В.

Петербургский государственный университет путей сообщения

Императора Александра I

(г. Санкт-Петербург)

Научный руководитель – Слотина Т. В.

В условиях современного общества, где требования к профессиональной деятельности становятся всё более высокими, вопрос выгорания сотрудников правоохранительных органов приобретает особую актуальность.

Феномен выгорания – это психологическое явление, которое оказывает негативное влияние на психофизическое здоровье и эффективность деятельности специалиста, занятого в социальной сфере. По статистике практически половина работающих россиян (45%) имеют опыт выгорания и 15% трудоустроенных граждан переживает этот опыт в настоящий момент (НАФИ Аналитический центр, 2023).

К способам реагирования на стресс относят многие психологические механизмы, в том числе психологические защиты и прокрастинацию. Как отмечает В. С. Ковылин, «Прокрастинацию может вызывать стресс, чувство вины, снижение продуктивности, а также недовольство окружающих из-за невыполнения обязательств» (Ковылин В.С., 2013). Профессиональное выгорание и прокрастинация часто идут рука об руку, создавая порочный круг, из которого сложно выбраться. Результаты исследований указывают на показатели распространенности, достигающие 20–25% среди населения в целом (Ferrari, J. R., 2010).

Актуальность исследований гендерных различий профессионального выгорания подтверждается тем, что их учет способен усовершенствовать систему профилактики и преодоления профессиональных кризисов, в том числе у сотрудников правоохранительных органов. При этом, самих исследований, где отмечаются гендерные различия в эмоциональном выгорании достаточно мало, что обуславливает необходимость более глубокого изучения данного вопроса (Небродовская-Мазур Е. и Матвеева И, 2021).

В нашем исследовании приняли участие 50 сотрудников правоохранительных органов: 28 женщин и 22 мужчин в возрасте от 30 до 45 лет. Общие результаты: респонденты обеих групп имеют средний уровень профессионального выгорания и характеризуются высоким уровнем прокрастинации.

В ходе математической обработки данных достоверно значимое различие между изучаемыми группами выявлено по опроснику «Профессиональное выгорание» К. Маслач. Было установлено, что по шкале «Эмоциональное истощение» у женщин показатели выше, чем у мужчин ($t=2,015$, при $p\leq0,05$). Это может означать, что женщины более эмоционально вовлечены, эмпатичны, а также сталкиваются с дополнительным давлением социальных и культурных ожиданий, что требует от них постоянного подтверждения своей компетентности в традиционно мужской сфере. Наши данные согласуются с результатами, полученными в исследованиях Небродовской-Мазур Е. и Матвеевой И. (Небродовская-Мазур Е. и Матвеева И, 2021).

Прокрастинация и у женщин ($86,61 \pm 13,91$ баллов), и у мужчин ($81,5 \pm 12,23$ баллов) имеет высокий уровень. Таким образом, тенденция откладывать дело на потом характерна всем представителям этой профессии, при этом у женщин значения более высокие.

Для более детального изучения обеих групп был использован корреляционный анализ, в результате которого можно наблюдать сходства и различия по половому признаку.

Общим является то, что у данных двух групп респондентов обнаружены прямые (положительные) связи между шкалами опросника профессионального выгорания «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация» и шкалами методики измерения психологических защит «Изоляция» и «Пассивная агрессия». Чем выше проявление феномена выгорания, то есть повышенная психическая истощаемость, ощущение «пресыщенности» работой, эмоциональная отстраненность и формальное выполнение профессиональных обязанностей без личностной включенности и сопререживания, тем больше используется респондентами уход в себя, бесчувственность, закрытость, равнодушие и вследствие этого также проявляется раздражительность, вредность и упрямство.

Далее представим результаты отдельно по группам. В группе женщин были выявлены связи между шкалами «Эмоциональное истощение» с «Диссоциация» ($r=0,408$, при $p\leq0,05$) и «Избегание» ($r=0,495$, при $p\leq0,01$). Данные связи могут значить, что при появлении истощения и неудовлетворенностью работой, проявляется уход от ситуаций и воспринимают происходящее с ними так, будто оно происходит не с ними, а с кем-то посторонним. Также обнаружена связь между шкалами «Деперсонализация» и «Реактивное образование» ($r=0,490$, при $p\leq0,01$). Респонденты тщательно маскируют глубинные чувства, чувством долга и ответственности, пристрастием к социальным нормам и морали, к догмам в результате опыта деструктивного взаимоотношения с окружающими людьми. «Прокрастинация» оказалась

связанной с адаптивными психологическими защитами «Предвосхищение» ($r=-0,414$, при $p\leq0,05$) и «Юмор» ($r=-0,420$, при $p\leq0,05$). Следовательно, чем чаще сотрудницы склонны откладывать дела на потом, тем более им свойственно занимаются разработкой планов по преодолению возможных в будущем дискомфортных ситуаций, мысленно прописывать варианты предстоящего события, а также им характерно преобразовать негативное восприятие ситуации в позитивное.

Рассмотрим результаты, полученные в группе мужчин. Шкала «Эмоциональное истощение» коррелирует со шкалой «Подавление» ($r=0,513$, при $p\leq0,05$). Чем сильнее сотрудники испытывают эмоциональное истощение, тем более характерно для них избегание эмоциональной перегрузки, и контроль в сложных условиях. Стоит обратить внимание на связи между шкалами «Деперсонализация» с «Ипохондрия» ($r=0,592$, при $p\leq0,01$) и «Компульсивное поведение» ($r=0,572$, при $p\leq0,01$). Вследствие развития негативного, черствого и циничного отношения может проявляться тревожность о здоровье и страх перед последствиями стресса, а компульсивное поведение возникает как способ справиться с внутренним дискомфортом и восстановить контроль в условиях стресса посредством любых видов зависимости, позволяющие быстро и любой ценой притупить чувство тревоги.

«Прокрастинация» связана с «Альтруизмом» ($r=-0,564$, при $p\leq0,01$) и «Юмором» ($r=-0,440$, при $p\leq0,05$). Другими словами, чем чаще сотрудники откладывают дела на потом, тем меньше они пытаются соответствовать социальным нормам, где проявление мужества и ответственности считается важным, что помогает справляться с эмоциональным напряжением и стрессом, а также реже видят забавное в сложной ситуации.

В целом, исследование выявило, что сотрудники правоохранительных органов имеют средний уровень профессионального выгорания, при этом эмоциональное истощение более выражено у женщин, чем у мужчин. Все респонденты характеризуются высоким уровнем прокрастинации и использованием адаптивных психологических защит. Профессиональный выгорание, психологические защиты и прокрастинация являются тесно связанными явлениями, оказывающими значительное воздействие на благополучие работников правоохранительных структур. Необходимо обратить внимание на гендерный аспект в работе с выгоранием и прокрастинацией у сотрудников правоохранительных органов, поскольку мужчины и женщины по-разному воспринимают стресс и реагируют на него. Учет этих различий способствует созданию более эффективной и поддерживающей рабочей среды, что помогает предотвратить выгорание и прокрастинацию.

Литература

1. Ковылин В.С. Теоретические основы изучения феномена проектинации // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2013. – № 2 (2). – С. 22–41.
2. Небродовская-Мазур Е. Гендерные различия профессионального выгорания у сотрудников правоохранительных органов // Наука, образование, культура. – Комрат: Государственный университет Комрата, 2021. – С. 678-682.
3. Профессиональное выгорание россиян симптомы, причины, меры профилактики // НАФИ Аналитический центр. – М., 2023. - URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/professionalnoe-vygoranie-rossiyan-simptomy-prichiny-mery-profilaktiki/?ysclid=maxircoory818476989>
4. Ferrari J. R. Still procrastinating. The no-regrets guide to getting it done. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. – 2010.

Критерии и показатели личностной организации времени и профессионального выгорания сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел

Люсова Т. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Березина Т.Н.

В условиях высокой нагрузки в следственных подразделениях органов внутренних дел (далее – ОВД) критически важна разработка четких критериев и показателей для объективной оценки личностной организации времени и профессионального выгорания сотрудников.

Определение критериев и показателей играет ключевую роль в любом научном исследовании. Они служат компасом, направляющим исследователя к цели, и позволяют объективно оценить полученные результаты.

Критерий – это признак, на основании которого производится оценка или классификация объекта исследования. Это своего рода стандарт, мерило, правило, позволяющее судить о соответствии объекта определенным требованиям или характеристикам. Критерии должны позволять однозначно определить, соответствует ли объект исследования заданным требованиям (Ожегов С.И., 2000).

Показатель – это количественная или качественная характеристика, отражающая степень выраженности критерия. Это измеримая величина, которая

позволяет оценить, насколько хорошо объект исследования соответствует установленному критерию (Ожегов С.И., 2000).

Результаты анализа научной литературы приводят к тому, что критерии и показатели личностной организации времени и профессионального выгорания сотрудников ОВД достаточно объемны и многоплановы.

При определении критериев мы опирались на труды и методические средства, разработанные К.А. Абульхановой-Славской и Т.Н. Березиной (2001), В.В. Бойко (2009), Н.Е. Водопьяновой (2005), В.П. Войтенко (1989), С. Джексон (1981), А.В. Зверьковой (1990), Ф. Зимбардо (2008), Е.П. Ильина (2002), Л.В. Куликова (1995), Д.А. Леонтьева (2019), К. Маслач (1981), Н.П. Фетискина (2005), А.Е. Шильманской (2019), Е.В. Эйдман (1990).

Анализ литературы показывает необходимость применения комплексного подхода к изучению личностной организации времени и профессионального выгорания сотрудников следственных подразделений ОВД, включающего взаимосвязанные критерии и показатели, а также использование разнообразных интегрированных методик для получения объективной и субъективной информации.

Для изучения личностной организации времени и профессионального выгорания сотрудников следственных подразделений ОВД нами выделены эмоциональный, профессионально-возрастной и личностно-временной критерии.

Эмоциональный критерий. Чаще всего профессиональное (эмоциональное) выгорание рассматривают в разрезе мотивационного, физического, эмоционального истощения личности, негативно-деструктивного отношения к качеству деятельности и окружающим, а также как механизм психологической защиты субъекта профессиональной деятельности (Бойко В.В., 2009).

Показателями эмоционального критерия являются «эмоциональное истощение», «деперсонализация», «редукция личных достижений», «неудовлетворенность собой», «загнанность в клетку», «редукция профессиональных обязанностей», «эмоциональная отстраненность» и «личностная отстраненность», которые выделены исходя из выработанных личностью механизмов психологической защиты в разрезе мотивационного, физического, эмоционального истощения личности, негативно-деструктивного отношения к качеству деятельности и окружающим.

Профессионально-возрастной критерий. Специфика профессиональной деятельности, напряженность и изматывающие условия труда, постоянная подверженность эмоциональным и информационным факторам способствуют

развитию у специалистов профессионального стресса с последующим профессиональным выгоранием.

Вместе с тем исследователями отмечается разная степень выраженности и последствий возрастных процессов – нарушения важнейших жизненных функций, сужение диапазона адаптации, развитие болезненных состояний, которые в свою очередь также влияют на работоспособность и активность при выполнении профессиональной деятельности.

Показателями профессионально-возрастного критерия являются «биологический возраст», «субъективная оценка заболевания», «личностный (психологический) возраст», «волевая саморегуляция», «настойчивость», «саморегуляция», «потребность в саморазвитии», «общая удовлетворенность трудом», которые определены исходя из напряженности и условий труда, детерминирующих профессиональное выгорание личности.

Личностно-tempоральный критерий. Любая профессиональная деятельность подчинена определенному времени, ритму и скорости. На всем протяжении жизни индивида временной фактор выступает важнейшей детерминантой его становления и развития, включения в деятельность, профессионального становления и построения жизненной стратегии (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, 2001).

При определении личностно-tempорального критерия мы опирались на положения К.А. Абульхановой-Славской (2001), рассматривая данный критерий с точки зрения трех понятий, обозначающих три пространственно-временные ценностно-смысловые модальности, где «жизненная линия» – есть прошлое, прожитый жизненный путь, где показателями будут являться «Прошлое Негативное» и «Прошлое Позитивное»; «жизненная перспектива» – есть будущее, ожидаемое грядущее человека, где показателями будут являться «Будущее», «ожидаемый пенсионный возраст», «материальные причины», «производственные причины», «личностные причины»; «жизненная позиция» – есть настоящее, достижения личности на основе жизненного опыта, где показателями будут являться «Настоящее Гедонистическое», «Настоящее Фаталистическое», «компетентность в управлении временем», «гармония с жизнью», «осознанность жизни», «активность жизненной позиции».

Показатели личностной организации времени и профессионального выгорания определены на основе изучения содержания диагностических средств.

Таким образом, критерий – это признак, на основании которого производится оценка или классификация объекта исследования, своего рода стандарт, мерило, правило, позволяющее судить о соответствии объекта определенным требованиям или характеристикам, а показатель – это измеримая

величина, количественная или качественная характеристика, отражающая степень выраженности критерия.

Для изучения личностной организации времени и профессионального выгорания сотрудников следственных подразделений ОВД выделяются эмоциональный, профессионально-возрастной и личностно-времоральный критерии, показатели которых определены путём изучения содержания диагностических средств.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н.. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. - СПб.: Сударыня, 2009. - 278 с.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. - СПб.: «Питер», 2005. - 336 с.
4. Войтенко В.П., Токарь А.В., Рудая Э.С. Определение биологического возраста как проблема ненозологической диагностики // Вопросы геронтологии. – 1989. – Вып. 11. – С. 9 – 16.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2002 — 512 с.
6. Куликов Л.В. Стресс и стрессоустойчивость личности // Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып. 1. Ч. 1 / под ред. А. А. Крылова. - СПб., 1995. - С. 123-132.
7. Леонтьев Д. А., Шильманская А. Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Вопросы психологии. - 2019. - № 1. - С. 90-100.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. [Электронный ресурс]. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с. - URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12386>
9. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции: Московский гос.ун-т им М.В. Ломоносова, факультет психологии / под ред. Бабина В.С. и др.. – М. : МГУ, 1990. - 159 с.
10. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 3. – С. 101-109.
11. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. - М.: Изд-во Института Психотерапии. 2005. – 490 с.
12. Maslach C., Jackson S.E. The measurement of experienced burnout // Journal of Organizational Behavior. – 1981. – Vol. 2.- I.2. – P. 99 – 113.

Враждебность как инструмент воздействия в когнитивной войне

Медведева М.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В течение прошедших двух десятилетий 21 века геополитический ландшафт в мире начал претерпевать значительные изменения. Ведущие страны Запада, прежде всего его англосаксонского крыла, столкнулись с новыми для себя глобальными угрозами, исходящими от некоторых развивающихся государств, включая Россию, КНР, Индию и Иран, которые в современных реалиях утвердились в статусе альтернативных центров силы. Произошедшие в указанный период события политического, экономического и военного характера поставили под сомнение способность США, Великобритании и их ближайших союзников доминировать в мире. Это обстоятельство во многом предопределило курс наиболее технологически развитых стран Запада на усовершенствование методов противостояния существующим вызовам и создание новых форм противодействия, способных обеспечить ангlosаксам стратегическое преимущество в борьбе с оппонентами на долгосрочную перспективу.

В стратегии НАТО, основанной на докладе RAND (некоммерческий стратегический исследовательский центр США, нежелательный на территории РФ) от декабря 2022 г. «Роль информации в концепции стратегического соперничества», заключена мысль о том, что «наличие у страны-противника ядерного оружия обеспечивает иммунитет к прямому военному принуждению и потому информационно-психологическое воздействие является наиболее подходящим». Идеи контроля мыслей населения противника и, как следствие, просчет или даже управление его дальнейшими действиями, не являются принципиально новыми в истории человечества. Тем не менее, необходимые условия для внедрения в военный арсенал странами НАТО методов ведения когнитивной войны сформировались относительно недавно. В первую очередь это связано с достижением существенного прогресса в науке о мозге и поведении человека в сочетании с общемировым уровнем информатизации и цифровизации.

Когнитивная война (КВ) призвана оказывать воздействие как на отдельного индивида, личность, так и какое-либо объединение людей, в первую очередь государство, нацию, общество, отдельные его группы, сообщества и т.д.

При этом на уровне личности стоит задача ее «взлома» с помощью уязвимостей мозга для последующего применения социального инжиниринга с целью переформатирования человека, к примеру формирования других ценностных ориентиров, норм морали, понимания добра и зла. Цель состоит в том, чтобы изменить осознание реальности, которое есть у отдельных лиц, чтобы заставить их принимать ошибочные решения или помешать им принимать необходимые действия. В то же время на уровне государства и общества технологии КВ позволяют нанести удар по образованию, науке, культуре, что неминуемо приведет к перезагрузке самосознания населения, его расколу и разрушению. В качестве иллюстрации можно привести процесс навязывания набора либеральных ценностей взамен традиционных, в результате чего наносится колоссальный ущерб государству и населяющим его людям. Во многом когнитивная война является продолжением информационной, при ведении которой используется тот же самый набор методов пропаганды. Тем не менее, несмотря на их использование в когнитивной войне, от информационной войны она отличается целью. Если в основе идеи пропаганды лежит убеждение и формирование определенного мнения манипулятивным путем, то когнитивное воздействие, как говорилось ранее, направлено на контроль мышления и принятия решений, подрыв ценностных ориентиров и доверия, традиций, истории и т.д. Такого рода эффекта в современном мире можно достичь за счет направленного воздействия через цифровые технологии на мозг человека. Одной из целей применения методов когнитивной войны является повышения уровня враждебности среди населения, поскольку враждебность связана с такими когнитивными функциями как восприятие, внимание, мышление, память, на которые и направлено воздействие. В силу того, что одной из основных целей когнитивной войны является внесение раскола в общество-мишень, наиболее предпочтительным методом является повышение уровня враждебности и активизация подобных установок среди граждан страны в отношении государства в целом, его руководства и представителей отдельных групп друг к другу. Таким образом, методы КВ призваны оказывать значительное влияние на уровень враждебности в обществе. Они могут использоваться для формирования негативного образа определенных групп людей или стран, разжигания конфликтов, усиления предубеждений и манипуляции общественным мнением. Вместе с тем, усиление влияния враждебных радикалов в сознании людей ведет не только к разобщению сограждан, формированию «информационных пузырей» и увеличению числа внутренних конфликтов, но, предположительно, также приводить к возникновению глубоких изменений в структуре личности.

Физические последствия враждебности могут быть как острыми, так и хроническими. Острые состояния проявляются через повышение артериального

давления, учащение сердцебиения и нарушение сна. Хроническое воздействие приводит к развитию хронических заболеваний, ухудшению общего самочувствия и снижению качества жизни. Психологические эффекты враждебности затрагивают эмоциональную и поведенческую сферы жизни человека. В эмоциональном плане это проявляется через повышенную тревожность, депрессивные состояния и эмоциональное выгорание. На поведенческом уровне враждебность приводит к социальной изоляции, конфликтности и нарушению межличностных отношений.

Таким образом, воздействие технологий КВ на враждебные установки людей может иметь последствия, связанные не только с нагнетанием напряженности внутри социума, но и с глубокими изменениями в картине мира отдельных индивидов, что провоцирует поведенческие нарушения, проблемы с адаптацией, а также возникновение серьезных заболеваний в острой и хронической формах.

Литература

1. Белоус А.И. Технологии, методы и инструменты войн XXI века. – М.: Техносфера, 2023. – 285 с.
2. Ениколопов С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1(2). – С. 33-39.
3. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. – 2001. – № 1. – С. 60–71.
4. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия – СПб.: Питер, 2014. – 304 с.
5. Приемы и методы современной пропаганды // Справочник. [Электронный ресурс] . URL: https://spravochnick.ru/zhurnalista/priemy_i_metody_sovremennoy_propagandy/ (дата обращения: 05.05.2025).
6. Уралов С.С. Украинская трагедия. – М.: Лира, 2023. – 198 с.
7. Brooker K.L. The Effectiveness of Influence Measures in Cognitive Warfare. – Sydney: Australia's Global University, 2020. – 167 p.
8. Claverie B., Prébot B., Buchler N., Du Cluzel F. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. – 2022. – 120 p.
9. NATO 2022 STRATEGIC CONCEPT, 2022. – URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 18.05.2025).
10. The Role of Information in the Concept of Strategic Competition. RAND Report, 2022. – URL: https://newsletter.radensa.ru/wp-content/uploads/2023/11/RAND_RRA1256-1.pdf?ysclid=maxjit3x8i204503826 (дата обращения: 18.05.2025).

Эмоциональное выгорание у сотрудниц финансово-экономической службы оборонного предприятия

Пепина К.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Обращаясь к статистике работающего населения по различным видам экономической деятельности, из всех работающих женщин в нашей стране на 2023 год, в направлении «Государственное управление и обеспечение военной безопасности» трудится 5,8%, в направлении «Финансовая и страховая деятельность» - 3,1%, а с 2015 по 2021 год наблюдается тенденция к преобладанию женщин в данных сферах на 1% и 2% соответственно.

Все приведенные сферы профессиональной деятельности предполагают высокий уровень профессиональной ответственности, которая может послужить формированию эмоционального выгорания. Так, например, при отсутствии сформированного синдрома выгорания, но имея высокий уровень профессиональной ответственности – присутствует тенденция к формированию синдрома в фазах напряжения и резистенции (Кудинов С.И., Кудинов С.С., Седова И.В., 2016). Наряду с этим, у людей с высоким уровнем ответственности синдром выгорания обнаруживается в 35,7% случаев, а с более низким – лишь у 5,1% (Кудинов С.И., Седова И.В., 2014).

Эмоциональное выгорание является следствием трудового переутомления и повышенной профессиональной ответственности (Кравченко А.В., 2015). В процессе формирования синдрома происходит снижение адаптационных возможностей, что увеличивает восприимчивость к травматичным факторам (Скоблик О.Н., 2017). Наряду с этим, женщины наиболее подвержены эмоциональному выгоранию, что определяется их отзывчивостью, заинтересованностью в профессиональной деятельности и заниженной самооценкой (Конах Я.А., 2010).

Целью нашего исследования стало выявление особенностей эмоционального выгорания у женщин, работающих в условиях повышенной профессиональной ответственности, а именно – в различных отделах финансово-экономической службы оборонного предприятия.

Для проведения исследования была выбрана методика диагностики уровня эмоционального выгорания (Бойко В.В.).

Выборку составили 86 женщин, работающих в финансово-экономической службе оборонного предприятия. Исходя из трудовых задач, было выбрано три отдела – финансовый (13 сотрудниц), плановый (45 сотрудниц) и бухгалтерский (28 сотрудниц). Средний возраст респондентов: 41 год. Опыт работы от 1 года до 50 лет.

Для оценки различий в фазе напряжения был применён непараметрический критерий Краскела–Уоллиса. Результаты анализа показали наличие статистически значимых различий между тремя группами ($H(2) = 7.677$, $p = 0.022$). Дальнейший пост-хок анализ с использованием теста Данна с поправкой Холма выявил, что сотрудницы бухгалтерского отдела демонстрируют более высокий уровень напряжения по сравнению с плановым отделом ($p = 0.021$, $r_B = 0.386$). Различия между другими парами отделов не достигли уровня статистической значимости ($p > 0.05$).

Для анализа различий в фазе резистенции были проведены оба вида анализа: однофакторный дисперсионный анализ ($F(2,83) = 7.38$, $p = 0.001$) и критерий Краскела–Уоллиса ($H = 11.10$, $p = 0.004$), так как наблюдались пограничные отклонения от нормальности. Пост-хок тест Данна выявил статистически значимые различия между бухгалтерским и плановым отделами ($p = 0.003$, $r_B = 0.46$), где сотрудницы бухгалтерского отдела показывают более высокий показатель в фазе резистенции. Различия между бухгалтерским и финансовым отделами оказались на грани статистической значимости ($p = 0.080$), а между плановым и финансовым отделами – не выявлены ($p = 0.702$).

Непараметрический анализ (Краскел–Уоллис) выявил значимые различия в уровне истощения между сотрудниками отделов ($H(2) = 10.83$, $p = 0.004$). Согласно результатам теста Данна с поправкой Холма, бухгалтерский отдел характеризуется более высокими показателями истощения по сравнению как с плановым ($p = 0.009$, $r_B = 0.42$), так и с финансовым отделами ($p = 0.019$, $r_B = 0.48$). Различия между плановым и финансовым отделами вновь оказались статистически незначимыми ($p = 0.680$).

Таким образом, во всех трёх фазах эмоционального выгорания – напряжении, резистенции и истощении – сотрудницы бухгалтерии демонстрируют более выраженные показатели по сравнению с другими отделами, что указывает на потенциально более высокий риск профессионального выгорания. Однако, в финансовом отделе высокая вариативность данных ($SD = 18.75-22.25$), что может указывать на неоднородность эмоционального состояния и наличие скрытых проблем у части сотрудниц.

Корреляционный анализ Спирмена не выявил значимой связи не только между возрастом и общим уровнем выгорания ($\rho = 0.114$, $p = 0.297$), но и между

стажем работы и уровнем эмоционального выгорания ($\rho = 0.161$, $p = 0.139$). Следовательно, стаж и возраст не оказывают статистически значимого влияния на уровень эмоционального выгорания и не являются ключевыми факторами, способствующими формированию синдрома выгорания.

Резюмируя результаты исследования, бухгалтерский отдел в финансово-экономической службе наиболее подвержен формированию синдрома выгорания. Данный факт не зависит от стажа или возраста сотрудниц и определяется следствием специфики профессиональной деятельности. Так, например, деятельность бухгалтерского отдела, в отличие от планового и финансового, определяется большей монотонностью, загруженностью и объемными требованиями в квартальной отчетности. Возможные профессиональные ошибки в бухгалтерском отделе влекут за собой прямые последствия – финансовые и юридические риски предприятия.

Наряду с этим, деятельность в плановом и финансовом отделах отличается разнообразными задачами – аналитика, прогнозирование и выстраивание стратегий, также – профессиональная нагрузка распределена равномерно в течение года. Возможные профессиональные ошибки в плановом отделе можно разрешить пересмотром стратегии, без рисков для предприятия, также как и в финансовом отделе – возможные ошибки можно скорректировать без немедленных последствий.

Таким образом, сотрудницы-бухгалтеры сильнее подвержены формированию синдрома выгорания, чем сотрудницы планового и финансового отделов финансово-экономической службы оборонного предприятия. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации рабочего процесса бухгалтеров и разработки профилактических мер по снижению риска эмоционального выгорания у сотрудниц.

Литература

1. Женщины и мужчины России: стат. сб. [Электронный ресурс] / Росстат. – М., 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf> (дата обращения: 22.05.2024).
2. Конах Я.А. «Эмоциональное выгорание» женщин-следователей [Электронный ресурс] // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-zhenschin-sledovateley> (дата обращения: 22.05.2024).
3. Кравченко А.В. Синдром эмоционального выгорания как результат профессионального стресса // Вестник Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». – 2015. – № 49. – С. 377-383.

4. Кудинов С.И., Кудинов С. С., Седова И. В. Роль ответственности в эмоциональном выгорании учителей на начальном этапе профессионализации [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2016. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-otvetstvennosti-v-emotsionalnom-vygoranii-uchiteley-na-nachalnom-etape-professionalizatsii> (дата обращения: 20.03.2024).

5. Кудинов С.И., Седова И.В. Исследование эмоционального выгорания у педагогов с разными уровнями ответственности [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2014. – № 4. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-emotsionalnogo-vygoraniya-u-pedagogov-s-raznymi-urovnyami-otvetstvennosti> (дата обращения: 20.03.2024).

6. Скоблик О.Н. Профессиональный стресс и эмоциональное выгорание: методологический анализ проблемы // Крымский университет культуры, искусства и туризма. – 2017. – № 9. – С. 77-80.

За гранью улик: психология расследования

Сипатова С.С.

Нижегородская академия МВД России
(г. Нижний Новгород)

Научный руководитель - Протасова А.И.

Расследование должно быть логичным, с использованием методов дедукции и индукции для выявления взаимосвязей между событиями. Однако, помимо логики, важны интуиция и опыт следователя, которые помогают находить нестандартные решения. В сложных ситуациях, когда информации недостаточно или она противоречива, необходимо уметь оценивать риски и предвидеть последствия принимаемых решений.

Успешное взаимодействие с людьми и получение достоверных показаний напрямую зависят от личностных качеств следователя. Коммуникативные навыки, способность к сопереживанию (эмпатия) и уверенность в себе позволяют следователю устанавливать доверительные отношения, располагать к себе собеседника и, как следствие, повышать результативность расследования.

На то, как люди помнят события, могут влиять их чувства, чужие слова или информация, полученная позже. Следует внимательно анализировать показания свидетелей, учитывая возможность искажения их воспоминаний.

Рассмотрим некоторые следственные действия и их психологию.

Допрос - это следственное действие, которое предназначено для получения информации, показаний, которые имеют значения для уголовного дела. Допрос может протекать как в форме сотрудничества, так и в форме соперничества.

Подготовка к допросу. На этом этапе следователь изучает материалы уголовного дела, выясняет круг обстоятельств, по которым нужно получить информацию, определяет статус человека, изучает личность допрашиваемого (Доспупов Г.Г., 1976).

Производство. В этом этапе важно помнить, что информацию люди воспринимают как осознанно, так и подсознательно, но передают её только осознанно.

Следователь должен содействовать восстановлению памяти допрашиваемого, если последний забыл какие то моменты, это делается для того, чтобы допрашиваемый мог вспомнить забытые моменты.

Стадии допроса представляют из себя начальную и заключительную стадии.

На начальной стадии следователь устанавливает первичный контакт с допрашиваемым, затем это переходит в коммуникативный контакт. К такому контакту можно отнести свободный рассказ допрашиваемого, воспоминание пробелов, установление причин умышленного замалчивания об отдельных обстоятельствах, выявление ложной информации.

На заключительной стадии следователь фиксирует полученные показания.

Следующее следственное действие, которое будет рассмотрено - очная ставка. Очная ставка проводится следователем между лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия, поэтому она, как правило, связана с острой конфликтной ситуацией и высокой эмоциональной напряженностью. Цель этого следственного действия изобличение лица, препятствующего следствию.

Следователь должен: выяснить уровень знакомства и наличие какого-либо рода отношений между участниками очной ставки; поочередно предоставить возможность дать показания в свободном рассказе (возможно прозвучат факты, которые раньше замалчивались); дать возможность участникам задавать вопросы друг другу.

Важно отметить действия следователя при проведение очной ставки. Некоторые из них сотрудник обязан пресекать, учитывать возможные угрозы, исключить неконтролируемое общение между участниками, исключить сговор, пресекать попытки внушающего воздействия, укреплять волевую позицию лица, дающего правдивые показания (Столяренко А. М., 2000).

На результаты очной ставки оказывают влияния группы 2 факторов.

Первая категория факторов включает в себя те, которые связаны с внутренними, субъективными аспектами, влияющими на последовательность и точность показаний допрашиваемых, а именно заблуждение одного лица или группы лиц, заведомо ложные показания одного или обоих участников очной ставки, прежний преступный опыт допрашиваемого, неприязненные отношения между ее участниками, ролевые позиции ее участников, темперамент и состояние того или иного допрашиваемого.

Вторая группа факторов, влияющих на противоречия в показаниях на очной ставке, обусловлена внешними обстоятельствами, в первую очередь, действиями следователя, который организует и проводит это следственное действие: выбор времени (с проведением очной ставки можно поспешить и можно безнадежно опоздать, в ряде случаев правильный выбор времени очной ставки может оказаться главным фактором, определяющим ее успех), уровень подготовки следователя к очной ставке, контроль следователем своего собственного состояния, планирование очной ставки.

Процесс опознания - это идентификация объекта на основе его соответствия ранее сформированному в психике образу.

Есть некоторые факторы требующие выяснение перед проведением опознания.

Объективные (в каких условиях опознающий видел объект, чем было вызвано это явление, как долго происходило наблюдение, в какое время суток, какое было освещение).

Субъективные (состояние зрения и слуха опознающего, свойства памяти опознающего, уровень запоминания наблюдательного лица, акцентирование внимания на индивидуальные признаки).

В предъявления для опознания есть свои особенности. Для опознания нужно не менее трех людей или предметов, лица или предметы предъявляемые для опознания должны иметь внешние сходные признаки по описанию опознающего, а также разрешается проводить опознания одного и того же объекта только один раз.

Последнее следственное действие, которое будет рассмотрено, обыск. Обыск - это следственное действие, заключающееся в обследовании помещений и территорий с целью обнаружения и изъятия орудий преступления, оборудования, использованного для его совершения, документов, ценностей и других предметов, которые могут иметь значение для установления обстоятельств дела.

Основные виды деятельности при разыскивании украденного:

Визуализировать решение задачи поиска конкретных объектов.

Провести мероприятия по обнаружению искомого.

Использовать метод рефлексии (человек, который обыскивает, ставит себя на место обыскиваемого, тем самым может примерно предположить, куда можно было бы спрятать тот или иной предмет).

При проведении обыска нужно учитывать план обыскиваемого помещения, мыслительные процессы обыскиваемого, психологию личности обыскиваемого (предвидение его поведения) (Лебедев И.Б., Родин В.Ф., Мариновская И.Д., Цветков В.Л., 2006).

Во время обыска полезно общаться с обыскиваемым, задавая вопросы о найденных вещах и предметах, а также об их содержимом и характеристиках, особенно в местах хранения. Обращайте внимание на тембр голоса, манеру речи, поведение и другие реакции обыскиваемого, так как они могут указывать на его волнение. При приближении к местам, где могут быть спрятаны искомые объекты, сотрудники должны наблюдать за признаками беспокойства у обыскиваемого, такими как внезапная потливость, бледность, нервозность или суетливость.

Целенаправленное наблюдение и правильный анализ обстановки на месте производство обыска может способствовать успешному результату обыска.

Таким образом, в работе раскрыты особенности проведения предварительного расследования, а именно психология следственных действий, таких как допрос, очная ставка, предъявление для опознания и обыск. Следователю, дознавателю и другим сотрудникам правоохранительных органов необходимо знать базовые знания психологии для успешных результатов в своей деятельности.

Литература

1. Доспупов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. Москва: Юрлит, 1976. - 112 с.
2. Лебедев И.Б., Родин В.Ф., Мариновская И.Д., Цветков В.Л. Юридическая психология. Учеб. / Под общ. ред. В.Я. Кикотя. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. - 479 с.
3. Столяренко А. М. Психологические приемы в работе юриста: практико-пособие. - М.: Юрайт, 2000. - 283 с.

Изменение представлений о профессиональной деятельности у курсантов и слушателей в процессе обучения в образовательных организациях МВД России

Селина Е.П.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель – Попинако Е.А.

Одним из основных источников восполнения кадрового дефицита в ОВД в настоящее время являются высшие образовательные организации МВД России. Как показывают результаты социально-психологических исследований процесса движения кадров в системе МВД России, во многих службах лишь треть молодых сотрудников обладает выраженным желанием продолжать службу в органах внутренних дел, а около 20% выпускников вузов МВД уже на первом году службы проявляют сомнения в правильности своего профессионального выбора.

Под профессиональной установкой обучающегося вуза МВД России понимается относительно устойчивое состояние психологической готовности его личности следовать или противостоять нормам профессионального взаимодействия, сложившимся в образовательной организации МВД России (Резепин А.В., 2005).

Профессиональные установки и представления обучающихся в образовательных организациях МВД России о будущей профессиональной деятельности формируются посредством включения обучающихся в сферу как учебной, так и служебной деятельности, а также под воздействием ценностных ориентаций служебного коллектива (учебной группы), условий осуществления образовательного процесса и ближайшего социального окружения и закрепляются через приобретённый профессиональный опыт.

Профессиональные установки и представления обучающихся реализуются в его повседневной деятельности посредством соблюдения распорядка дня, освоения учебной программы, выполнения обязанностей сотрудника ОВД, а также в эмоциональном восприятии своей учебно-служебной деятельности.

Для оценки изменений профессиональных установок в процессе обучения было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участия 38 респондентов, из которых 23 курсанта 1 курса и 15 слушателя 5 курса.

Цель исследования состояла в выявлении ключевых тенденций в трансформации профессиональных установок и представлений на различных этапах обучения. В качестве метода исследования использовался частотный анализ полученных результатов.

Исследование проводилось с помощью методики измерения карьерного самоопределения в адаптации А.Н. Демина (шкала «Карьера идентичность») и авторской анкеты, направленной на определение:

1. Первоначальных представлений о профессии (до поступления в образовательную организацию МВД России).
2. Изменений представления о будущей профессиональной деятельности в процессе обучения.
3. Факторов, повлиявших на изменения представлений о будущей профессиональной деятельности.
4. Факторов, мотивирующих к получению знаний умений и навыков, способствующих лучшему овладению будущей профессией.
5. Представлений о будущей профессиональной деятельности.

В ходе сбора эмпирического анализа были выявлены различия в представлениях о профессиональной деятельности курсантов и слушателей 1 и 5 курсов.

Оценка профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел как профессии связанной с высоким риском. Первокурсники (100%) изначально осознавали высокорисковый характер работы в ОВД, однако к 5 курсу 6,7% респондентов стали отрицать наличие рисков в будущей деятельности, что может свидетельствовать о профессиональной адаптации или изменении восприятия опасности.

Изменение понимания сущности профессиональной деятельности и ее специфики за время обучения. На 1 курсе 73,9% отметили изменение взглядов на профессию, то к 5 курсу этот показатель вырос до 86,7%. Это отражает более выраженную идентификацию себя с профессией в процессе обучения, что связано с получением новых компетенций в области будущей профессиональной деятельности.

Чувство гордости и уверенность в своем профессиональном выборе испытывают абсолютное большинство первокурсников (91,3%), а все пятикурсники (100%) гордятся своим выбором, что подтверждает устойчивую профессиональную мотивацию.

Изменение мнения о коллегах и командной работе возрастает с 43% на 1 курсе до 73% к 5 курс обучения, что указывает на интеграцию в корпоративную культуру ОВД.

Среди факторов, повлиявших на изменения представлений о будущей профессиональной деятельности, у обучающихся на 1 и 5 курсах необходимо выделить фактор прохождения практики в территориальных подразделениях МВД России и значение профессорско-преподавательского состава образовательной организации.

Так, по фактору «Практика (получение знаний, умений и навыков во время прохождения различных видов практик)» отмечен значительный рост значимости с 17% (1 курс) до 73% (5 курс), что подчеркивает его ключевую роль в профессиональном становлении будущего сотрудника ОВД.

Фактор «Преподаватели (профессорско-преподавательский состав)» оказывает первостепенное значение для 69,6% первокурсников, но к 5 курсу значение данного фактора влияние снижается до 33,3%.

Фактор «Общение с курсантами старших курсов» важен для 60,9% (курсантов 1 курса и 40% слушателей 5 курса, что говорит о снижении значимости горизонтальных связей.

Фактор «Контакты с сотрудниками ОВД» постепенно увеличивают свое воздействие с 43,5% до 73,3%, подтверждая важность вертикальной социализации для слушателей 5 курса, что связано также с общением пятикурсников с сотрудниками территориальных подразделений во время прохождения практики и дальнейшего поддержания данных контактов в дальнейшем.

Фактор «Новости и СМИ» практически не имеют значение на различных этапах обучения.

Оценка идентификации и восприятия себя как «часть системы ОВД» показала, что 69,6% первокурсников ощущают себя лишь частично интегрированными в систему органов внутренних дел, тогда как 66,7% пятикурсников идентифицируют себя полностью, что отражает завершение профессиональной адаптации и понимание специфики данной системы.

Среди факторов, мотивирующих к получению знаний умений и навыков, способствующих лучшему овладению будущей профессией, наиболее выражены мотивация оказания помощи людям (с 39,1% на 1 курсе до 53,3% на 5 курсе), свидетельствует о развитии служебно-гуманистической ориентации обучающихся, и мотивация наличия властных полномочий (с 13% на 1 курсе до 100% на 5 курсе), что отражает принятие иерархических принципов ОВД.

Также необходимо отметить повышение важности уровня заработной платы для продолжения службы в органах внутренних дел с 65,2% на 1 курсе до 86,7% на 5 курсе и важности наличия льгот для сотрудников с 56,5% на 1 курсе до 73,3% на 5 курсе.

В качестве средств мотивации к профессиональной деятельности отмечается доминирование поощрений (100% у 1 курса), однако у обучающихся 5 курса 6,7% добавляют санкции как стимул, что может отражать реалистичность ожиданий от будущей профессиональной деятельности.

Важность карьерного роста характерна в большей степени для первокурсников (100%), тогда как 6,7% пятикурсников демонстрируют снижение карьерных амбиций, возможно, из-за переоценки приоритетов.

Уверенность в выборе и будущем месте работы увеличивается с 73,9% 93,3% к 5 курсу обучения, что характерно для завершающего этапа профессионального самоопределения.

Таким образом, проведённое исследование демонстрирует изменение профессиональных установок и представлений у обучающихся от 1 к 5 курсу. Ключевыми тенденциями стали: усиление профессиональной идентичности, рост значимости практического опыта и вертикальной социализации, а также принятие корпоративных ценностей (власть, символика, командная работа). При этом отмечается увеличение pragматических мотивов (зарплата, льготы) и снижение влияния преподавателей и горизонтальных связей.

Устойчивая гордость профессией и уверенность в правильности своего выбора (100% у пятикурсников) и высокая определённость в выборе подразделения (93,3%) свидетельствуют об успешной профессиональной адаптации к выпускному курсу.

Однако наличие небольшой доли респондентов, отрицающих риски (6,7%) или снижающих карьерные амбиции (6,7%), указывает на необходимость дальнейшего изучения факторов, влияющих на долгосрочную удержание кадров в системе ОВД.

Литература

1. Резепин А.В. Социально-психологические условия формирования профессиональных условий формирования профессиональных установок у курсантов вуза МВД России: автореф. дис. канд. психол. наук. - Москва, 2005. - 24 с.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С КОНФЛИКТНЫМИ, КРИМИНАЛЬНЫМИ И ИНЫМИ СЛОЖНЫМИ СИТУАЦИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Восстановительные практики в культуре школы

Афанасьев Е.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гурина О.Д.

Принятые в школах способы общения часто приводят к необходимости либо терпеть проявление агрессии в свой адрес, либо самому реагировать агрессивно, что создаёт предпосылки для роста количества конфликтов, их эскалации, появления травли и прочих негативных последствий. Это касается как учеников, так и учителей, представителей администрации и других сотрудников.

Традиционные методы реагирования на конфликтные ситуации в школе зачастую ориентированы исключительно на установление причин конфликта, поиск виновных и их наказание. Это может проявляться как в работе педагога, например, классного руководителя, взявшего на себя роль судьи в детском конфликте, так и в деятельности школы как субъекта профилактики правонарушений (различные формы профилактического учёта и контроля, привлечение представителей правоохранительных органов и комиссий по делам несовершеннолетних). При таком подходе дети не получают навыков самостоятельно разрешения споров и противоречий, не учатся конструктивному взаимодействию в конфликтных ситуациях. Негативный опыт конфликтных ситуаций подрывает доверие друг к другу, травмирует, приводит к избеганию общения в школе, в том числе к пропускам занятий (Reaves et al., 2018).

В качестве одного из способов реагирования на конфликтные ситуации в школе рассматривается использование восстановительных практик. Помимо эффективного разрешения конфликтов, они позитивно влияют на уровень доверия между учителями и учениками, а также увеличивают чувство принадлежности к школе (McCluskey, 2018).

Однако конфликтные и кризисные ситуации являются лишь частью более глобальной проблемы – проблемы ограниченности форматов взаимодействия и инструментов коммуникации в школе, отсутствия пространства для совместного

обсуждения и разрешения актуальных для сообщества вопросов. Поиск ответов на эту проблему лежит в области более серьёзных изменений – изменений культуры взаимоотношений в школе, в том числе насыщением её восстановительными практиками.

В самом общем виде культура – «то, как мы здесь живём», это способы действий, основанные на ценностях и убеждениях участников сообщества (Webb, 2021). Восстановительная культура – это культура, в которой происходящие в школе процессы, такие, как повседневное общение, обучение, поведенческие вмешательства, дисциплинарная политика и управление организацией основаны на ценностях, диалоге и отношениях и учитывают потребности участников школьного сообщества (Moran, 2025).

Белинда Хопкинс (Hopkins, 2015) выделяет пять ключевых убеждений, которые лежат в основе многих восстановительных практик.

1. Каждый человек имеет свой уникальный взгляд на ситуацию или событие, и нуждается в том, чтобы выразить его и почувствовать, что его ценят, уважают и слушают.

2. То, что человек думает в каждый конкретный момент, влияет на то, что он чувствуют, и эти чувства определяют поведение.

3. Эмпатия и уважение к другому критически важны для благополучия всего сообщества.

4. Нереализованные потребности управляют поведением. Если наши физические и эмоциональные потребности удовлетворены, мы способны функционировать наилучшим образом. Если они не удовлетворены, мы испытываем нехватку ресурсов и менее способны справляться с трудностями.

5. Возможность участвовать в эмпатическом и совместном решении проблем воодушевляет людей и позволяет обрести внутреннюю уверенность.

Эти пять убеждений соответствуют этапам реализации восстановительных практик и могут использоваться во многих видах вмешательств и повседневных взаимодействий. Хопкинс считает, что в случае, когда сотрудники разделяют эти убеждения, при активной роли лидеров сообщества (директора, администрации), культура отношений в школе может стать подлинно восстановительной. В случае такого изменения культурного пространства школы восстановительные практики могут естественным образом стать частью обыденной коммуникации не только в конфликтах, но и при решении любых актуальных для сообщества задач. При этом в центре внимания будут восстановительные вопросы:

1. Что происходит?
2. Что вы об этом думаете и чувствуете?
3. На кого и как влияет ситуация?
4. Какие ваши потребности не удовлетворены? Можете ли вы сказать, что вам сейчас необходимо и попросить об этом других?

5. Что можно сделать, чтобы найти решение?

Эти вопросы могут так или иначе варьироваться, но они должны поддерживать ценности эмпатии, осознанного принятия ответственности, уважительного диалога и совместного решения проблем (Hopkins, 2015).

Итак, восстановительный подход может быть не просто набором инструментов реагирования, но и заложить основу для культурных изменений, позволяющих превратить трудные ситуации и конфликты в возможности для развития социально-эмоциональных навыков и укрепления сообщества.

Литература

1. Hopkins B. From restorative justice to restorative culture // Social Work Review. - 2015. - Vol. - 14 (4). – P.19-34.
2. McCluskey G. Restorative Approaches in Schools: Current Practices, Future Directions // The Palgrave International Handbook of School Discipline, Surveillance, and Social Control / eds. J. Deakin, E. Taylor, A. Kupchik. Cham: Palgrave Macmillan/ - 2018. - Ch. 29. DOI: 10.1007/978-3-319-71559-9_29.
3. Moran E., Walsh E., Sloan S. Promoting a restorative culture in schools: Insights from school leaders // International Journal of Educational Research Open. - 2025. - Vol. 8. - Article 100397. DOI: 10.1016/j.ijedro.2024.100397.
4. Reaves, S. et al. The test of time: A meta-analytic review of the relation between school climate and problem behavior // Aggression and Violent Behavior. - 2018. - Vol. 39. DOI: 10.1016/j.avb.2018.01.006.
5. Webb O. Enacting Relational Leadership Through Restorative Practices // Alberta Journal of Educational Research. - 2021. - Vol. 67 - № 2. - P. 159-177. DOI: 10.11575/ajer.v67i2.68603.

Феномен прощения в восстановительных программах

Иванов Е. П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Карнозова Л. М.

Исследование феномена прощения позволяет углубить понимание фундаментальных принципов восстановительного правосудия и их реализации в конкретных восстановительных программах. Желание найти ответы на вопрос о том, как работают восстановительные программы, привело нас к исследованию темы прощения. В России восстановительные программы в сфере детства реализуются более 25 лет (Карнозова Л.М., 2009), однако в отечественных

исследованиях тема прощения в восстановительных программах не рассматривалась. Восстановительные программы – это организованные встречи, в центре которых чаще всего находится конфликт участников, отягощенный нарушенной коммуникацией. Особое внимание в таких программах уделяется субъективным переживаниям участников, представляющим широкий спектр ощущений, который, в свою очередь, имеет шанс видоизменяться, переходя от переживаний агрессии к печали. В организованном пространстве восстановительных программ может проявиться и феномен прощения, который, в свою очередь, способен положительно повлиять на результат встречи. Поскольку роль и функции извинения и прощения в процессе восстановительного правосудия не были глубоко изучены, то исследования могут пролить свет на то, почему встречи в рамках восстановительного правосудия приносят пользу жертвам и обидчикам (Судзуки, Дженкинс, 2022).

Теме прощения в восстановительном правосудии уделяли внимание такие ученые, как Х. Зер, К. Беннетт, М. Судзуки и Т. Дженкинс. Можно сказать, что прощение затрагивает ключевые принципы восстановительного правосудия: исцеление жертв, заглаживание вреда, ресоциализация правонарушителей. При этом прощение не является обязательным явлением в восстановительных программах. Исследователи отмечают положительные последствия прощения для жертв в виде снижения уровня гнева и потребности в мести, восстановления самоуважения и чувства справедливости, улучшения психологического и физиологического здоровья. Перечисленные факторы понятным образом ведут к исцелению жертвы. Исследователи отмечают, что извинение, находящееся в очевидной взаимосвязи с прощением, попадают под категорию «символического заглаживания вреда» и в определённых ситуациях бывают важнее материального возмещения. Особо интересно обнаружить, что положительные последствия извинений распространяются не только на жертв, ведь правонарушители также могут извлекать пользу из извинений. Правонарушения снижают уровень доверия общества к правонарушителям и извинение может стать первым шагом к восстановлению доверия, так как оно сигнализирует о том, что они «услышали, поняли и приняли моральное послание, направленное на них, и что они принимают ценности, заложенные в нем» (Беннетт, 2006). Прощение последующее за извинением в данном случае укрепляет осознание и принятие ответственности со стороны правонарушителя.

С целью углубления в изучении нашей темы мы обратились к работам философов, изучавших феномен прощения: Ж. Деррида, Х. Арендт, В. Янкелевича, желая обнаружить созвучие с восстановительными программами. Так, например, Ж. Деррида, подходя к феномену прощения как к дару, пробует описать причины, по которым настоящее прощение не зависит от человека и

находится вне сознательной деятельности. Ключевой мыслью Ж. Деррида о прощении как о даре является то, что в тот момент, когда мы дарим, мы ничего не ждем взамен. Выходит, если мы дарим прощение, то оно будет истинным, если мы не будем ждать от обидчика ничего, в том числе изменений поведения по отношению к нам. Человек в таком случае может лишь стремиться простить или совершать действия, способствующие прощению. Прощение, по Деррида, не подчинено логике целеполагания, не может быть встроено в какой-либо дискурс. Прощение как дар сравнивается с счастливым случаем и относится к области судьбы, которая не происходит по волеизъявлению субъекта, а как бы действует из своей плоскости. Тот, на кого воздействует судьба, необходимо и неотвратимо выключается из «общего» контекста действительности. Х. Арендт смотрит на прощение из своей области политической философии. Одна из ключевых для нас мыслей Арендт – это центрирование прощения в парадигме отношений Я с другими («со-бытие»). Из этого рождается еще одна важнейшая оптика взгляда на прощение как на элемент, необходимый для плодотворного, созидающего события людей вместе, важный элемент поддержания и восстановления человеческих отношений. Если бы люди не могли прощать, то обиды и конфликты оставались бы последней точкой человеческого общения друг с другом, что угрожало бы любой совместной деятельности человечества.

Мы также обратились к исследованиям в психологии. Особое внимание феномену прощения уделяли Р. Энрайт, Э. Гассин, А. Лэнгле. В своих работах Р. Энрайт выделяет три модальности прощения: дарование прощения (жертва прощает обидчика), получение прощения (обидчик принимает прощение от жертвы) и самопрощение (человек прощает сам себя за конкретный проступок) (Р. Энрайт, 1996). Представленная модальность позволила дифференцировать направления в исследовании темы прощения, выделив прощающего и прощаемого и, что представляет особый интерес, человека, прощающего самого себя. Такая модальность получила название «триада прощения». Таким образом, можно представить обидчика, который после получения прощения со стороны жертвы не заканчивает диалога с самим собой. Данная мысль может помочь в дальнейшем исследовании феномена прощения участников восстановительных программ, задавая вопрос о самопрощении обидчика и о том, каким образом это влияет на его ресоциализацию. Экзистенциальная ветвь психологии в лице А. Лэнгле говорит о прощении как об отделении. При прощении человек словно изымает себя из произошедшей ситуации, отделяя себя от другого. Прощение в таком случае приводит к исцелению и улучшению психологического здоровья, но не говорит о восстановлении отношений или примирении как более широком процессе, приводящем к совместной деятельности и сближению. Психологические направления Р. Энрайта и А. Лэнгле имеют существенные

различия и относятся к разным психологическим школам. Однако в изучении темы прощения есть согласующиеся элементы. Разделяя процесс прощения на этапы, оба подхода выделяют особую ценность в выражении собственных чувств по отношению к произошедшей ситуации: фокус на осознании боли у Р. Энрайта и на необходимость дать пространство возникающим чувствам, ощутить гнев, возможно, печаль у А. Лэнгле. Второе согласование относится к решению. Прощение требует принятия внутреннего решения. Оба исследователя указывают, что формальное прощение, не соотносящееся с внутренними переживаниями человека, считается неполным и не дает необходимого результата. Основное различие подходов в том, что экзистенциальный анализ А. Лэнгле лишь сопровождает процесс прощения и специально к прощению не ведет. В психотерапии прощения Р. Энрайта, по причине центрирования прощения в самом подходе, весь сеттинг психотерапевтических встреч построен вокруг темы прощения.

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении эмпирического анализа школьных конфликтов с помощью качественных методов исследования. Основным исследовательским вопросом для нас является вопрос о том, что представляет собой прощение в восстановительных программах в школе, каковы его предпосылки и последствия.

Литература

1. Карнозова Л. М. Использование программ восстановительной ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве: методическое пособие. — М.: Институт права и публичной политики, 2009. - 79 с.
2. Bennett C. The role of apology in restorative justice // Journal of Applied Philosophy. — 2006. — Vol. 23, No. 2. — P. 128.
3. Enright R. D., Human Development Study Group. Counseling within the forgiveness triad: On forgiving, receiving forgiveness, and self-forgiveness // Counseling and Values. — 1996. — No. 40. — P. 107–126.
4. Suzuki M., Jenkins T. Apology-Forgiveness Cycle in Restorative Justice But, How? // International Review of Victimology. — 2022. — P. 2–10.

Психологические последствия боевого стресса у военнослужащих: анализ и пути реабилитации

Ипатьева Е.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

В условиях участия военнослужащих в локальных конфликтах возрастает потребность в изучении долгосрочных психологических последствий боевого стресса. В отличие от кратковременного ситуационного напряжения, боевые условия провоцируют глубокие нарушения психики, требующие специализированных реабилитационных мер.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), у 25–30% ветеранов диагностируются посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР), что подтверждает необходимость системного подхода к их социальной и психологической адаптации. Как отмечает Р. Кочюнас, боевой стресс представляет собой сложный феномен, объединяющий физиологические, когнитивные и социальные факторы. Его последствия распространяются не только на самих военнослужащих, но и на их семьи, приводя к дезадаптации и межличностным конфликтам.

Особую значимость эта проблема приобрела в России после введения частичной мобилизации в 2022 году, что обострило вопросы психологической поддержки как участников боевых действий, так и их близких.

Семьи военнослужащих сталкиваются с двойной нагрузкой: эмоциональным напряжением и социальной стигматизацией. Исследования показывают, что около 35% граждан избегают контактов с семьями участников СВО, объясняя это «политической позицией» (Кадыров Р.В., 2024). Кроме того, дети военнослужащих в 40% случаев подвергаются буллингу, что усугубляет их социальную изоляцию.

Анализ научных публикаций позволяет выделить ключевую проблему — недостаточную изученность боевого стресса в контексте его комплексного воздействия. Большинство исследований сосредоточено на клинических проявлениях, тогда как социальные аспекты остаются малоизученными. Особенно остро ощущается дефицит современных реабилитационных методов и методик, учитывающих взаимодействие военнослужащих с ближайшим окружением, включая родственников и коллег (Черепанова Е.М., 2007).

С точки зрения психологии боевой стресс представляет собой многоуровневый адаптационный процесс, включающий физиологические,

эмоциональные и поведенческие реакции. Согласно теории Г. Селье, стресс проходит три фазы: аларм-стадию, стадию резистентности и истощения, причем последняя стадия напрямую связана с развитием посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР).

Современные исследования подчёркивают роль когнитивного восприятия стрессора: от того, как человек оценивает угрозу, зависит интенсивность его реакции. Например, у 60% военнослужащих с высокой стрессоустойчивостью наблюдается мобилизация внутренних ресурсов, в то время как у 40% отмечается дезорганизация деятельности (Лазарус Р., 1970).

По данным ВОЗ, среди участников современных конфликтов симптомы ПТСР встречаются у каждого шестого, а при наличии тяжёлых ранений этот показатель возрастает до 30%. Важным фактором риска является продолжительность пребывания в зоне боевых действий: после шести месяцев службы вероятность развития расстройств увеличивается вдвое.

Современная психология и медицина активно разрабатывают новые методы коррекции посттравматических состояний. Среди наиболее эффективных практик, описанных в журнале *Journal of Traumatic Stress* (2022), выделяются:

- когнитивно-поведенческая терапия, направленная на коррекцию мышления;
- групповые программы поддержки, снижающие чувство изоляции;
- биологическая обратная связь, позволяющая контролировать физиологические реакции.

Однако, несмотря на существующие методики, проблема реабилитации остаётся актуальной, особенно для лиц, длительное время находившихся в экстремальных условиях. Это указывает на необходимость дальнейшего поиска инновационных решений, способных повысить эффективность восстановительных программ.

В современных условиях особую актуальность приобретают комплексные методы реабилитации, направленные не только на купирование симптомов посттравматических расстройств, но и на восстановление эмоционального баланса и социальной интеграции лиц, прошедших через военные конфликты. Все чаще в России звучится мысль о необходимости включения в программы реабилитации военнослужащих, возвращающихся из зон боевых действий, как можно более широкого социального круга – членов семей, ближайшего окружения, друзей, сослуживцев, а также широкие слои общества. Данный практический запрос обнаруживает актуальную потребность в верифицировании методов реабилитации, проведении ряда доказательных психологических исследований, цель которых – разработка эффективных

методов реабилитации негативных последствий переживания боевого стресса с возможностью включения в эту работу ближайшего окружения военнослужащих.

Предваряя эмпирическое исследование применения такой восстановительной практики как «Круг сообщества» в качестве реабилитационной технологии снижения негативных переживаний последствий боевого стресса, мы опираемся на гипотезу об эффективности данного метода, основанного на принципах восстановительного правосудия, как имеющего реабилитирующий потенциал. Наша гипотеза строится на применении базисных принципов данной практики, которая призвана создавать безопасное пространство для открытого диалога, дает возможность переосмыслить ряд актуальных вопросов, делиться переживаниями без страха осуждения, снова стать субъектом взаимодействия, взяв на себя ответственность. Немаловажен тот факт, что «Круг сообщества» – это всегда групповая работа, позволяющая включать в его состав, например, сослуживцев, ближайшее окружение.

Ключевой аспект данной практики – преодоление изоляции. Военнослужащие, сталкиваясь с посттравматическими состояниями, нередко ощущают свою проблему как исключительную. Однако в ходе групповых обсуждений приходит осознание, что их опыт является частью коллективной травмы. Это снижает тревожность и способствует формированию чувства общности, что особенно значимо для людей, привыкших к командному взаимодействию.

Крайне востребованы запросом сегодняшнего дня остаются научные исследования с доказанной эффективностью, которые представляют верифицированные методы и методики реабилитации с привлечением членов семьи комбатантов, поскольку вовлечение близких в реабилитационный процесс позволяет создать прочную систему поддержки за пределами служебной среды. В данном случае нами также выдвигается гипотеза об эффективности применения такой восстановительной практики как «Семейные конференции».

Наше предположение основано на сходстве задач комплексных реабилитационных программ и задач «Семейных конференций», которые предполагают следующее:

- просвещение – родственники получают информацию о симптомах ПТСР, учатся распознавать триггеры и правильно реагировать на эмоциональные реакции;

- совместное планирование – обсуждение бытовых вопросов, распределение обязанностей и организация досуга помогают снизить напряжение в семье;

- профилактику конфликтов – понимание механизмов посттравматических расстройств уменьшает недопонимание между членами семьи.

Несмотря на потенциальные преимущества, применение этих методов для военнослужащих остаётся областью с высокой долей гипотез. Для доказательства эффективности внедрения восстановительных программ и медиативных технологий в процесс реабилитации военнослужащих комбатантов необходимо дальнейшее эмпирическое исследование с разными группами военнослужащих (мобилизованные, служба по контракту, служба по контракту из мест лишения свободы) и их семьями.

Литература

1. Кадыров Р.В. Посттравматическое стрессовое расстройство. — М.: Юрайт, 2025. - 644 с.
2. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. М.: , 1970. - С. 178 - 208.
3. Черепанова Е.М. Саморегуляция и самопомощь при работе в экстремальных условиях. – М., 2007. - 34 с.

Эффективность применения восстановительных программ в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа. Извинительные письма

Куливар И.С.

Московский государственный психолого-педагогический
университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

В данной работе рассматривается включение в процесс воспитательной работы в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа (далее – СУВУ ЗТ) восстановительных программ, а именно челночной медиации с помощью писем.

Исследование проведено в рамках проекта НИР МГППУ «Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков, применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» по государственному заданию Министерства просвещения № 073-00037-24-01 от 09.02.2024 г. (далее – НИР).

НИР организована в формате формирующего эксперимента, в котором, для получения достоверных данных о влиянии восстановительных программ,

сформирована экспериментальная группа, состоящая из 3 СУВУ ЗТ, в которых апробируются данные технологии и контрольная группа из 4 СУВУ ЗТ, применяющая классические программы. В исследовании приняли участие респонденты ($N = 288$) из 7 СУВУ, расположенных в разных регионах РФ, в возрасте от 12 до 17 лет включительно, из которых мальчики – 228, девочки – 60, средний возраст 15.29 года. Исследование включало 2 среза диагностики на базе 3 экспериментальных СУВУ и в контрольной выборке из 4 СУВУ.

В исследовании использована Программа (диагностический пакет), направленная на выявление и преодоление рисков деструктивного, аутоагрессивного, экстремистского и антисоциального поведения подростков, из 9 современных методик диагностики, соотнесенных с компонентами структуры жизненной позиции личности (Бонкало С.В., 2012), позволяющая выделить группы риска на основе просоциальной или антисоциальной позиции личности с целью дифференцированного построения программ направленного воздействия (Чиркина Р.В. и др., 2024).

Исследование включало несколько основных этапов: первичную диагностику, внедрение эффективных технологий профилактики социальных рисков, вторичную диагностику, анализ и интерпретацию полученных результатов, а также получение обратной связи от участников НИР. В рамках НИР была проведена оценка научно-теоретической базы исследований, касающихся рисков девиантного и деструктивного поведения у подростков.

Применение психодиагностического инструментария, основанного на модели комплексного исследования жизненной позиции подростка, позволило получить данные о личности несовершеннолетнего и его отношениях к себе, окружающим и миру (Бонкало С.В., 2012). Анализ результатов исследования был осуществлен по нескольким критериям: осознанность, сформированность, направленность деятельности и эмоциональное регулирование. В исследование были включены только изменяемые психологические параметры, на которые планировалось воздействие в дальнейшем (Чиркина Р.В., 2024).

В экспериментальных СУВУ ЗТ применялись следующие формы работы в парадигме восстановительного подхода: круг по обсуждению совместного проживания; круг для выпускников с составлением «карты перспектив»; малые восстановительные практики; извинительные письма.

В рамках данного исследования было проведено: 13 кругов с новичками; 6 кругов с выпускниками; написано 23 извинительных письма.

Малые восстановительные практики использовались во всех СУВУ ЗТ, подсчет не вёлся.

Сотрудники СУВУ ЗТ в обратной связи отметили эффективность восстановительных практик. Воспитателями СУВУ ЗТ было отмечено, что у воспитанников повышается устойчивость к негативным социально-психологическим явлениям, таким как буллинг и социальный остракизм, развиваются гибкие навыки, включая коммуникацию, командную работу, решение проблем, критическое мышление и эмоциональный интеллект. Для определения различий между экспериментальной и контрольной группы был использован t-критерий Стьюдента. Проведено сравнение каждого СУВУ ЗТ в экспериментальной и контрольной группе во время первого и второго среза, и сравнение экспериментальной и контрольной групп в первом и втором срезе. Сравнительный анализ двух срезов диагностики в контрольной и экспериментальной выборке показал, что воспитанники из З СУВУ демонстрируют более четкие, чем в контрольной группе, представления о смысле своей жизни; ориентацию на осознанность и направленность близких и дальних целей в своей; более позитивное самоотношение; большую удовлетворенность потребностей в принятии, контроле и осмыслинном существовании; ориентацию на общепринятые нормы и ценности (по шкале «нормативный нигилизм»), владение более гибкими и адаптивными способами совладания со стрессом. Полученные результаты могут свидетельствовать о проспективной ориентированности на формирование осознанной, просоциальной жизненной позиции у воспитанников. В ходе исследования было отмечено наличие значимых различий динамики и связей исследуемых параметров в СУВУ ЗТ экспериментальной группы, где было написано 12 извинительных писем, что превышает количество написанных писем в других СУВУ ЗТ в 4 раза. Наличие значимых различий динамики и связей исследуемых параметров между экспериментальными СУВУ ЗТ, могут рассматриваться как подтверждение влияния восстановительных практик, проводимых на экспериментальных площадках. Извинительные письма играют важную роль в понимание воспитанниками причиненного вреда пострадавшим, необходимости заглаживания этого вреда и формировании ответственной позиции. Процесс написания таких писем может стать значимым гуманитарным и воспитательным опытом для подростков. Важно, чтобы они самостоятельно писали эти письма, размышляя о своих действиях и их последствиях, а не используя готовые шаблоны из интернета (Дворянчикова К.Н., Куливар И.С., 2024). В условиях специализированных учебных заведений организовать личные встречи между обвиняемыми и потерпевшими сложно, поэтому разработана методика написания извинительных писем (Маловичко И.С., 2015). Этот процесс включает в себя рефлексию, осознание причиненного вреда, попытку поставить себя на место пострадавшего, раскаяние и стремление исправить свои ошибки.

Это также способствует их социализации и внутреннему росту. Такой подход помогает подросткам осознать свои действия, развивать эмпатию.

Таким образом, результаты данного исследования могут стать основой для дальнейших научных изысканий и практической работы в области социальной профилактики среди подростков.

Литература

1. Бригадиренко Н.В., Горина А.Л., Дементьев А.С., Кимстач Е.Л., Коновалов А.Ю., Куприянова Е.А., Сидоренко З.М., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. Анализ эффективности программ психологической профилактики девиантного поведения в институциональных условиях воспитания несовершеннолетних; [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования, 2024. – Том 21. – № 4. – С. 219–240. DOI:10.17759/bppe.2024210419
2. Бонкало С.В. Социально-психологические технологии формирования конструктивной жизненной позиции дelinквентных подростков: на примере воспитанников специальных образовательных учреждений закрытого типа: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.05 – социальная психология / Сергей Васильевич Бонкало. Российский государственный социальный университет. – Москва, 2012. – 240 с.
3. Дворянчикова К.Н., Куливар И.С. Социон психологические представления о семейных ценностях представителей разных поколений: результаты пилотажного исследования [Электронный ресурс] // Сборник тезисов. Конференция «Семья. Ребенок. Образование: Новые грани “Классического треугольника”». - 2024. – С. 357–364. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80633262>
4. Маловичко И.С., Голусьянц О.А., Шефатова Л.П. Письмо обидчика по страдавшему о заглаживании вреда. Методика проведения программ челночной восстановительной медиации между несовершеннолетними правонарушителями, находящимися в закрытых учреждениях, и пострадавшими от их действий // Вестник восстановительной юстиции. – 2015. – № 14. – С. 181–189.

Восстановительная программа «Круг сообщества» как инструмент развития эмоционального интеллекта учащихся колледжа

Романова Н. Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гурина О.Д.

Специфика деятельности сотрудников полиции, зачастую связанная с ситуациями повышенного психоэмоционального напряжения и риска, обуславливает развитие таких эмоциональных компетенций, как распознавание собственных и эмоций окружающих, а также способности к саморегуляции и влиянию на эмоциональное состояние других (Якимова З.В., 2020).

Образовательные организации идут за тенденциями требований к профессиональной деятельности, основываясь на федеральных стандартах, стремятся отвечать на запросы работодателя, формируя и развивая необходимые навыки.

Проблема эмоционального интеллекта достаточно широко исследована, как отечественными авторами, так и зарубежными.

Зарубежная психология отмечена исследованиями данного феномена со стороны Д. Гоулмена (Гоулмен Д., 2008), Дж. Мейера, П. Сэловея, Д. Карузо, Н. Холла, Р. Бар-Она, Дегтярёв А.В., 2012; Кочетова Ю. А., 2021).

В рамках концептуальных моделей эмоционального интеллекта представлена не только модель способностей (Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо), рассматривающих его, как группу когнитивных способностей, но и смешанные модели (Р. Бар-ОН), подразумевая под эмоциональным интеллектом, набор некогнитивных способностей и навыков, а именно характерологические черты личности (Майер Дж., Д., Карузо Д.Р., Сэловей П., 1999).

В России исследованием компонентов эмоционального интеллекта занимались такие ученые, как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.В. Зейгарник, А.С. Петровская, И.Н. Андреева, а Д.В. Люсин предложил собственную модель эмоционального интеллекта, включающую внутриличностный и межличностный компоненты (Люсин Д.В., 2004).

Авторы единодушны в определении эмоционального интеллекта, как психического свойства личности, влияющего на социальное взаимодействие и адаптацию. Разногласия затрагивают его структуру, способы развития, и инструменты измерения.

Эмоциональный интеллект, в данной работе трактуется, как способность к пониманию, управлению и воздействию, как на свои собственные, так и на

эмоции окружающих, образуя совокупность компонентов: эмоциональный, когнитивный, конативный. По мнению отдельных авторов, эмоциональной интеллект может развиваться на протяжении всей жизни, однако, в качестве сензитивного отмечается подростковый и юношеский возраст (Легостаева Е. С., 2020), так как по мере взросления происходит гармонизация эмоциональной сферы (Малкина - Пых И.Г., 2004; Реан А.А., 2002). Сторонники мнения о том, что эмоциональный интеллект подлежит развитию, как правило, в качестве инструментов его формирования, используют тренинги, арт-терапию, игровые методы и иное. Восстановительная программа «Круг сообщества» выступает инновационной платформой для развития эмоционального интеллекта, так как оказывает влияние на эмоциональную компетентность (Schumacher A., 2014). В рамках подготовки к работе над исследованием определены цели, задачи, разработан дизайн исследования. Целью является определение влияния восстановительной программы «Круг сообщества» на развитие эмоционального интеллекта учащихся юридической специализации колледжа. Объект исследования - эмоциональный интеллект учащихся юридической специализации колледжа. Предмет исследования – восстановительная программа «Круг сообщества», как инструмент развития эмоционального интеллекта учащихся юридической специализации колледжа. Объем выборки – 59 учащихся по специальности «Правоохранительная деятельность» в возрасте 15-18 лет, которые принимали участие в восстановительных программах (29 человек) и контрольная группа (30 человек). Для сравнения базовых показателей эмоционального интеллекта контрольной и экспериментальной групп организована психологическая диагностика до и после вмешательства.

Методики: «методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко», «Self-Report Emotional Intelligence Test» Н. Шутте с коллегами, адаптирована Е.А. Сергиенко, И.И. Ветровой (Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Мигун Ю.П., 2019), тест-опросник самоотношения С.Р. Пантилееева, В.В. Столина, опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Люсин Д.В., 2022).

Повторные замеры проведены после реализации цикла занятий на основе восстановительных программ «Круг сообщества», которые организованы только в экспериментальной группе (Праниц К., Стюарт Б., Уедж М., 2009; Мусатова И.Б., Дворянчикова К.Н.).

Статистический анализ позволил сравнить показатели в обеих группах до и после вмешательства, сопоставить результаты в экспериментальной группе до и после участия в восстановительных программах, а также оценить корреляционные связи между уровнем эмоционального интеллекта, эмпатией, самоотношением и их структурными элементами.

Выводы:

1. Результаты, полученные в ходе исследования при применении методов математической статистики демонстрируют наличие влияния цикла занятий с применением восстановительной программы «Круг сообщества» на уровень эмоционального интеллекта, эмпатию и самоотношение учащихся юридической специализации колледжа.

2. Экспериментальная группа демонстрирует увеличение уровня эмоционального интеллекта за счет внутриличностного компонента. По первичному срезу присутствуют различия в части межличностного эмоционального интеллекта в лучшую сторону в экспериментальной группе.

3. Учащиеся экспериментальной группы имели более низкие показатели, в сравнении с контрольной, в области «самоотношения», «аутосимпатии», «ожидаемого отношения других», «самопринятия», «саморуководство» и «самообвинение» (отрицательная слабая связь). После цикла занятий показатели экспериментальной группы значительно улучшились.

4. В комплексе эмпатических способностей учащихся высоких значений не установлено, а полученные результаты свидетельствуют о среднем и заниженном уровне в обеих группах, как до, так и после цикла занятий. Однако, в экспериментальной группе отмечается высокий уровень в области «эмоционального канала».

5. Корреляционный анализ обнаружил отсутствие значимых статистических связей между показателями эмоционального интеллекта по методикам Н. Шутте и Д.В. Люсина. В основе подобных результатов лежит различие в теоретических подходах. Опросник Д.В. Люсина коррелирует с «установками, способствующими эмпатии», «аутосимпатией» и «самопониманием», методика Н. Шутте демонстрирует связи с «самоуважением» и «самоинтересом».

Литература

1. Дегтярёв А.В. «Эмоциональный интеллект»: становление понятия в психологии // Психолого-педагогические исследования. – 2012. – Т. 4. – № 2. – С. 58–141.
2. Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект старших подростков: монография. - М., 2021. – 104 с.
3. Легостаева Е.С., Клепалова Ю.И. Динамика показателей мягких навыков (на примере эмоционального интеллекта) студентов юридических специальностей в процессе обучения [Электронный ресурс] // Современные

проблемы науки и образования. - 2020. - № 6. - URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30262> (дата обращения: 05.03.2025).

4. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. - 2006. - № 4. - С. 3–22.

5. Малкина - Пых И.Г. Возрастные кризисы. Справочник практического психолога. - М., 2004. – 894 с.

6. Мусатова И.Б., Дворянчикова К.Н. Восстановительные практики и медиативные технологии как инструменты сохранения психологической безопасности детей в дошкольных организациях. «Психология и право в современной России. Коченовские чтения». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием / сост. О.Р. Бусарова, О.Д. Гурина. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – 325 с. (с 294-295)

7. Панкратова А.А., Люсин Д.В., Корниенко Д.С. Апробация краткой версии опросника ЭМИН // Психология. Журнал высшей школы экономики. - 2022. - Т.19. - № 4. - С. 822–834.

8. Пранис К., Стюарт Б., Уедж М. Круги примирения: от преступления к сообществу / Пер. с англ. Н.С. Силкиной; под ред. Р.Р. Максудова, Л.М. Карнозовой, Н.В. Путинцевой. - М.: Р. Валент, 2009. - 240 с.

9. Психология человека от рождения до смерти / отв. ред. Реан А.А. СПб.: Прайм-ЕвроЗнак, 2002. - 656 с.

10. Якимова З.В. Эмоциональный интеллект в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2020. - Т. 9. - № 4 (33). - С. 412–418.

11. Schumacher A. Talking Circles for Adolescent Girls in an Urban High School: A Restorative Practices Program for Building Friendships and Developing Emotional Literacy Skills // SAGE Open. - October-December. - 2014. - P.1–13. DOI: 10.1177/2158244014554204 sgo.sagepub.com.

Восстановительный диалог классного руководителя и воспитанника как пространство рождения смыслов

Светозарова О.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Теплова А.Б.

Благодарность Людмиле Михайловне Карнозовой, чья поддержка была важной для автора...

Педагогический процесс в школе зависит от качества общения между его участниками. Особое значение приобретает качество общения при достижении задач воспитания. Количество конфликтов, происходящих в школе, может рассматриваться как естественное последствие того качества общения, которое складывается в массовой школе стихийно. Для преодоления подобного важно понимать, что коммуникация между людьми – сложный процесс, имеющий информационный, интерактивный, перцептивный аспекты. Сообщение не «передаётся», а формируется во взаимодействии людей, не принимается реципиентом, а понимается. Учитель сегодня выполняет многочисленные трудовые задачи в условиях ограниченного времени и нередко имеет силы лишь для того, чтобы сообщить детям ту или иную информацию. Достаточно ли информации для достижения цели воспитания: приобщении воспитанников к нравственным ценностям? На наш взгляд – нет.

Для достижения цели воспитания важны взаимоотношения между учителем/классным руководителем и воспитанниками и то общение, диалог, которые складываются между ними (Коновалов А.Ю., 2014). Важно понимать: отношения не возникают и не исчезают сами по себе, но складываются на основе действий и коммуникации. Реализация идей, ценностей и принципов восстановительного подхода в образовании обеспечивает классного руководителя необходимым философско-методологическим базисом для выстраивания собственной профессиональной деятельности на качественно ином уровне. Основа восстановительного подхода – идеи восстановительного правосудия как альтернативы карательным практикам ответа на криминальные и конфликтные ситуации. В фундаментальной работе «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» Ховард Зер для лучшего понимания сущности восстановительного раскрывает её как альтернативу карательному способу реагирования на преступление и использует метафору линз, показывая, что разрешение любой сложной ситуации зависит от способа смотреть на эту ситуацию. Для человека, использующего карательные линзы, в

центре внимания оказывается установление виновности, обличение преступника, наказание и причинение страдания, акцент смешен на прошлое, различия – подчеркиваются, участники ситуации отчуждены. Для человека, использующего восстановительные линзы, в центре внимания оказывается решение проблемы, будущее, поиск точек соприкосновения в диалоге, обличение преступления, а не людей, восстановление и заглаживание вреда, процесс нацелен на примирение (Зер Х., 2002, Карнозова Л.М., 2014). Ориентация на примирение, восстановление отношений, забота о будущем – ключевые смыслы восстановительного подхода, актуальные для педагогической практики. Смыслы, которые дают опору классному руководителю в деле воспитания и выстраивания взаимоотношений с воспитанниками. Руководитель школьного класса вступает в общение с воспитанниками с целью актуализации нравственных ценностей, учебной, трудовой деятельности, с целью урегулирования взаимоотношений между детьми. Сложность в том, что такое общение не является результатом свободного выбора – ни классный руководитель, ни вверенные ему дети, чаще всего не имеют возможности выбирать друг друга в качестве партнёров по общению, но именно классный руководитель отвечает за качество общения с воспитанниками и между воспитанниками. Как же достичь цели общения – общности действующих субъектов при сохранении неповторимой индивидуальности каждого – если их совокупные усилия, направленные на организацию общения, не являются или в неполной мере являются свободными? Да и в самом словосочетании «руководитель класса» заложен властный императив. Однако, именно «руководство», «властность», «стремление воздействовать» в тонком деле воспитания может приводить, на наш взгляд, к парадоксальным результатам, когда в ответ на «наилучшие педагогические порывы» дети реагируют негативизмом, сопротивлением. Важнейший вопрос, ответ на который может выбрать для своей педагогической практики, классный руководитель заключается в том, что будет преобладать в процессе руководства классом: воздействие на вверенных воспитанников или взаимодействие с ними. В восстановительном подходе как расширяющейся практике работы с ситуациями разрушенных взаимоотношений и нарушенной коммуникации, существует представление о том, что для того, чтобы произошли положительные изменения в поведении людей необходимо, чтобы тот, кто руководит группой и обладает неким приоритетом силы, действовал совместно со своими подопечными, но не доминируя над ними и не выполняя работу за них. Идеальный классный руководитель обладает своеобразной чувствительностью к типу педагогической ситуации и умеет выбирать реакцию, определяя, чего требует ситуация: всего лишь информации и проверки того, как информация понята воспитанниками

или диалога, в ходе которого произойдет не просто обмен, но интерпретация, обогащение, расширение, осознание информации.

В реальной педагогической практике бывает трудно стремится к идеалу и преодолевать такие препятствия как отсутствие доверия и инициативы со стороны воспитанников, отсутствие у классного руководителя способности видеть любую ситуацию из школьной жизни как педагогическую задачу, которую можно и следует решить, продемонстрировав профессиональную устойчивость. Подобные трудности приводят к нарушению взаимоотношений между участниками образовательных отношений. Восстановить нарушенные взаимоотношения, выявить общие смыслы и ценности возможно только через общение, через диалог. Диалог – понятие, к которому обращаются многие гуманитарные науки (Топольская Т.А., 2011). Мы рассматриваем диалог как пространство, где могут быть размещены разные точки зрения. Эта особенность диалога как пространства, способного вместить разное, определяет его восстановительный характер: возможность порождения индивидуально-значимого смысла. Через индивидуально-значимое, возникшее в совместном обсуждении, происходит зарождение чувства общности, когда то, что важно для человека распределено безопасно между ним и собеседниками. Безопасное пространство восстановительного диалога создает классный руководитель, опираясь во взаимодействии с воспитанниками на принципы добровольности, уважения, открытости, сотрудничества, нейтральности (Розенберг М., 2018).

Классный руководитель опирается в своей работе не только на отраженные в психолого-педагогическом дискурсе гуманистические ценности, принципы, идеи, но, в большей мере, на собственные ценностно-смысловые установки, которые определяют мировоззрение и способы действия учителя. Восстановительный подход как связка идеи, картины мира и способа деятельности позволяет классному руководителю в воспитательной практике отстраивать восстановительные способы действия. Высокое имя для такой направленности педагогической деятельности - человечность.

Достижение задач воспитания и педагогический процесс в целом зависят от качества общения, которое организует классный руководитель с вверенными ему детьми, а само это общение, те действия, которые совершают классный руководитель, при его организации, зависит от мировоззрения и ценностно-смысловых установок классного руководителя. Осознанию собственных ценностей, установок, способов действия учителем способствует рефлексия профессиональной деятельности, непрерывное профессиональное самоопределение.

Литература

1. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ. / Общ. ред. Л.М. Карнозовой. Коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина – м.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
2. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
3. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) [Текст]: монография/ Л.М. Карнозова; Ин-т государства и права Российской акад.наук. – Москва: Проспект, 2014. - 264 с.
4. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / под общей редакцией Л.М. Карнозовой, Издание второе, доработанное. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. – 306 с.
5. Розенберг Маршалл Язык жизни: Ненасильственное общение /Перев. С англ. – М.: ООО Книжное издательство «София», 2018. – 288 с.
6. Топольская Т.А. О понятии «диалог» в психологических исследованиях общения и консультативной практике // Консультативная психология и психотерапия. - 2011. - Том 19. - № 4. - С. 69–90.

О работе со сложными (высококонфликтными) ситуациями бывших супружеских пар по вопросам воспитания общих несовершеннолетних детей с использованием восстановительного подхода

Соболева Н.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Буслаева Е.Л.

Постразводные конфликты между родителями по вопросам воспитания детей по степени эскалации могут оказаться на нижних ступенях лестницы Глазла – «вместе в пропасть» (Глазл Ф., 2002). Цель представленного исследования – выявить влияние восстановительного подхода (восстановительной медиации) на повышение уровня готовности бывших супружеских пар к конструктивному разрешению конфликтов, по вопросам воспитания общих несовершеннолетних детей.

Отношения бывших супружеских пар, имеющих общих несовершеннолетних детей, которые самостоятельно не обсудили и не разрешили вопросы дальнейшего их воспитания, не прекращаются. Они меняются, трансформируются. Зачастую переходят в деструктивное взаимодействие,

вовлекая в этот процесс судебные, принудительно-исполнительные и иные органы, а также специалистов юридических и иных профессиональных сфер. Высокий уровень конфликта в процессе развода и после увеличивает риски нарушений психоэмоционального развития ребенка (Сафуанов Ф.С. и др., 2011).

Спускаясь все ниже по ступеням непонимания, остракизма, ненависти, вражды и взаимного отчуждения, активируются психологические защитные механизмы, каузальная атрибуция, в результате чего у каждого из родителей формируется определенный образ другого. В крайней точке конфликтного взаимодействия проявляется образ врага. Образ врага выделен как феномен в междисциплинарном пространстве, в том числе имеет социально-психологическую природу, и приводит к утрате человеческих качеств другого (Лабунская В.А., 2013).

Исследования в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы родителей, взаимоотношения которых носят высококонфликтный характер (Кулаков С.С., 2016) показали, что отношение к другому выражается «в отказе от признания у него положительных свойств».

При проведении сравнительного анализа социально-психологических характеристик представлений личности о Враге (Альперович В.Д., 2016) выявлено, что «восприятие Врага в качестве агрессора, манипулятора связано с низкими уровнями выраженности самоуважения, ожидания отношения других к себе, аутосимпатии и самоинтереса, самоэффективности».

«Враг – это не только страдание и смерть, это рождение, жизнь и развитие». История культуры относит нас к дилемме «без врага – нет героя» (Лушников Д., 2023 г., с. 11). Другими словами, в борьбе за собственный внутренний мир, в котором остаются нереализованными ценности, смыслы и потребности, и есть орудие защиты (общие дети) бывшие супруги пытаются доказать себе и всем вовлеченым в этот процесс, что восстанавливают справедливость и добиваются мира. В настоящее время одним из способов к разрешению данной категории сложных ситуаций является применение восстановительного подхода. Восстановительный подход является «методологической платформой» для разрешения конфликтов бывших супружей по вопросам воспитания общих несовершеннолетних детей, внутри которой используются «разные существующие модели медиации» (Карнозова Л.М., 2010). Одной из программ восстановительного подхода является восстановительная медиация и рассматривается как процесс, в ходе которого участники при помощи медиатора обретают возможность восстанавливать взаимопонимание и договариваться о приемлемых вариантах разрешения конфликта. Программа восстановительной медиации предусматривает предварительные встречи. Именно на этом этапе происходит работа с эмоциями,

смыслами и образом врага, которая направлена на восстановление участником самоотношения, переосмыслия родительской роли и подготовку к общей встрече. Организация работы с ситуацией в восстановительной медиации может быть начата медиатором на любой ступени эскалации конфликта. Мы рассмотрим модель взаимодействия бывших супругов, как указывали вначале, находящегося на самых нижних ступенях лестницы «Глазла» и учитываем в своем методе схему работы со сложными случаями восстановительного практика в сфере образования Коновалова А.Ю. (Коновалов А.Ю., 2019). При этом опорами содержательной структуры в работе медиатора будут являться положения нарративного подхода и социального конструкционизма (Джерден К.Дж., 2003). Медиатор при проведении программы восстановительной медиации организует пространство для безопасного, доверительного и уважительного диалога. В ходе индивидуальных предварительных встреч медиатор совместно с участником «спускается» на актуальную ступень эскалации конфликта (используя лестницу как метафору), с тем чтобы в дальнейшем сопровождать «восхождение» — движение к восстановлению. Для первого шага участнику могут быть заданы следующие вопросы: что самое важное достигнуто в этой ситуации? Каким Вы видите себя в этой ситуации (отношениях)? Как влияют на Ваше самоощущение (самоуважение, самоотношение) те чувства, которые вы испытываете к другому родителю? Какой совет Вы могли бы дать другому человеку, который окажется в аналогичной ситуации? Техники признания медиатором эмоций, состояний и переживаний участника по общесложившейся теории и практике способствуют в том числе расширению видения своей жизненной ситуации. Для перехода на следующую ступень по восходящей лестнице вопросы медиатора могут быть следующими: как Вы видите другого родителя? Какие конкретно ситуации позволили Вам сделать такие выводы? Что происходит с Вами, когда Вы сталкиваетесь с этими проявлениями другого родителя? Что его побуждает так поступать? Какие действия Вы могли бы предпринять, чтобы проявления другого родителя изменились?

К моменту перехода на новую ступень в беседу могут быть включены такие вопросы: что может помочь обоим родителям перейти к конструктивном диалогу? Если первые конструктивные шаги будут совершены взаимно, то какими отношения могут стать через месяц? Полгода? Год? Каким Вы себя ощущаете в этих отношениях? Какими вас видит ребенок?

Таким образом, восстановительный подход позволяет работать с высококонфликтными ситуациями бывших супругов, включая случаи с выраженным «образом врага». Индивидуальные предварительные встречи в

восстановительной медиации способствуют снижению уровня враждебности и формированию готовности к диалогу.

Учитывая специфику данной категории ситуаций, считаем важным продолжать эмпирический анализ применения восстановительного подхода в работе с высококонфликтными ситуациями бывших супругов, воспитывающих общих детей.

Литература

1. Альперович В.Д. Представления о Враге лиц, различающихся самоэффективностью и самоотношением // Национальная безопасность. - 2016. - Т. 2. - № 2. - С. 294–299.
2. Глазл Ф. Конфликт-менеджмент: практическое руководство по предотвращению, распознаванию и разрешению конфликтов. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2002. — 256 с.
3. Джерден К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. статей / Пер. с англ. А. М. Корбута; Под общ. Ред. А. А. Полонникова. – Мн.: БГУ, 2003. – 232 с.
4. Карнозова Л.М. Восстановительная медиация: базовые идеи и направления развития (заметки к обсуждению темы) // Вестник восстановительной юстиции. – 2010. – № 7. – С.18 – 28.
5. Коновалов А.Ю. Лестница взаимопонимания: от вражды к сотрудничеству // Вестник восстановительной юстиции. – 2019. – № 16. – с. 18-23.
6. Кулаков С.С. Эмоционально-оценочное отношение родителей из высококонфликтных семей друг к другу и ребенку [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2016(6). – № 4. – С. 126-141. doi:10.17759/psylaw.2016060412
7. Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. – 2013. – Т. 4. – № 3. – С. 52–64.
8. Лушников Д.А. Образ врага: технологии конструирования и деконструкции: монография. — Ставрополь: СКФУ, 2023. — 270 с.
9. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. – М.: Генезис. – 2016. – 194 с.

**Обоснование программы «Школа юного медиатора» с целью развития
эмоционального интеллекта подростков-сирот**

Черных К.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г.
Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

В отечественных и зарубежных исследованиях представлены различные модели толкования понятия эмоционального интеллекта (далее – ЭИ). В связи с этим создается сложность в поиске целесообразного сочетания концептуальных подходов, которые объясняют влияние феномена ЭИ на поведение подростков в трудных жизненных ситуациях и их успешную адаптацию в обществе.

Следует отметить, что особенности ЭИ у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проживающих в интернатных учреждениях, недостаточно изучены в психолого-педагогических исследованиях. Однако, опираясь на запрос практиков, в последнее десятилетие отмечается повышенный интерес к данной теме.

Важную роль в вопросах социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, играет проблема развития ЭИ. Анализ работ исследователей Н.П. Ивановой, П. Котли, Н.Н. Максимовой, И.И. Осиповой, В.Н. Ослон, Н.Ф. Рыбаковой, Г.В. Семьи и др. позволил прийти к выводу о том, что дети-сироты в интернатных учреждениях чаще всего имеют проблемы в развитии эмоциональной сферы, приводящей со временем и к другим видам нарушений. Исследователи в своих работах отмечают низкий уровень эмоционального интеллекта среди детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В., Зайцев Г.О., 2022).

Л.С. Выготский считал подростковый период важным и сложным этапом в жизни человека, который обычно начинается в 11-12 лет и продолжается до 17-18 лет. Автор отмечал, что именно в этот период происходит активная интеграция социальных, эмоциональных и когнитивных процессов, которые играют важную роль и значение для становления подростка как личности (Выготский Л.С., 2021).

Изучение результатов исследований эмоционального интеллекта подростков, которые являются воспитанниками интернатных учреждений, позволил прийти к выводу о том, что подростки имеют свои особенности эмоционального интеллекта. Для ЭИ подростков данной категории характерно наличие трудностей в идентификации, понимании и управлении своими

эмоциями. Именно по этой причине у них проявляются эмоциональные «взрывы» и неконтролируемое поведение.

При этом, в некоторых исследованиях отмечается, что помещение подростков из условий детского дома в приемные семьи сохраняет среди них трудности в идентификации эмоций. Они испытывают затруднения в проявлении своих эмоций, отождествлении физических явлений, связанных с эмоциональными проявлениями (отсутствие умений по сопереживанию и влиянию на эмоциональное состояние других субъектов). Отсутствие осознания причинно-следственных связей в стрессовых эмоциональных обстоятельствах также характерно для подростков-сирот. Так, Е.С. Снегирева и В.Н. Сазонова В.Н. констатировали из своих наблюдений за подростками, проживающими в детских домах, что их уровень эмоционального интеллекта намного ниже, чем у подростков, проживающих в семьях (Снегирева Е.С. Сазонова В.Н., 2019).

Эмоционально-волевая сфера детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеет отличительную особенность. В различных исследованиях ученые отмечают среди них низкий уровень самооценки, высокий уровень тревожности, защитную агрессию, недоверие и др.

Другие данные были получены в исследованиях, проведенных И.М. Гильмутдиновой и А.Ф. Миннулиной. В результате исследования авторы выявили высокий уровень интеллекта среди подростков-сирот, воспитывающихся в интернатных учреждениях. Подростки, воспитывающиеся в семьях, в результате исследования показали низкий уровень ЭИ. Исследователи нашли данному факту объяснение, указав на многообразие социальных контактов в детских домах, чем у подростков, воспитывающихся в семьях. Различный опыт общения, наличие социальных связей в учреждении (внешние наставники, социальные партнеры и др.) позволяет развить умения идентифицировать эмоции и управлять ими, что, в свою очередь, является одним из важных навыков при социальной адаптации подростков-сирот. При этом, авторами отмечено отсутствие необходимости формирования новых социальных связей среди подростков из семей, так как круг их общения является достаточно ограниченным (Минуллина А.Ф., Гильмутдинова И.М., 2019).

В научных работах полученные данные подтверждают зависимость ЭИ от условий проживания и воспитания подростков. Несмотря на наличие большого количества научных позиций о том, что подростки из детских домов имеют низкий уровень ЭИ, чем подростки из семей, можно констатировать факт наличия противоречивых полученных данных в современных психологических исследованиях. Данное утверждение подтверждает необходимость проведения изучения по измерению уровня эмоционального интеллекта среди подростков сирот, проживающих в учреждениях интернатного типа.

Таким образом, комплексное изучение материалов создает основу для эмпирического исследования, которое включает рассмотрение ключевых понятий, а также изучение факторов, влияющих на рассматриваемую категорию, особенности социальной среды и разработки рекомендаций, направленных на развитие ЭИ подростков, воспитывающихся в интернатных учреждениях. Для того, чтобы понять, какие именно способности, входящие в структуру эмоционального интеллекта, необходимо развивать, требуется провести его диагностику. Следует отметить, что ЭИ принципиально значимо развивать у подростков, относящихся к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Эти навыки помогают подросткам достигать социального успеха в будущем и преодолевать жизненные трудности. Уровень ЭИ в период подросткового возраста детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей является одним из ключевых показателей, влияющих на успешную социализацию и адаптацию в детях в обществе.

ЭИ является одним из значимых ресурсов для осуществления регуляции жизни человека и выступает предиктором личного и профессионального благополучия. В его структуре выделяют ключевые способности (осознание эмоций, способность применять эмоции, способность понимать и управлять эмоциями), имеющих решающее значение для большинства аспектов регуляции в жизни подростков. Поэтому повышение уровня эмоционального интеллекта возможно осуществить с помощью целенаправленного воздействия на развитие каждой из этих четырех составляющих. Благодаря специально организуемой деятельности и обеспечению участия подростков в социально-педагогических проектах, которые направлены на развитие ЭИ и социальной компетентности, возможно обучить подростков навыкам общения, сотрудничества, конструктивного разрешения конфликтных ситуаций.

С учетом вышеизложенного представляется целесообразным провести в будущем эмпирическое исследование на тему «Развитие эмоционального интеллекта подростков-сирот в рамках реализации программы «Школа юного медиатора». В настоящее время «развитие инструментов медиации для разрешения потенциальных конфликтов в детской среде и в рамках образовательного процесса, а также при осуществлении деятельности других организаций, работающих с детьми» относится к числу правовых механизмов реализации «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».

Реализация программы «Школа юного медиатора» совмещает в себе профилактическую работу, охватывающую всех участников образовательного и воспитательного процесса и восстановительную практику (когда необходимо исправление, восстановление нарушенных прав, отношений и т.д., в связи с

общественно порицаемым действием, проступком, правонарушением). Цель программы «Школа юного медиатора» - обучение воспитанников цивилизованным методам урегулирования конфликтов и споров, культуре миротворчества.

Литература

1. Выготский Л.С. Педология подростка. Психологическое и социальное развитие ребенка. - СПб: Питер, 2021. - 221 с.
2. Минуллина А.Ф., Гильмутдинова И.М. Исследование характеристик эмоционального интеллекта у детей-сирот // Russian Journal of Education and Psychology. - 2019. - № 4. - С.54-60.
3. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В., Зайцев Г.О. Психологические ресурсы работников организаций для детей-сирот с разным уровнем эмоционального интеллекта // Психологическая наука и образование. - 2022. - № 6 . - С.155-169.
4. Снегирева Е.С. Сазонова В.Н. Особенности эмоционального интеллекта детей из приемных семей // Известия ВГПУ. - №4 (285). - 2019. - С.250-253.

Применение восстановительных программ в работе с осужденными женщинами в сфере семейных отношений, на этапе подготовки к освобождению

Шестопалова В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Дебольский М.Г.

Процесс подготовки к освобождению можно рассматривать через призму ресоциализации осужденных. Под процессом ресоциализации рассматривают вторичную социализацию, связанную с изменением установок, целей, норм и ценностей в жизни человека, а также процесс приспособления человека с девиантным поведением к жизни без конфликтов, через формирование нового мировоззрения и моделей поведения (Ананьев О.Г, Щербаков Г.В., 2013). Теоретические основы ресоциализации осужденных и в частности, женщин раскрыты также в работах А.Д. Глотовкина, Т.Н. Волковой, С.В. Горностаева, М.Г. Дебольского, О.Н. Ежовой, Т.В. Калашниковой, А.Н. Пастушени, В.Ф. Пирожкова, В.М. Позднякова, А.Н. и др.

Одним из перспективных направлений ресоциализации осужденных является использование восстановительных программ. При их планировании и проведении автор основывался на концепцию восстановительного правосудия (Х. Зер, Дж. Брейтуэт, Н. Кристи, Р.Р. Максудов, Л.М. Карнозова). В концепции восстановительного правосудия ключевое значение придаётся восстановлению. Это определённый алгоритм действий, который фокусируется на создании условий для обсуждения и принятия решения о возмещении и заглаживании последствий причиненного вреда, восстановлению связей между людьми, в том числе и семейных отношений. Коммуникация в программах восстановительного правосудия помогает людям услышать друг друга и понять, что чувствует и испытывает другой человек, затронутый преступлением (Карнозова Л.М., 2014).

Успешность реализации данных программ в работе с осужденными, на наш взгляд зависит от выявления наиболее уязвимых категорий осужденных, учета их личностных особенностей и потребностей. В Федеральном Законе «О Пробации в Российской Федерации» (2023) введен термин «индивидуальная нуждаемость» лиц, в отношении которых должна применяться пробация. Это предполагает комплексную диагностику личности осужденного еще на стадии отбывания наказания, изучение её психологических особенностей, выявление характера семейных отношений и социальных контактов, для дальнейшего содействия в восстановлении и укреплении социальных (семейных) связей, а также по другим направлениям социальной реабилитации.

Основываясь на отмеченных выше теоретических положениях, автором проведено эмпирическое исследование личностных особенностей осужденных и характера их семейных отношений с использованием следующих методов и методик: анкетирование осужденных женщин, по вопросам взаимодействия с ближайшим окружением, в том числе с детьми; контент-анализ заполненной осужденными карты социальных контактов; тест Г. Шмишека, направленный на выявление акцентуированных черт характера; тестирование по Шкале семейного окружения, для выявления особенностей семейных отношений. Для обработки полученных данных использовались методы математической статистики (сравнительный анализ с использованием непараметрического критерия Краскера-Уоллеса, непараметрический критерий Манна-Уитни). Обработка осуществлялась в SPSS Statistics.

В исследовании приняли участие 50 осужденных женщин, освобождающиеся во втором полугодии 2024 года, и в первом полугодии 2025 года из исправительных учреждений Алтайского края.

Целью исследования являлось выявление личностных особенностей осужденных женщин, характер семейных отношений и обоснование их учета при составлении и проведении восстановительной программы на этапе подготовки к

освобождению. В результате проведенного эмпирического исследования представлена следующая типология осужденных женщин: 1) не имеющие детей; 2) имеющие детей и поддерживающие с ними контакты; 3) имеющие детей, но лишенные родительских прав (то есть потерявших контакты с детьми и как правило, с большинством родственников). На основании использования математического критерия «хи-квадрат» установлено, что усредненные показатели социально-демографических, криминологических характеристик осужденных женщин в разных группах имеют статистически значимые различия. Для сравнительного анализа использован непараметрический критерий Краскера-Уоллеса, он позволил определить наличие значимых различий акцентуированных черт характера в указанных группах осужденных женщин. Критерий Манна-Уитни позволил выделить различия между двумя независимыми выборками: среди осужденных женщин, лишенных родительских прав, наиболее распространен возбудимый и циклотимный тип акцентуаций, у осужденных женщин, не лишенных родительских прав, распространен тревожный тип акцентуаций. На основе проведенного исследования можно утверждать, что одним из наиболее значимых показателей индивидуальной нуждаемости осужденных женщин, имеющих детей, является потребность в доброжелательных семейных отношениях и психологической помощи после освобождения. Изучение характера семейных отношений, в выявленных группах осужденных показало, что контактные, то есть доверительные отношения, преобладают в группах осужденных женщин, имеющих детей и не лишенных родительских прав (68,0%), а также женщин, не имеющих детей (58,3%). Женщины, лишенные родительских прав, заявляют о конфликтных отношениях (15,4%) и о полном разрыве отношений с семьей и детьми (84,6%). Таким образом, доказана гипотеза о том, что наиболее распространен конфликтный характер семейных отношений у осужденных женщин, лишенных родительских прав. Распределение потребности наладить отношения с детьми в зависимости от группы, в процентах, показывает, что именно женщины, лишенные родительских прав, заявляют о том, что хотели бы восстановить общение со своими детьми (64,5%), это же верно более чем для третьей части (35,5%) осужденных, не лишенных родительских прав. Полученные результаты, подтверждают нашу гипотезу, о том, что потребность в восстановлении семейных отношений выше у осужденных женщин, имеющих детей, чем у осужденных женщин, не имеющих детей. При подготовке и апробации восстановительных программ в работе с осужденными женщинами, освобождающимися из мест лишения свободы, показано, что выявленные личностные особенности, помогают увидеть ресурсы и препятствия для

составления и реализации восстановительной программы, что может стать предпосылкой к ее разработке и успешной реализации.

Анализ кейс-ситуаций позволяет сделать вывод о том, что участие в восстановительной программе, помогает женщине перейти в рефлексивную позицию по отношению к своему поведению и образу жизни, вернуть осужденной женщине ее идентичность, возможность вновь стать матерью, женой, сестрой, дочерью, перейти к ориентации на новую систему установок, норм и моральных ценностей, что способствует профилактике повторного совершения преступления, восстановить семейные отношения с близкими, детьми.

Литература

1. Ананьев О.Г, Щербаков Г.В. Ресоциализация и социальная адаптация в уголовно-исполнительной системе : учебное пособие; Федеральная служба исполнения наказаний, Акад. права и упр. – Рязань : Акад.ФСИН России, 2013. – 176 с.
2. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография – Москва : Проспект, 2014. – 264 с.

**Межвузовская научно-практическая конференция
по юридической психологии**

Сборник тезисов участников научно-практической
интернет-конференции по юридической психологии

Компьютерная верстка – *O.Д. Гурина*

Подписано в печать: 10.06.25. Формат: 60x84/16.
Гарнитура «Times». Усл. печ.п. 18,8. Усл.-изд. л. 19,2.
Электронное издание. Печать по требованию.

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29